

Борис Фертман

РАЗОРВАННЫЙ КРУГ

Документальная повесть

СОДЕРЖАНИЕ

Встречи (Г. Дубникова)
Глава I Подожди, не прыгай!
Глава II Прыжок
Глава III Внутренний огонь
Глава IV «Академия наук»
Глава V В поисках себя
Глава VI Дело
Глава VII Скальпель и костыль
Глава VIII Снизу вверх
Глава IX Мои приспособления
Глава X Среди друзей
Вместо послесловия
Письма
...И встречи
Из стихов Бориса Фертмана
Приложение

ВСТРЕЧИ

Не обратить на него внимания было просто невозможно. В нежное и мягкое от дождей прибалтийское лето, в санатории, где каждый «колясочник», вырвавшись из заточения и опьяненный волей, колесил по аллеям роскошного парка, он, казалось, жил совсем в ином мире: на каталке-носилках, поставленных обычно в тени дерева, вечно что-то писал, рисовал формулы. Или в веселой братии приехавших навестить друзей, и всегда со своей красавицей женой они то пели, то о чем-то спорили... Я со своей компанией и он со своей пребывали в том санатории как бы самостоятельно. И лишь на пороге отъезда суждено было познакомиться. Легко и быстро и сразу на «ты». Так обычно знакомятся дети: без подходов и предубеждений — на одной лишь тяге общения и любопытства.

В общем, простого знакомства оказалось мало — требовалось общение. И оно началось. Пусть в письмах, но именно общение. А это не только информация — хотя, кажется, о каких таких событиях может идти речь, когда каждый день — как один слепок: постель, мир законной жизни и полная зависимость от всех и вся. К счастью, бытовые реалии не подавили собой жизнь духа и живость ума. Каждое письмо — доверчивое откровение, даже точнее так — доверительное разделение своих мыслей, чувств, ощущений, реакций на то или иное, отклик неравнодушного и деятельного человека. И что в этом случае значит полностью парализованное тело, которое, по сути, всего-то оболочка неумного жара души?

Письма Бориса Фертмана — это особая тема, большая и подробная. Потому что они — неизмеримый мир многогранных его интересов, открытий. И стихов. В каждом письме — стихи.

Судьбе было угодно подарить еще одну встречу с ним и Линой, его ангелом-хранителем, но уже в другом санатории. Поразило тогда вот что: вмиг о его приезде узнали все — от самого запропащего пьяницы-инвалида, местного аборигена, до санаторной «элиты» — ученых, художников, сумевших вопреки инвалидности взять, казалось, недосыгаемый барьер. Все тянулись к нему, каждому было что сказать и хотелось быть услышанным. Один на один оставался Борис лишь в жесточайшей трепке очередного почечного приступа, когда высокая

температура отнимала последние силы. И жена сотворяла невозможное вопреки приговорам врачей и ужасным анализам.

Борис Фертман – из числа людей-загадок, у которых, кажется, нет конца фантазии, непредсказуемости и которые покоряют моментально даром повышенного внимания к человеку.

Помню, в день, когда, как говорится, отменили мой приговор — устрашающий диагноз не подтвердился, – вернувшись после обследования домой, я прочла в письме Бориса потрясшие меня строки: «Срочно сообщи, что с тобой. Если ЧТО — организую самую лучшую консультацию, лечение. Вылетай немедленно в Питер». И это «организую» исходило от физически беспомощного человека, который одним лишь словом мог сделать действительно многое — и организовать, и помочь, и похлопотать! Что подчас оказывается не под силу имеющему все.

Книга Бориса Фертмана — всем нам подарок встречи с удивительным и неповторимым человеком.

Почти два десятилетия отделяют ее от первоначальной журнальной публикации – с купюрами, без дополнительных глав, без стихов.

Это и подарок самому автору – долгожданная встреча со своими невидимыми собеседниками, с которыми он предельно откровенен и которым опытом своей жизни говорит об очень многом.

Г.ДУБНИКОВА

Основное правило — не дать сломить себя ни людям, ни обстоятельствам.

Мария Скловская-Кюри

Глава I ПОДОЖДИ, НЕ ПРЫГАЙ!

В семье ждут не дождутся первого ребенка. Будущие родители мечтают о сыне. Он продолжит род, у него тоже когда-нибудь родится сын, и фамильное древо будет зеленеть вечно. Каждой семье нужен сын, а потом уже и дочь — отрада матери. Самое большое счастье, когда у вас есть и сын, и дочь. Тогда семья обычно крепкая, стойкая, она способна выдержать и домашние бури, и тяжелые невзгоды, всем здесь живется веселее, все готовы прийти друг другу на помощь. Сила ее в единстве противоположных начал: мужского и женского.

И вот у вас родился сын, и счастью нет предела. Природа устроила так, что мальчиков на нашей Земле рождается больше, чем девочек: в среднем на каждую тысячу новорожденных — пятьсот восемнадцать мальчишек. Почему такое неравноправие, зачем избыточность? Ведь в природе все так рационально, так совершенно! Но нет, все правильно, природа не ошибается.

В мальчике чаще всего заложен мощный заряд активности. Он рожден быть бойцом, а в борьбе нужны смелость, сила, риск. Пока малыш растет, он множество раз падает в опасные положения и сам создает их, и счастье, если выходит из них только с синяками да шишками.

Но нередко все оборачивается бедой, а то и непоправимым горем для всей семьи.

Тяжелые травмы и гибель приводят к тому, что во всем мире мужчин всегда меньше, чем женщин.

В детстве я не был сорвиголовой, ничем не отличался от своих сверстников. И все-таки сколько раз случалось рисковать, сколько шрамов осталось на теле!

...Мне шесть лет. Я очень люблю лошадей. Хорошо бы иметь свою, настоящую, живую, ездить на ней верхом, как наш сосед-военпред. Я всегда верчусь около его коня, привязанного у дома, пока хозяин обедает. Даю гнедому сено, трогаю его за морду, за губы. Зима на Алтае морозная, днем солнце подтапливает снежок, а мы, ребяташки, его

раскатываем в ледяные дорожки. Разгонишься — и скользишь по ним стремительно, пока не врежешься в снежный наст. Если подойти к приятелю, стоящему на льду, и слегка подсечь его под ноги, то он рухнет, как подкошенный. А сейчас гнедой обеими задними ногами стоит на ледяной дорожке. Если подкрасться сзади и точно поддать под копыта, то...

Я попробовал — гнедой на миг встал на передние и щелкнул меня задними так, что я кубарем покатился в сугроб. Но все цело, обошлось: то ли гнедой пожалел, то ли шубейка спасла.

...Лето. По двору едет телега. Мы, конечно, бежим за ней, цепляемся, посматривая на возчика, не вытянет ли кнутом. Васек и Ромка уже повисли на задке, а мне и ухватиться-то не за что. Одной рукой за перекладину, другой за Ваську, но срываюсь, падаю, и нога попадает под заднее колесо. Кожа на стопе рассекается и сползает носком, но свод стопы цел — ничего, до свадьбы заживет.

...На заводском конном дворе, где я любил околачиваться, от меня не могли отделаться. И гнали оттуда, и добром просили. А как уйдешь от стройного Сокола с белыми бабками, лохматого Мальчика, монгольского конька? А рысистые Розка, Сорока? Сколько радости, когда тебе дадут вожжи в руки, еще лучше — если разрешат покататься верхом. Однажды не удержался на спине резвого Чалого, просвистел, как камень из пращи, и упал рядом со стоящей телегой, в нескольких сантиметрах от головы мелькнули ступица и ось тележного колеса.

...В годы войны мужчин в тылу не хватало, на заводе работало много женщин и подростков. Подростки учились в ремесленных и фабрично-заводских училищах, а потом шли на завод подсобниками или к станку — суровое было детство. Мы же, ребята поменьше, после уроков свободны, каждый день с неизменным увлечением играем в войну, а то ищем приключений на улицах поселка.

Вот по дороге несется цепочка саней, только в первых и последних сидят возчики, а в середине — никого, некому управлять. Мы тут как тут, приготовились, ждем, разбежишься и — прыг в предпоследнюю кошеву, где нет кучера. Но монгольская лошадка пуглива, косит на тебя розовым глазом. И когда я разбежался и прыгнул, она рванула сани вперед — я оказался под ногами у следующей. Та каким-то чудом переступила через меня, возчик отчаянно тормозил, повиснув на вожжах, и сани встали. Помятый и испуганный до смерти, выбрался я из узкого пространства между задними ногами лошади и передком саней...

Иногда опасность рядом, а мы ее не чувствуем, не можем предугадать, предостеречь себя или ближнего. И все-таки чаще бывает наоборот: мы ясно ощущаем риск, но, как магнитом, нас тянет к нему. Тянет побегать по крыше дома, подойти к краю крутого обрыва, залезть на огромную раскачивающуюся сосну, переплыть широкую, именно широкую, реку. И пусть от страха замирает сердце, стремление это неуправляемо.

Сильные и смелые взрослые люди карабкаются к ослепительной горной вершине, взлетают на самодельных крыльях и парят в воздухе, спускаются в сплошной мрак пещеры, в неведомую глубь океана. Ничто и никто их не остановит.

Но до больших дел и свершений, полных опасностей, надо еще дорасти, пережить улицу и школу. Да, да, родную улицу и обычную школу.

Во дворе, в классе мальчишка попадает в группу сверстников. Игры, соревнования: кто ловчее, кто сильнее, кто придумает самое веселое развлечение — все это приносит радость, удовольствие, накапливается опыт, остаются отметины и на теле.

...На перемене в классе идет бой. Мы с Юркой захватили парту, стоим на ней во весь рост. Снизу атакуют Ромка и Виля. Один хватает меня за ноги, другой толкает. Падаю и лицом ударяюсь об угол парты, кровь заливает все вокруг.

...У нас отличная баскетбольная команда. Мы сами подготовили площадку на школьном дворе и пропадем на ней после уроков. Иногда плохо накачанный мяч (мы сами его по очереди надуваем) застревает между кольцом и щитом. Приходится выбивать его оттуда камнями. Ленкин голыш рикошетом отскакивает в меня — и половины переднего зуба как не бывало.

Гимнастика, фехтование, бокс, прыжки с трамплинов на лыжах и в воду, футбол, хоккей — этими видами спорта мальчишки занимаются повседневно, хорошо, если с тренером, а чаще сами.

Даже у выдающихся спортсменов, признанных мастеров, травмы не редкость, а в массовом, не столь тщательно контролируемом спорте поломанные руки и ноги, сильные ушибы и раны — значительно чаще. Совсем плохо, когда физическое развитие полностью безнадзорно.

...У Димки новые коньки-дутьши, он привернул их к ботинкам. Хорошо ему, никто не срежет. У остальных «снегурки», «ласточки», крепление — веревки да палочки, чтоб притянуть к валенкам. Зато крючки из толстой проволоки у всех одинаковые, ими мы цепляемся за борта машин, когда они притормаживают на повороте. А уж потом несем так, что ветер свистит в ушах. Я как-то прицепился к стоящему газику, но шофер сдал назад. Пока пятился, застрял в сугробе, и колесо наехало на ногу. Ничего, только помяло да крепления лопнули.

...Река Алей — любимое место наших игр, развлечений, состязаний. У нее один берег крутой, на нем мы мастерим зимой трамплин. Правда, лыжи-то никомушные, плохо затянуты, воткнутся с ходу в трамплин — и нет их, да и сам не знаешь, где ты оказался после падения.

Летом идем все в забок, на другой берег Алея. Там раздолье ежевики, костяники, надо только знать места. Лежишь в траве на поляне, смотришь в голубое бездонное небо — хорошо. Но жарко, пора купаться. И вот уже из-за кустарника сверкнула лента реки. На пляже все знакомые ребята, тоненькие девочки в купальниках, студенты, приехавшие домой на каникулы. Кругом смех, шутки, игра в волейбол, футбол. На обрыве — группа прыгунов в воду. Обрыв метра три-четыре высотой, но главное — надо прыгать подальше, на глубину реки. Для этого мы что есть силы разбегаемся и летим рыбкай в манящую воду.

Недалеко от нас стоит новичок, он еще не знает этого места, но его тоже бьет дрожь нетерпения — хочется прыгнуть. Коротко разбежавшись, он свечой канул вниз, не пролетев мелководья, ударился головой о дно и сломал себе шею. Через две недели его уже не было в живых...

В повседневной жизни человек часто действует безотчетно, руководствуясь лишь подсознанием, в котором запечатлевается прошлый опыт: переживания, размышления, события, участником или свидетелем которых ему довелось быть. Темп окружающей нас жизни с каждым годом становится все более стремительным, не всякий человек поспевает за ним. Реакция на опасность должна быть быстрой и точной, почти автоматической, чтобы остаться целым среди мгновенно возникающих и быстро меняющихся событий. Деревенскому жителю, впервые попавшему в большой город, трудно даже перейти оживленную улицу. Нелегко и старику, прожившему всю жизнь в городе: с возрастом замедлилась реакция, уменьшилась скорость движения, пожилой человек с опозданием реагирует на опасность. Выручают только осторожность, предусмотрительность, знание своих недостатков.

У городского же мальчишки — завышенное представление о своем опыте и возможностях. Ему хочется проскочить впритирку перед движущимся автомобилем. На улице, в школе воздействие компании на подростка огромно. Возникает особое желание удивить, поразить товарищей. Он еще больше разгорается и возбуждается в присутствии девочек, особенно вон той, что украдкой поглядывает в его сторону. Много их, гоняющих на велосипедах, не держась за руль, в их руках мопед или мотоцикл — страшное, обоюдоострое оружие, опасное и для них, и для окружающих.

Юные годы полны впечатлений. Книги, кино, телевидение дают богатую пищу свежим и острым чувствам, формируют кумиров. Появляется потребность подражать мушкетерам и ковбоям, спортсменам и другим сильным личностям, и юноши фехтуют без масок, пытаются без достаточной тренировки выполнять элементы «ультра-си», рискуют где надо и где не надо.

В свою очередь, и мужчина надолго, иногда на всю жизнь, сохраняет мальчишеские привычки. А ведь нет уже той цепкости, гибкости, ловкости. Один мой приятель, возвращаясь с вечеринки после окончания института, решил съехать по перилам и разбился в проеме лестницы.

Почему же все внимание мальчишкам, юношам, мужчинам? Ведь есть и девчонки, девушки, женщины, ни в чем не уступающие «сильному полу». Верно, есть. И все, написанное здесь, относится и к ним. Я знаю и помню совсем юную девушку-ныряльщицу с тяжелой травмой спинного мозга и девушку-инвалида, упавшую с дерева. От вида девочки, девушки, женщины в инвалидной коляске разрывается сердце.

И все-таки у женщин сильнее чувство самосохранения. Бытовой и производственный травматизм для мужчин в большей мере — правило, а для женщин — исключение.

Но и среди мужчин надо выделить категорию с сильным темпераментом, полных энергии от избытка сил. Именно у таких людей слабо развит инстинкт самосохранения, а потому они и более уязвимы.

Трусость мужчины испокон веков презренна, а смелость считается высочайшим достоинством, но паническую трусость не надо смешивать с осторожностью, диктуемой страхом и разумом. Страх в ожидании боли, неизвестности или опасности естествен для человека, в нем нет ничего зазорного. Все дело — в умении преодолеть его, когда этого требуют долг и высокие идеалы, чужая или твоя жизнь, и совсем глупо, когда высмеивается чувство разумной осторожности. Так могут поступать только либо люди, не знающие и не представляющие настоящих страданий, либо люди жестокие.

Но вот ваш дорогой сын вырос, стал мужчиной, он здоров, и у него уже своя семья. Можно ли теперь вздохнуть спокойно? Нет, не всегда. Очень многое зависит от места работы, и образа жизни человека, от его профессии. Шахта, новостройка, завод, работа в море и на транспорте, служба в милиции и в армии, освоение космоса и высоких широт требуют большого напряжения сил, умения действовать в сложных ситуациях, где необходимы и опыт, и знания, и смелость, и оправданный риск. Казалось бы, немалые средства затрачиваются на технику безопасности, но с каждым годом усложняются производственные цели и задачи.

Бессильна техника безопасности, если человек пристрастился к спиртному. После родительской и школьной опеки он вдруг становится самостоятельным, появляются собственные деньги, в трате которых не нужно отчитываться. И если денег достаточно, контроль ослабел, а вокруг много подходящих дружков, желающих и предлагающих выпить и повеселиться, то не каждый уберется от соблазна. Опять же нет опыта, нет чувства меры. В молодости обуревают желания все попробовать самому, не упустить новых впечатлений. Мне, помнится, хотелось даже посидеть в тюрьме — не совершить преступление, а именно посидеть в тюрьме.

...В комнате институтского общежития, куда меня только что поселили, было нас четверо: Борис, Саша, Павел и я. Особенно выделялся Борис. Атлетически сложенный, в школе он занимался боксом и греблей. Был он еще и развитее нас, прекрасно знал математику, физику, так что программа первого курса давалась ему без труда. У него было много свободного времени, лекции он почти не посещал. Кроме того, Борис обладал сильной волей и влиянием на окружающих. От его настойчивых предложений выпить было трудно отказаться. Попойки становились все чаще, появились новые участники, по утрам вместо лекций все предавались восторженным воспоминаниям о прошедшей «веселой» ночи. После первого курса Павла отчислили из института. Застрял на втором курсе Саша. Многие ребята не выдерживали экзаменов и уходили из института навсегда. А Борис держался, перед каждой сессией бросал пить, день и ночь занимался и сдавал экзамены на «хорошо» и «отлично». Затем снова возобновлялось питье и веселье. Но усложнялась программа, старого багажа не хватало, слабела воля, все сильнее становилось желание пить, теперь уже пить без перерывов. Борис отстал в учении на год, потом на другой, не действовали никакие уговоры и угрозы — попойки продолжались, менялись только участники.

Я кончил институт, начал работать и на некоторое время потерял его из виду, совсем редкими стали наши встречи. И вот звонок, а в трубке Сашин голос:

— Борис погиб!

— Не может быть, кто угодно, но не он, такой сильный, умный!

— Вчера утром, после свадьбы приятеля, он с Гариком поехал на Невский опохмелиться. Устроили какой-то скандал в подвальчике «Советское шампанское».

— Ну и что, что дальше-то?

— Приехал «воронок», милиционеры потащили Бориса и Гарика в него, но Боб сопротивлялся, цеплялся за ручки дверей. Тогда его бросили в кузов, там, похоже, и забили. В справке написали: «Отравление суррогатом...»

Погиб талантливый парень, и остались совершенно убитые горем двое стариков совсем одни — старший сын не вернулся с фронта, а теперь нет и младшего, последнего, любимого.

...В палате нас много. У окна лежит Юра. Руки и голова его в шрамах, передвигается он, припадая на левую ногу. Живой паренек, постоянно что-то ест, играет в шашки, плачет, если к нему запаздывают или не являются посетители. У него затруднена речь, нарушено мышление. Его в шутку называют «Петропавловским», потому что он свалился со стены Петропавловской крепости: крепко выпив со своим дружкой, пытался прокатиться на мотоцикле по торцу стены одного из бастионов.

Рядом со мной лежит осетин Костя, худой, когда-то стройный джигит. Раньше он танцевал в ансамбле, у него была любимая девушка. Он ее по-прежнему любит, но она его оставила. Костя всегда с книгой, ими завалена вся тумбочка. По ночам мы с ним долго беседуем, он живет мечтой написать роман — много там будет о его девушке.

У Кости тяжелейшая травма спинного мозга, в ногах нет движения и чувствительности, на теле глубокие трофические язвы-пролежни. Вместе с другими рабочими он ехал в кузове грузовика, пьяный шофер решил проскочить неохраняемый переезд перед движущимся поездом. В результате семеро погибли, остальные получили тяжелые увечья, среди них Костя...

Гибель человека или тяжелая травма, сделавшая его инвалидом до конца жизни, — всегда несчастье. Но отношение к такому событию, к анализу его причин, к мерам борьбы с подобным различно.

Миллионы людей отдали жизнь и здоровье за свободу нашей Родины в Великой Отечественной войне с фашизмом. Их имена священны, память о них вечна. Инвалиды войны достойны внимания и забот. И в мирное время человек, будь то космонавт, милиционер или любой иной гражданин, жертвующий собой ради славы и благополучия страны, ради спасения жизни другого человека, является примером мужества и образцом для подражания.

На другом полюсе — жертвы умышленных травм, порожденных хулиганством и бандитизмом, и травм неумышленных, бытовых и производственных. Здесь мы часто прибавляем: несчастный случай. Но случай ли? А может, беспечность или лихачество, неосторожность или безответственность, неподготовленность физическая и умственная?

Нужна, на мой взгляд, особая наука - травмоведение, разные разделы которой человек должен изучать в течение всей жизни. Особенно с того момента, когда он становится ответственным за новую жизнь, жизнь своего ребенка. Родительское сердце находится в постоянной тревоге за его безопасность. Неусыпный контроль, познание характера ребенка и окружающих его детей, особенно тех, кто верховодит в группе, анализ обстановки в доме, во дворе, на улице, а потом и в школе — все это дает возможность принять меры необходимой предосторожности. И самое главное здесь — привить ребенку разумную самостоятельность, не ограничивать его в играх, в спорте, в состязаниях, но направлять, подстраховывать. Физическая культура, выработка ловкости, гибкости, быстроты реакций помогут ему выстоять перед трудностями и быть здоровым. Но еще важнее научить самоанализу, оценке тех или иных ситуаций, принятию верного решения.

Мне кажется, например, что каждое утро и каждый вечер любой человек должен хотя бы десять-пятнадцать минут посвящать размышлению, как бы проигрыванию действий в наступающем или прошедшем дне. Аутотренингу, самопознанию надо учиться с детства и заниматься ими всю жизнь. Это прекрасное средство не только для того, чтобы разумно ее строить, но и для того, чтобы избежать трагических случайностей.

И еще. Литература и кино, театр и телевидение должны создать ярчайшие, полные подлинного драматизма произведения, предостерегающие от ненужного риска и легкомыслия, подсказывающие верные шаги в жизни. Пусть слово инвалидов и специалистов по профилактике дойдет до • сердца и сознания каждого человека. Если несчастный случай станет предметом детального обсуждения и разбора, возможно, это исключит и предупредит его повторение.

Ну и, конечно, необходима разработка совершенных сигнальных и страхующих средств.

Может быть, я надоел тебе, читатель, пересказом избитых истин, но иначе не могу. Стоит мне только представить, как мальчишка, или юноша, или молодой мужчина готовится к прыжку в воду с берега или с камня, тотчас душу мою рвет немой крик:

— Подожди, не прыгай! Проверь, глубоко ли там, будь осторожен!

И так всегда.

Глава II ПРЫЖОК

Черным провалом зияет прямоугольник окна. Затихли больничные шумы и шорохи. Я жду, скоро опять она затянет мне отходную. Чувство такое, что мы связаны с ней невидимой нитью. Я пытаюсь представить себе ее - большую, гладкую, скользкую, с поднятой мордой и прикрытыми глазами. Ни о чем другом я не могу думать, только жду...

– Уууу-у-у — вот она приступила. Чуть передохнула, вздохнула поглубже и опять:

– уууу-у-у...

Мутная тоска заливает душу. Жар не спадает. Все тело болит, особенно руки и шея. Вот уже две недели, как я в больнице. Все это похоже на сон: и собака, и палата, бинты и вонь клеола. Почему же тогда боль? Нет, такая боль не может сниться.

– Уууу-у-у...

А, будь ты проклята, скользкая гадина!

Надо прикусить губу, это отвлечет от боли во всем теле. Нет, не помогает. Скорее бы шло время, скорее бы минули еще три часа, чтобы можно было повернуться на другой бок. С каким трудом даются эти минуты, часы! И опять этот истошный вой.

Наверное, это она по моему прошедшему счастью воет. Да, буду думать о прошлом и только о самом хорошем.

О Крыме. У любого уголка природы своя прелесть и неповторимость. Однако есть места, влекущие и притягивающие людей со всего света. Пребывание в них делает человека счастливым, как всякое свидание с прекрасным. Таков Крым.

Стремительная, вьющаяся лента дороги уносит меня, на поворотах автобус скользит юзом так, что дымятся скаты. Остановка в Алуште, и первый раз в жизни я вижу море. Оно охватило меня сразу, проникло в грудь, комок счастья и блаженства подкатил к горлу. От него невозможно оторвать взгляда. Но пора дальше, в Ялту — там ждет меня Лина.

То райское лето пролетело, как в сказке. С утра я заходил за Линой, и мы шли купаться на море. Какое наслаждение охватывает тебя, когда ты бросаешься в эти изумрудные волны!

Лазурь неба переходит в дымчатую кисею марева и незаметно сливается с зеленой у берега, а далее синей водной гладью. Стройные кипарисы, белоснежные дворцы санаториев, совершенные линии кораблей на рейде, живописный город довершают волшебный ялтинский оком. Дразнящие запахи шашлычных и чебуречных на набережной, радующий глаз пестрый базар, тихие и теплые вечера, а потом усыпанное алмазами звезд черное необъятное пространство казалось чудом после ленинградских дождей и холодно-

торжественных белых ночей. Жажда все увидеть пронесла нас по берегу Крыма от Гурзуфа до Симеиза...

Сколько же мне еще осталось терпеть? Как только доползет лунный свет до тумбочки — будет три часа ночи и можно наконец повернуться. А собака-то не выдерживает, все реже подает голос.

...Через год мы с Линой поженились. Я встречал ее в аэропорту. В наступающих сумерках луч прожектора выхватил ее на летном поле, она увидела меня и побежала, раскинув руки. С тех пор мы вместе и теперь навсегда.

Я работаю в конструкторском бюро, помогаю Лине окончить институт, мы ждем ребенка — сына, конечно. И вот он — маленький человек! Какое счастье держать его на руках, купать, гулять с ним. В первые месяцы Игорь много болел, начались бессонные ночи, пеленки, больницы, консультации. И он стал поправляться, полегчало нам, а раз так, то сразу за любимое дело — науку и работу. Завод «Большевик» — один из крупнейших в Ленинграде, на несколько километров протянулся вдоль Невы. У него славное прошлое, велики его заслуги в годы войны, на знамени его красуются четыре высокие награды. Тут было у кого поучиться. С захватывающим интересом разбирался я в новой оригинальной технике, с большим напряжением трудился. Эскизный проект, потом рабочий, следом уже машины в металле, и пошли испытания — успевай только поворачиваться. Быстро пролетели шесть заводских лет...

Собака уже давно утихла. Лунный свет тронул поильник, термометр на тумбочке.

— Лина, — еле слышно шепчу я.

— Сейчас, милый.

Посторонние шумы не в счет, но стоит мне подать голос, и она просыпается мгновенно. Губы ее касаются моего лба. Напив и поправив одеяло, она исчезает в недрах огромного отделения в поисках уснувших где-то санитарок. Потом они появляются, четыре призрака, перекадывают дренажную трубку, идущую от мочевого пузыря, поднимают меня осторожно, как неразорвавшийся снаряд саперы, поворачивают, укладывают поудобнее. И опять вокруг тишина. Сон не идет, млеют руки, в непрерывном движении ищут они прохладное место на подушке. А мысль сама возвращается к одной и той же картине.

...Последняя командировка была самой интересной из всех, в которых я побывал. Мне и Валентину Макарову поручили очень ответственное дело: от успеха его зависела работа нашего КБ и смежных организаций. В Москве мы ознакомились с чертежами уникальной конструкции. От грандиозности проекта захватывало дух. Мы с увлечением работали целыми днями, а потом еще до позднего часа обсуждали все тонкости в гостинице. Разобравшись детально во всем, полетели самолетом в Куйбышев с несколькими инженерами-москвичами. Тут нам предстояло окончательно согласовать предстоящую работу.

...Стоят жаркие летние дни. Только по вечерам чуть легче дышится, оживает набережная Волги. Кругом молодежь, смех, шутки, песня под гитару:

И там, где полюс был, там тропики,

А где Нью-Йорк - Нахичевань...

В парке на танцплощадке развинченные юнцы бьются в судорогах твиста под синкопированную музыку оркестрика. А на зеркало реки опускается синева сумерек, и буксир с баржей застыл, выпучив зрачки сигнальных огней.

Завтра последний день, а потом прощай, матушка Волга, полетим домой, в родной Ленинград, все дела в Куйбышеве закончены. Утром я долго простоял в очереди на телеграфе — надо было поздравить Лину с днем нашего бракосочетания. Потом на солнышке терпеливо ждали пароходика, чтобы переправиться на противоположный берег: там лучше пляжи. Наконец-то мы на месте, и сразу в воду. Глинистое тугое дно быстро уходит на глубину. Тут же мы выскочили на песок. Валентин разбежался и опять плюхнулся в воду. Как взведенный автомат, как акула, заходящая на жертву, я развернулся — короткий

рывок, стремительный прыжок, последний взлет вверх, а потом страшный удар головой о дно...

Светает. Уже поднялась Лина, умывает меня. Минули очередные три часа, и пришло долгожданное время повернуться снова с боку на бок. Начинается новый больничный день, в дверях палаты появляется сестра Света с полным тазиком разноцветных шприцев. Сейчас начнутся поиски ускользающих вен.

В первые дни пребывания в куйбышевской больнице имени Н. И. Пирогова я перенес две операции: одну — на спинном мозге, другую — на мочевом пузыре — из-за начавшегося уросепсиса пришлось поставить дренажную трубку. Температура ниже 38,5° не опускалась, но были моменты, когда столбик ртути уходил к 41°. Тогда я лежал, раскинув руки, и, казалось, парил в пространстве. Особенно тяжело было от петли Глиссона. Ее не снимали даже при еде, от непрерывного трения о петлю подбородок превратился в кровоточащую рану. Днем, когда вокруг тебя кипит больничная жизнь, боли переносить легче, но в бессонные ночи время как будто останавливается, все болит, все тебе мешает, лихорадочно ждешь наступления утра.

Сразу же после удара головой о дно меня полностью парализовало. Остались лишь слабые движения в плечевых и локтевых суставах. Не прошло и нескольких суток, как на крестце образовалась большая и глубокая рана — пролежень. Врачи делали все, что было в их силах, но надежд на мой счет не питали и готовили родственников к печальному концу. Они явно недооценили меня и моих близких. Все душевные силы, были устремлены к одной цели — жить и только жить. Смерть меня подождет. Так и не достался я курносой ни в Куйбышеве, ни потом, при обострениях болезни, в Ленинграде.

Главная заслуга в том, что я выжил, вместе с медиками принадлежит моей жене и моему отцу, прилетевшим в Куйбышев на следующий день после беды. Дни и ночи у моей постели, проводила Лина, постигая нелегкое искусство ухода за тяжелобольным. Нужны были консилиумы, консультации специалистов, лекарства — всем этим непрерывно и самоотверженно занимался отец.

На помощь нам спешили мой старший брат и брат Лины. Аделаида Тимофеевна Мокроусова, родственница совсем дальняя со стороны жены брата, прилетела из Ижевска. Она лечила пролежни, занималась со мной лечебной физкультурой. С тех пор мы с ней большие друзья.

Но не только родные — совсем незнакомые люди протянули руку помощи. Семья Рывлиных приютила и отогрела убитых горем жену и отца.

Елизавета Карашук пришла с завода, куда я был командирован. Она дежурила около меня по очереди с Линой. Очень многим я ей обязан. Эта простая русская женщина, редкостной души человек, позднее писала мне в Ленинград:

«Боренька, если тебе нужен дополнительный уход, сообщи мне, я приеду, а мой старик и внуки справятся пока без меня».

Ежедневно звонили из Ленинграда, приносили пачки писем. Заводские и школьные друзья старались ободрить, поддержать словом и делом. Никогда не забуду звонка главного конструктора Теодора Доминиковича Вылкости, который просил передать, что механизмы, в проектировании которых я принимал участие, хорошо прошли испытания. Это действовало лучше многих лекарств, которые мне впрыскивали. Никто никогда надо мной не плакал, не причитал. Близкие скрывали от меня свои слезы и горе. Наоборот, в палате всегда царил деятельная обстановка — верьте или нет, но мы часто смеялись и шутили. Мне перечитали вспух «Похождения бравого солдата Швейка», «Одесские рассказы» Бабеля, «Остров веселых Робинзонов» Санина.

А положение мое все время было угрожающим...

Среди писем, полученных в Куйбышеве, было одно очень дорогое для меня:

«Дорогой Борис!

Я только что вернулся из Луги и собирался позвонить тебе, и вдруг звонит врач Петр Зиновьевич — сообщает о несчастье, происшедшем с тобой. Эта беда потрясла меня. Мне

очень трудно писать тебе. Уж я-то хорошо знаю, какие физические и моральные страдания ты сейчас переносишь... Очень верю, что в эти трудные недели ты мобилизуешь все свои силы и поможешь своему организму справиться с этой травмой. Знай и верь, дружище, все теперь зависит от тебя. Главные твои помощники — терпение, дьявольское терпение и непоколебимая вера в выздоровление.

Человек может многое преодолеть, если он любит жизнь и людей. Крепись, дорогой. Сердцем я с тобой. Прошу твою жену принять привет и возможно подробнее мне написать...»

Письмо это было от одного из замечательных людей нашего времени Алексея Николаевича Васильева. Познакомился я с ним года за два до травмы в урологическом отделении ленинградской больницы. Взяли меня туда для исследования — последнее время донимали Приступы почечных коликов. Услышал я, что в одной из палат лежит человек, которому в период коллективизации кулаки стреляли в спину. Уже больше тридцати лет он был прикован к постели. Я, конечно, сразу пошел с ним знакомиться. Встретил меня Алексей Николаевич приветливо, нисколько не удивился незваному гостю. На кровати с балканской рамой сидел грузный человек, черноволосый, с большими искрящимися глазами. В них были и веселое мягкое добродушие, и интерес. Они располагали к себе сразу и бесповоротно. В последующие дни мы много беседовали и даже спорили.

— Каждый человек,— говорил Алексей Николаевич, — должен делать свою работу честно и наилучшим образом, тогда всем будет жить хорошо.

Со всех сторон тянулись здоровые люди к Васильеву, они уходили от него заряженные его энергией, полные мыслей и восхищения этим кристально чистым, железной воли человеком. Связь с ним я сохранил и после выписки из больницы, где мне удалили одну почку. Я бывал у Алексея Николаевича дома, познакомился с его замечательной женой и верным другом Александрой Ивановной. О Васильеве вышла книга «Наш товарищ Алеша», которую надо бы проходить в школе вместе с книгой Николая Островского «Как закалялась сталь», а уж каждый инвалид должен ее прочесть обязательно.

Я горжусь, что лично знал этого настоящего человека, светлую память о котором храню. Знакомство с Васильевым и благодаря ему некоторые знания последствий травмы спинного мозга позволили мне не только оценить свое состояние, но и не так трагично смотреть в будущее.

Борьба за жизнь продолжалась. Надо было во что бы то ни стало продраться сквозь дремучий лес боли и жаркого удушья, сквозь цветные ослепительные видения, когда кажется, что стоишь с Линой среди ярко-ярко-зеленого чистого поля, а небо аспидно-синее, и алый пожар вдали...

Начались приготовления к перелету в Ленинград. Важно было предохранить шейный отдел позвоночника от возможных толчков и сдвигов. Сперва решили заковать меня в гипсовую полукроватку от затылка до поясницы. Когда ее сделали и начали снимать, то вспомнили, что забыли смазать спину вазелином. Отдирали гипс с сухим треском рвущихся волос. Вспомнился мне тогда один эпизод.

После летних каникул в перерыве между лекциями в институте подошли ко мне два сокурсника, с которыми я тренировался в секции бокса.

— Слушай, Боб, ты был в Крыму?

— Ну.

— А с ялтинского маяка нырял?

— Нырял, но без свидетелей.

— А мы с Володей ехали на прогулочном катере. Я ему и говорю: «Вон тот парень — Борис, второго такого лохматого не сыщешь...»

Теперь же спина у меня была гладкая, как у купальщицы на картине Ренуара. Но кроватку почему-то забраковали и решили сделать гипсовый ошейник. Так я узнал, что такое испанский сапог, надетый на шею. Эта колодка пробыла на мне около двух недель и

причиняла ужасные страдания. До сих пор я вспоминаю о ней с содроганием. А ведь можно было обойтись съемным поролоновым ошейником, специально пригнанным по тебе и надеваемым только на время транспортировки. Такой ошейник появился у меня впоследствии. Но уже тогда, на первом печальном опыте, мне стало ясно: нужны единые правила доставки пострадавшего с места травмы, необходим компактный набор приспособлений для переезда на поезде и перелета самолетом.

Навестил меня директор куйбышевского завода А. Г. Проценко, он же помог с транспортировкой специальным самолетом. Огромную энергию затратил отец на организацию перелета, на устройство в Ленинградский нейрохирургический институт имени А. Л. Поленова. Перед отъездом профессор Златоверов сказал:

— С такой травмой, как у тебя, да еще с одной почкой выживает один из тысячи. Тренируйся и постарайся вернуться к своей работе.

Последний вечер в Куйбышеве. Прощаемся с врачами, сестрами, с многими людьми, ранее чужими, а теперь близкими, родными, отдавшими нам драгоценное тепло своих сердец.

Ранним, белесым, еще не пробудившимся утром выносят меня на носилках, застеленных толстым поролоном.

Прощай, Волга, зла не помню. Прощай, Куйбышев!

На аэродроме носилки перегружают в кузов грузовика. Грузовик задом подкатывает к дверям «ИЛ-14», и вот я в самолете. Тут и родственники, и врач с аптечкой, с набором стерильных шприцев.

Я много летал самолетами и до травмы, и после, но никогда не приходилось видеть таких мастеров своего дела, как в этот раз.

Свой самолет по просьбе Т. Д. Вылкости предоставил Сергей Павлович Королев. Наша командировка была связана с испытанием ракеты Н-1, на которой советские астронавты должны были высадиться на Луну. Судьба Н-1 схожа с моей. Ни взлета, ни посадки никто не ощутил, не нужен был никакой ошейник. Чуткие и умелые руки были у летчиков экипажа.

Лечу наконец-то, через полтора месяца лечу домой! Мерно шумят двигатели, через иллюминаторы солнце заливает салон.

Чредой проходят в памяти моей недавние события. Почему же случилась беда, так ли уж она случайна?

С юношеских лет я любил нырять, было бы только откуда прыгать. Уже в командировке я как-то рассказал Валентину Макарову, как ныряли мы с обрыва, как разбился тот парень. И невидимая пружина взвелась, нужен был только легкий толчок, чтобы ее спустить.

Немаловажное значение имело то, что я всегда нырял с высоты в глубокое место. При этом входят в воду вертикально, как говорят, «колом». С пологого же берега надо прыгать и лететь горизонтально зеркалу воды, а у меня такого навыка не было.

Самое же главное — я утратил физическую форму: после операции почки несколько располнел, пропала скорость движения, не мог я разбежаться сильнее, улететь на глубину... Вот и получается, что в случайном есть большая доля закономерности.

Глава III ВНУТРЕННИЙ ОГОНЬ

Самолет плавно коснулся бетонной дорожки.

Ленинград! Для ленинградца нет в мире лучшего города. Он прекрасен, но в нем еще живет и особая душа. Прелесть города не только в застывшей музыке зданий, устремленных проспектов, ажурной вязи решеток и вздыбленных мостов, но и в его истории, в том, что по этим улицам ходили Пушкин и Достоевский, Некрасов и Блок... Любовь к этому городу передается из поколения в поколение. Но она непременно постигает и тех, кто связал с ним свою судьбу в зрелом возрасте. Я окончил здесь школу, институт, начал работать, женился, здесь родился мой сын. Это мой город. Здесь, в Ленинграде, ждала меня мать, которую до сих пор держали в неведении.

Всю жизнь она рядом со мной. Помню, как в далеком детстве она рассказывала мне сказку про зверей, которым в лесу раздавал и хвостики, а зайцу хвоста не досталось. Мать читала мне Пушкина и Гоголя, Тургенева и Толстого. В школьные годы часто у нас собиралась классная редколлегия, и мама помогала нам выпускать юмористическую газету «Вилы в бок», литературные газеты и журналы. В нашем доме всегда было много моих друзей, и все они были друзьями моей мамы.

И вот она вошла ко мне в палату, приникла. Рядом врач Ефрем Григорьевич Лубенский твердит:

— Не плачь, мать. Мать, не плачь. А она только шепчет:

— Сын мой, сын мой... И в глазах мольба, боль, слезы. От нервного потрясения мать заболела сахарным диабетом. Но в свои шестьдесят все силы и энергию она отдала уходу за мной и тогда, в первые дни, и на протяжении многих дальнейших лет, когда жена и отец уходили на завод, а я и мать принимались за работу дома. Целый день она трудилась, помогая мне, моему сыну, следя, чтобы вся семья была накормлена и ухожена.

Множество забот и неотложных дел легло на плечи моего отца. Медицинское оборудование квартиры, консультации специалистов, протезирование, первая связь со спинальными больными, давно получившими травмы, их опыт — все это и многое другое устроил, сделал и передал мне мой отец, человек колоссальной энергии и работоспособности, исключительно добрый и отзывчивый. Хорошо, если хоть часть этих качеств передалась по наследству его сыновьям и внукам.

В. В. Вересаев в «Невыдуманных рассказах» пишет о двух медицинских сестрах, обладавших особым качеством. В их дежурство даже самые безнадежные больные не умирали. Эти женщины были настолько чутки, что воспринимали все желания и процессы, происходящие в организме и душе больного, они умели помочь и вселяли жизненную силу в страждущих людей. Это не мистика, а особый дар, своего рода талант. Таким даром обладает моя жена Лина. Я это ощущаю с первых дней травмы и по сей день. По лицу, по глазам, по малейшим моим движениям она раньше меня определяет, где и что мешает, что нужно сделать. Все у нее получается ловко и приносит облегчение. Она постоянно ухаживала и занималась со мной лечебной физкультурой, приобрела умение и навыки высококвалифицированной медицинской сестры. Даже опытные спинальники, много повидавшие на своем веку, говорили мне, что не встречали такой жены, а заводские товарищи звали ее «декабристкой».

Однажды, когда мне было особенно плохо и в вене торчала игла, по которой капля за каплей поступало лекарство, сами собой пришли стихи...

В жару, в ознобе,
От сильной боли
Трепещет плоть.
Ну, стисни зубы,
Не плачь о доле —
Ведь жизнь идет!

Но эта доля
Так жжет и жалит
За все грехи,
Что нужна воля
И плоть из стали,
А не стихи.

Спасла терпеньем
От муки-клешни,
Кошмаров сна,
Согрев дыханьем,
Объятъем нежным,
Моя жена.

Зовет и манит
Из темной дали
Нас огонек...
И мы не ныли,
И мы не сдали
С тобой, дружок!

Негасимое пламя любви матерей и отцов, верных жен и мужей возвращает инвалидов к желанию жить, работать, быть полезными семье и обществу. Долг наш трудно оплатить, но всей своей жизнью надо стремиться к этому. Собственный внутренний огонь должен озарить твою жизнь, согреть твоих близких и друзей, светоч его не должен коптить. Не дай ему угаснуть!

Конечно, написать девиз легко, а следовать ему трудно, но нам с тобой, мой читатель, есть с кого брать пример.

Ярчайший огонь пылал в груди Николая Островского, Алексея Николаевича Васильева. Замечательные примеры стойкости, трудолюбия, воли к жизни дали и дают нам инвалиды Великой Отечественной войны. Нелегкую эту эстафету приняло новое поколение людей, пораженных тяжелым недугом. Колоссальная энергия, целеустремленность, бурная деятельность — эти качества характеризуют и теперешних инвалидов-спинальников, таких, как доктор наук А. Шлыгин и изобретатель Г. Гуськов, кандидаты наук В. Грачев и Г. Сидорова, инженеры С. Голузин и Э. Чудновский, переводчик В. Перов и художник Р. Яшвили. Все они инвалиды первой группы и, несмотря на это, уже после травмы добились успехов в труде, науке, искусстве.

Судьба порой ставит перед человеком, казалось бы, непреодолимые препятствия, отнимая у него тем или иным образом здоровье. Но А. П. Маресьев сел за штурвал самолета после ампутации обеих ног, В. Титов написал замечательную книгу «Всем смертям назло», потеряв после аварии в шахте руки.

Выдающийся советский математик Л. С. Понтрягин подростком в результате несчастного случая ослеп. Но уже в тридцать один год он становится членом-корреспондентом Академии наук СССР, а затем и академиком, лауреатом Государственных премий.

Да, это чудо, в которое трудно поверить, но это так.

А какой подвиг совершила О. И. Скороходова, которая при полной утрате с детства зрения и слуха всю жизнь работала, защитила кандидатскую диссертацию, написала трилогию и, в частности, книгу «Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир».

Жизнь и деятельность этих и подобных им людей подтверждает истину, что нет предела мужеству и воле человека, в какие бы тяжелые условия он ни попал. Эти воля и мужество нужны и сразу после травмы и многие, многие годы спустя.

Нейрохирургический институт им. А. Л. Поленова, куда меня поместили,— одно из крупнейших научных и лечебных заведений. В нем работает ряд ведущих специалистов в области спинномозговой травмы. Исследования института охватывают различные важнейшие проблемы, связанные с травмами и заболеваниями центральной и периферической нервной системы. Директором института был тогда доктор медицинских наук, профессор Вениамин Михайлович Угрюмов — ученый с мировым именем, к нему и его ученикам стремились пробиться из нашей страны и из-за рубежа многие люди, получившие травмы. Отделение, в котором лечат спинальников, всегда переполнено, оно слишком мало в сравнении с количеством жаждущих сюда попасть и действительно нуждающихся в этом. Это же отделение занимается в большей мере травмами черепа, и, естественно, возможности его по приему спинальников ограничены. Обычно спинальные больные со свежей травмой попадают в отделения различных больниц и институтов. Но практика требует создания специализированных клинических отделений и центров, где должен проходить первый этап лечения сразу после травмы позвоночника. Эти клинические центры должны быть тесно связаны с реабилитационными, в которых осуществляется

второй этап лечения. Однако о нем речь дальше. Несмотря на всю свою занятость, Вениамин Михайлович успевал осмотреть тяжелых больных. Осмотрел он и меня. Внимательно изучая рентгеновские снимки, он обнаружил, что сдавление спинного мозга, образовавшееся вследствие подвывиха шейных позвонков, полностью не ликвидировано после операции. Надо было оперировать повторно, но, учитывая мое тяжелое состояние, врачи решили попробовать применить скелетное вытяжение. Этот вид вытяжения при умелой его постановке гораздо эффективней вытяжения петель Глиссона и легче переносится. Первое время при вытяжении появились вроде бы кой-какие искры улучшения, но со временем они затухли. Кроме того, мне интенсивно вводили лекарства.

В месте травмы происходят множественные внутренние кровоизлияния, нарушается кровоснабжение спинного мозга. От недостатка питания нервные клетки погибают, не выходя из шокового состояния; образуется рубцовая ткань, препятствующая прохождению нервных импульсов. Как известно, погибшие нервные клетки не восстанавливаются, но погибли они полностью или нет, этот вопрос решается на длительном промежутке времени, исчисляемом годами. На протяжении этого времени возможно возобновление функций проводящих нервных путей. Чтобы воспрепятствовать образованию рубцовой ткани, изменить ее структуру, и применяют рассасывающую лекарственную терапию: гамолон, пирогенал, лидазу и другие лекарства.

С первых же дней я приступил к занятиям лечебной физкультурой, сначала пассивным, а потом активным. При пассивной гимнастике, которую делает методист, я мысленно выполнял соответствующие движения. К обеим спинкам кровати привязали резиновые ленты, которые я растягивал по многу часов в день, укрепляя действующие мышцы. Регулярно мне делали массаж, залечивали пролежень.

Заведовал отделением в то время замечательный врач и человек Ефрем Григорьевич Лубенский. Сторонник ранней активизации спинальных больных, он лечил комплексно: лекарствами и физиотерапией, делал искусные операции, много внимания уделял ЛФК и механотерапии. По его предложению сразу же удалили дренаж и поставили систему Монро. Оставшийся свищ закрывался медленно и зажил окончательно только через год. Отсутствие дренажа существенно облегчило мне жизнь. Моим лечащим врачом был Сергей Лукич Яцук — исключительно мягкий, чуткий человек, прекрасный нейрохирург. Он глубоко вникал во все детали лечения. Дружеские отношения у нас сохранились до сих пор.

Постоянно ко мне приходили друзья. Я всегда ждал их с нетерпением, свидания с ними вызывали во мне радостное возбуждение, прилив сил. Я жадно ловил сообщения о работе, о кипучей жизни за стеной, которой недуг пытался меня от нее отделить. И люди уходили от меня без смущения, что побывали у тяжелобольного. Об этом они мне сами говорили.

Много часов провели у меня, помогая, мои друзья. В моей палате перебивали многие — главный конструктор Теодор Доминикович Вылкост, начальники отделов, моя бригада расчетчиков в полном составе, конструкторы. Эти встречи приносили мне облегчение, хотелось приступить к посильному делу, научиться есть и читать самостоятельно, сделать хоть какую-то полезную малость.

Сначала друзья соорудили мне пюпитр, который крепили к раме кровати. На нем фиксировалась открытая книга, страницы же кто-нибудь переворачивал. Потом расчетчики раздобыли призматические очки. Теперь, лежа на спине, я читал книгу, установленную сверху на одеяле, и сам переворачивал страницы. Это были первые шаги, но без них не было бы и следующих.

Уже на самом раннем этапе надо ставить перед собой посильные задачи, продумывать их всесторонне, создавать с помощью друзей нужные приспособления и упорно добиваться результата. К сожалению, промышленное протезирование не охватывает всех насущных нужд спинальников, не выпускает никаких индивидуальных приспособлений. Следствие этого — замедление темпов восстановления. Трудно спинальнику и его близким, трудно медицинскому персоналу.

Нужны приспособления первой необходимости — для кормления, поворачивания на кровати, перегрузки больного на каталку или в инвалидное кресло, во вторую очередь — приспособления для чтения и письма, бритья и многого иного, чем полна жизнь.

Постепенно я стал привыкать к различным положениям своего тела. Легче всего было лежать на спине, но от этого медленно заживал пролежень. На боку было труднее и приходилось терпеть, удлиняя время до поворота. Пришел черед научиться лежать и на животе, сначала пятнадцать-двадцать минут, потом прибавляя все больше и больше. Дело пошло, начинаем учиться сидеть сначала при поднятой спинке функциональной кровати, потом спустив ноги с кровати, с упором в спину и надев страхующий ошейник. Мышцы спины и живота не действуют, после длительного лежания кружится голова, и в глазах появляются искры, мельтешит что-то, трудно дышать. Зато потом, когда ляжешь, испытываешь физическое и моральное блаженство.

И вот настал день, когда меня, спустя пять месяцев после травмы, впервые привели в вертикальное положение. Со всех сторон поддерживаемый, упершись руками в специальную дугу, в фиксирующих аппаратах и ошейнике, я простоял несколько минут и потерял сознание. Как только лег, кровь опять прилила к голове. Отдохнув, мы все повторили сначала. Не скоро я научился стоять, не теряя сознания, но научился.

В палате нас двенадцать человек, спинальников — четверо. Вячеслав, школьный учитель, еще будучи студентом, приехал на каникулы к матери в деревню. Вечером, выйдя из клуба, он пытался завести свой мотоцикл, чтобы ехать домой, но тот чихал и не заводился. Вдруг из темноты выскочил пьяный мужчина и ударил его ножом в спину. Потом бандит говорил, что обознался, принял его за другого. Слава любит поэзию, читает наизусть Есенина, своего кумира.

Рядом со мной лежит школьник Миша. В туристском походе он забрался на высокую сосну, чтобы обозреть местность, да сучок гнилой подломился. У Миши перелом самых нижних поясничных позвонков, началось восстановление двигательных функций ног. К Мише толпами приходят его соученики-десятиклассники, особенно много милостивых девушек. Миша и сам симпатичный парень.

У окна лежит Алексей, его история всегда вызывает у слушателей оживление. Молодой рабочий стал постоянно выпивать, мать же не могла смириться с этим. Как-то, изрядно выпив, Алексей решил пойти еще добавить. Мать не пускала, и тогда Алексей вышел... в окно. Жили они на четвертом этаже, из окна он спрыгнул на карниз крыши третьего этажа, который располагался уступом. Но не удержался на нем и полетел вниз. К счастью, травма у него не такая тяжелая, как у Миши. Теперь Алексей клянется в рот не брать спиртного.

Остальные ребята — с травмами черепа, у них бывают тяжелые приступы эпилепсии. Вид человека, бьющегося в падучей, потрясает, но и к этому можно относительно привыкнуть. Ребята эти во всем помогают спинальникам, трогательно заботятся о нас днем, а иногда и ночью.

Кончается очередной больничный день. Лина с санитарками укладывает меня на ночь, прилаживает наушники. Ей еще электричкой ехать с Московского вокзала до Ижоры, а потом шагать до Соцгорода, где мы живем. А рано утром она опять уже у меня. Лина прощается со всеми, машет мне рукой из проема дверей.

Стихает. Из наушников льется музыка, передают замечательный романс «Я ехала домой». Далекий грудной голос с непередаваемым чувством поет:

Я ехала домой, я думала о вас.
Тревожно мысль моя и путалась, и рвалась.
Дремота сладкая моих коснулась глаз.
О, если б никогда я вновь не просыпалась.
Я ехала домой, я думала о вас...

А я думал о Лине, о своем сыне, о родных. Когда моего черноголового малыша привели в палату, собрались все сестры и нянечки. Счастью моему не было предела, мы нацеловались и

потерлись носами, как делают при встрече в знак приветствия зулусы. У нас с ним тоже был такой обычай.

В палате тихо, только мерцает синий свет фонаря над дверями, за окном мечутся голые ветви деревьев. Они то заглянут, то отпрянут от окна, будто ужаснувшись. О чем-то взволнованно пошепчутся, согласно кивая друг другу, жмутся в стороне, потом надвинутся, с любопытством всматриваясь в распростертых, беспокойно спящих людей, покачают горестно тенями и опять рванутся прочь...

Скоро зиме конец, уж весна близка.

Мне предстояло протезирование. Для того, чтобы стоять и передвигаться, спинальному нужны протезы-аппараты, фиксирующие коленные суставы, реже голеностопные. Бывает, что аппараты связывают с поясом или корсетом. Такая конструкция ограничивает произвольные движения тела, придает устойчивость, но значительнее и ее общий вес, при натяжке пояса или корсета ухудшается кровообращение, затрудняется дыхание.

Чем тяжелее травма, чем больше мышц вышло из строя, тем сложнее необходимая поддерживающая система и тем труднее в ней передвигаться, имея малый запас сил и энергии. Это объективное противоречие пока не решено, и нет приемлемой конструкции, сочетающей частичную фиксацию и свободу тела, малый вес и удобство. Создание такой конструкции — дело биоников, физиологов и инженеров, с ее помощью десятки тысяч людей могли бы начать свободно передвигаться стоя.

С самого начала мне решили сделать и жесткий корсет, и тьютора-аппараты, фиксирующие коленные суставы. В дальнейшем это имело тяжелые непредвиденные последствия.

В марте на улицах города еще лежит снег, с утра подмораживает, а днем кругом слякоть, серая мокрая каша из воды и снега. И пришел час (лучше бы он не наставал!), когда методист ЛФК, два моих товарища по работе, Лина и я отправились на протезный завод. Это вызвано было тем, что гипсовый слепок для изготовления жесткого корсета делается на приспособлении, имеющемся только на заводе. Слепки для тьюторов легко можно получить в больничных условиях, впоследствии мне их несколько раз делали на дому, а из-за слепка для корсета мы приехали на завод.

В комнате жарко натоплено, мастер работает быстро и умело, но со временем усталость меня одолевает. Наконец дело сделано. В ожидании медицинской машины я долго лежал, весь обливаясь потом. Лина непрерывно меняла мне рубашки. Пот — не от жары, это обычная для меня реакция организма, связанная с затрудненной работой почки. Наступил обеденный перерыв, а машины все нет. Кто-то из работников завода открывает форточку, холодные струи воздуха врываются в комнату. Потом, уже в машине, я чувствую ровный сильный жар, душно и сотруднице института, она предлагает открыть окно в машине, я соглашаюсь. Только в палате я понял, что заболел.

Резко подскочила температура, перестала выделяться моча, так как мочеточник единственной почки забило шлаками. Началась уремия, которая во всех деталях описана Роже Мартен дю Гаром в его романе-эпопее «Семья Тибо».

Я не буду утомлять тебя, читатель, перипетиями дальнейшей битвы за жизнь. Она была опять выиграна благодаря замечательному искусству уролога Ольги Николаевны Генкель. На протяжении всей моей болезни Ольга Николаевна часто консультировала меня, а на этот раз спасла мне жизнь.

Кризис миновал, однако не обошлось без осложнений. Общее отравление организма при уремии поразило слуховые нервы, я в значительной мере потерял слух. Исчезли шорохи, не слышен шелест листьев, замолк ветер за окном, непонятна обычная речь. Теперь окружающие должны были мне кричать, тогда я их понимал с горем пополам. У некоторых четкая артикуляция, понятно, что они говорят, по движению губ. С другими общаться труднее неудобно ежесекундно переспрашивать, киваешь согласно головой, делая вид, что, дескать, ясно.

Обычно все это постепенно меняет характер. Не имея возможности вести беседу, человек замыкается в себе или, наоборот, произносит утомительные для других монологи. Проблема общения в какой-то мере решается применением слухового аппарата или привычкой людей говорить с тугоухим, сильно повышая голос. Но для меня главная беда состояла в утрате возможности воспринимать музыку! Хотя я и не был изощренным меломаном, но музыка всегда была значительной частью моей жизни. С детства я любил петь и знал множество песен. В институте, как и многие другие студенты, увлекался джазом. С большим удовольствием слушал Л. Армстронга, Г. Миллера, Э. Фицджеральд. Постепенно стал постигать и серьезную музыку, посещал симфонические концерты, стал завсегдатаем театра оперы и балета им. С. М. Кирова. Именно там мне открылся чарующий мир музыки в сочетании с голосом, движением, живописностью костюмов и декораций. Довелось мне видеть и слышать таких выдающихся вокалистов, как В. В. Барсова, Н. А. Казанцева, С. Я. Лемешев, А. П. Огневцев, А. Соленкова...

Настоящая музыка — величайшее наслаждение. Она способна вызвать разнообразную гамму чувств, от мощного прилива энергии до глубокого потрясения и слез. А теперь я был лишен и этого. Казалось, что все выше становится стена, отделяющая меня от мира, все туже затягивается узел беспомощности.

Разорвать этот круг, прожечь его огнем можно, действуя с двух сторон, изнутри и снаружи. Нельзя падать духом самому, а близкие и друзья уже спешат на помощь.

...Корсетом же, который мне сделали по тому злосчастному слепку, я пользовался недолго. В Сакском санатории, куда я вскоре попал, методист по лечебной физкультуре уговорил меня отказаться от него, чтобы тренировками восстанавливать собственный мышечный корсет.

Глава IV «АКАДЕМИЯ НАУК»

В Сакский санаторий имени В. И. Ленина я приехал в мае, в день своего рождения. Благодатный Крым гостеприимно принимает не только массы отдыхающих и курортников, в общем-то здоровых людей, но и больных туберкулезом, детей и взрослых с заболеваниями и травмами спинного мозга.

Когда-то я побывал в крымском раю, теперь я увидел совсем другой мир, других людей, с которыми будет связана вся моя последующая жизнь.

На белом приветливом здании санаторного корпуса, утопающего в зелени туи и акации, значились цифры 1878, указывающие год постройки. А я с юмором висельника думал, что надо бы выбить над входом что-то вроде: «Оставь надежду всяк сюда входящий». Но в душе страстно надеялся на улучшение здоровья, с нетерпением ждал, когда окунусь в целебную сакскую грязь.

В палате меня встретили с тем стандартным интересом, с каким встречают каждого новичка. Допросили с пристрастием, где и когда получил травму, есть ли признаки улучшения. Ребята и сами не прочь были рассказать о своих злоключениях, о санаторном лечении, о врачах и процедурах. Приговор их был ясен: мне ждать еще года три, слишком я молод (в смысле травмы), чтобы ставить крест на надеждах выздороветь.

Среди спинальников свой отсчет времени — от дня травмы, от дня, когда кончилась «та» жизнь и началась «эта». Соответственно среди «молодняка» могут быть и люди пожилые, а среди «стариков» — двадцатилетние, тут юноша учит мужа, а девушка — зрелую женщину. Тут даются наглядные уроки по теории терпения и стойкости, многое можно увидеть, с чем в обычной жизни не встретишься.

Естественно, большинство разговоров вертится вокруг различных методов лечения, здесь новичок знакомится со своими учителями и наставниками, «профессорами» и «академиками», проходит свои университеты.

Спинальники всегда охотно и без утайки делятся знаниями и опытом, чувство взаимопомощи у них очень развито.

Но самое сильное впечатление остается не от того, что слышишь, а от того, что видишь. Среди моих первых сакских знакомых были Алла Зельдович, Галина Сидорова и Валентин Перов. Мне о них рассказывал отец, побывавший у них дома в Ленинграде, в Москве и в Жуковском, а теперь мы встретились в санатории. Особенно поразили меня Галя и Валентин своим колоссальным упорством в тренировках ЛФК, своей верой в выздоровление.

Галя училась ходить в таторах, опираясь на канадские палочки. Хотя движение в ногах у нее полностью отсутствовало, но мышцы рук и торса длительными изнуряющими тренировками она довела до совершенства. С каждым днем она ходила все лучше и дальше. Внешне мягкая, обаятельная девушка с соломенными волосами до плеч, красивыми чертами лица, всегда приветливая и улыбчивая, имела твердый характер, необычайную целеустремленность. Она кончала МГУ, когда получила травму в автомобильной катастрофе, затем поступила в аспирантуру. Специальности у нас были близкие, она много читала, и нам всегда было интересно поговорить друг с другом. Несколько лет спустя Галя вышла замуж, родила дочь, защитила диссертацию. Но тогда я встретил ее в самом начале этого пути.

За тренировками Валентина Перова наблюдать мне было еще интересней, потому что он, как и я, был шейником. Правда, руки у него были много лучше моих, у него был хват, пальцы его сжимались в кулак, а у меня нет. Но в остальном мы были приблизительно с одинаковыми возможностями.

Каких только чудес в жизни не бывает. Летчик-испытатель Валентин Перов упал с высоты в два километра. При испытании нового планера одно крыло, не выдержав нагрузки, отвалилось, колпак заклинило, Валентин не смог выбраться с парашютом. И все-таки он остался жив, получив травму такую же, как я, нырявший с пологого берега. Валентин трудился истово, как маятник, он ходил и ходил в брусках.

— Вот пройду столько километров, как от Сак до Жуковского, тогда и пойду сам, без брусков,— говорил он.

Я тоже включился в гонку за лидерами. В то время я не задумывался, куда мы идем, топчемся ли на месте, движемся по кругу или восходим по спирали. Шесть раз в неделю я становился на ноги и пытался сделать шаг вперед. Попытки вначале были неудачны, и тогда мне переставляли одну ногу за другой. Я мучил методиста ЛФК, молоденькую девушку Клаву, и Лину. После занятий со мной рубашки и халаты на них были мокрые — хоть выжимай. Я мучился сам от усталости, бесило бессилие, но желание сделать шаг не ослабевало. В конце концов я все-таки сделал свой первый шаг, перевалившись на одну ногу, выбросил другую вперед. Так я стал ходить за дугой на колесиках, страхуемый постоянно методистом. На дугу я просто опирался, будучи не в силах сжать трубу рукой. Шаг вперед, второй, третий, четвертый — передышка, шаг вперед, второй, третий, четвертый — передышка. В тяжелой голове ни единой мысли, только чужие навязчивые строки:

Я послан богом мучить
Себя, родных и тех,
Которых мучить грех.

Кроме ходьбы, я постоянно занимался ЛФК на кровати. В санатории я сумел впервые руками отжать корпус своего тела от постели, подтянуться к балканской раме и наконец встать на четвереньки.

Сказывалось благотворное действие грязей, ванн, свежего воздуха, всего комплекса лечения. И; хотя кардинальных изменений в моем состоянии не происходило, но прогресс был налицо. А это удесятряло желание трудиться в поте лица.

Теперь я учился поворачиваться с боку на бок с минимальной помощью. Палатная санитарка тетя Таня радовалась моим успехам и рассказывала другим о моих достижениях. Прошло порядочно времени, пока я это полностью освоил.

Следующая цель была научиться самому ездить на коляске, поворачивая руками колеса. Я выбрал маршрут и приступил к делу. Сначала трудно было даже сдвинуть коляску, проехать на ней один метр. Все пытались помочь, подталкивали сзади, а я ревел благим матом:

— Отойдите, не мешайте! Я сам!

И я поехал, пусть по кругу, но и по спирали тоже, по следам раздавленной шелковицы, по окуркам и плевкам пыльного щербатого асфальта.

Когда становилось темно, выкатывалась луна и высыпали звезды, мы собирались под каштанами у лавочки и вели нескончаемые беседы о своем прошлом и будущем, шутили и смеялись, мечтали и фантазировали. Мы жили своей трудной насыщенной жизнью.

Саки — Мекка спинальников. В этот небольшой городок степного Крыма они стремятся со всех концов страны. Тут встречаются на колясках дальневосточники и сибиряки, москвичи и ленинградцы, армяне, азербайджанцы, грузины...

Эта многонациональная семья живет дружно. Мои новые друзья живут в Днепропетровске и Москве, Тбилиси и Ереване, Дрездене и Бургасе.

Мне довелось побывать и лечиться в санаториях Кемери и Славянска. Это хорошие санатории, расположенные в живописных парках. Но больше всего я люблю Саки — за чувство свободы, за встречи с друзьями, за Черное море. И это несмотря на то, что в Саках я болею чаще, чем в других местах. Да и не только я, многие шейники с трудом переносят летний зной. У них поднимается температура, скачет кровяное давление. В Кемери и даже в Славянске, южном городе, дышится полегче. Поэтому в Саки шейнику лучше ехать ранней весной или ближе к осени.

В один прекрасный день в нашей палате вдруг появился мой сотрудник по работе Борис Лебедев. Радость и счастье захлестнули меня:

— Не забыли!!! Приехали!!! Борис приехал в Крым на своей «Волге» вместе с Венцианом Аскарловичем Межебовским. В ОКБ завода «Большевик» мы вместе работали над конструкциями интереснейших механизмов. С Борисом я долго бился над одной проблемой, в осуществление которой никто не верил. Я обосновал ее теоретически, а он пытался разработать ее за кульманом и нашел-таки то, что мы искали. Этот механизм был изготовлен, успешно прошел испытания и был признан изобретением, он и по сей день работает в серийных машинах. Лебедев — статный, красивый мужчина с чуть откинутой назад, гордо посаженной головой. От этого он некоторым кажется немного снобом, но на самом деле это общительный и веселый человек. Он немного похож на того метеоролога, что по телевизору иногда предсказывал тогда погоду, и когда тот появлялся на экране, я кричал Лине:

— Иди-ка, глянь, Боб вышедши!

У Бориса золотые руки, по-моему, нет такой вещи, которую он не смог бы изготовить сам в своей мастерской. И еще он прекрасно водит свою «Волгу», перебрал ее всю по винтикам, покопаться в ней — его любимое занятие.

На заводе «Большевик» мне приходилось работать со многими ведущими конструкторами, занимаясь расчетами совершенно новых проектов, возникающих прямо на глазах. Всем этим я живо интересовался, вникал в мельчайшие детали всего процесса проектирования, расчета, изготовления и испытания новой машины. К тому же большинство конструкторов, с кем я имел дело, были интересными личностями, увлеченными своими идеями.

Иногда я приходил и говорил конструктору:

— Сплоховал я: ошибка у меня в расчетах, надо этот узел изменять.

— Ну, вот, опять маленькая радость, — мрачно шутил Сергей Павлович.

— У меня от тебя будет маленький инфаркт! — кричал экспансивный Яков Абрамович.

Спокойнее всего было работать с Венцианом Аскарловичем Межебовским. Он сам вникал в суть расчета. Если вопрос был сложный, он мог, разбираясь в нем, просидеть в библиотеке все воскресенье. В нем всегда чувствовалась уверенность, фундаментальность. Все годы после травмы он помогает мне делом, стал для меня вторым старшим братом. Больше, чем братом.

Сейчас в палате оба друга стояли, широко улыбаясь:

— Давай собирайся, поедem на море. Меня охватила дрожь нетерпения — скорее, скорее в коляску, в машину, вдруг все это исчезнет, вдруг что-то помешает близкому счастью!.. От санатория до моря километров семь, но для многих спинальников в те времена они были непреодолимы. Можно было побывать в Крыму, в Саках, а моря так и не увидеть. Через двадцать минут машина уже подбиралась к самому урезу моря. Лина взяла напрокат шезлонг и зонт для защиты от солнца, друзья извлекли меня из машины, удобно устроили. Вот оно опять передо мной, «самое синее в мире», как пел Утесов.

После длительного заточения в четырех стенах человек особенно ярко воспринимает красоту природы, когда вновь встречается с ней. Все краски необычайно свежи, запахи сильны, солнце и воздух ласкают и нежат лицо, руки — все, что еще чувствует их тепло и касание. Это было первое незабываемое, чистое переживание после травмы.

Мы съели по сочному шашлыку, запили стаканом сухого красного вина, закусили хрустящей хлебной корочкой и через несколько часов поехали обратно. Все было, как когда-то в счастливом прошлом, только вот температура к вечеру у меня резко подскочила, напоминая о настоящем.

И все равно я был счастлив.

Друзья уехали, на следующий день я снова вернулся к тренировкам, процедурам, к обычной санаторной жизни.

Как-то я проезжал мимо одной палаты и увидел на кровати парня, который поднимал левую ногу, опускал ее, потом поднимал и опускал правую. Я был поражен, я не мог оторвать глаз: как же так, я всегда видел этого усатого парня в инвалидной коляске, он мало чем отличался от других, таких, как я, и вот на тебе — сам поднимает ногу. Может, лечение подействовало? Я тут же попытался поднять свою — ничего не получилось. Но теперь я каждый день проверял, не начали ли двигаться у меня ноги.

После травмы происходят резкие изменения в психике и духовной жизни человека. В определенной мере это следствие его теперешнего физического состояния. Но не меньшее значение имеет тот перелом, который происходит во взаимоотношениях с окружающими. Раньше, здоровый, я имел определенные обязанности и права, зависел сам от своих близких, от учителей или начальства, но и от меня кто-то зависел в семье и на работе. Теперь же исчезли обязанности, с ними улетучились почти все права, от меня принудительно никто не зависит, а я завишу от всех. Новые проблемы захлестывают и кажутся почти неразрешимыми. Но как птица Феникс рождается из пепла, так и инвалид стремится вернуться в строй, занять свое место в жизни. Как только найти его, это место, как суметь его занять? Это каждый инвалид старается узнать из книг, бесед со своими товарищами по несчастью, путем долгих мучительных размышлений. Так было и со мной.

...Он оказался моим соседом по палате. Когда я увидел его в первый раз, он сразу предложил:

— Давай знакомиться. Меня зовут Вася.

— А меня - Борис. Давно ты тут?

— Да уже скоро срок путевки кончается, пора домой в Донбасс. А ты откуда?

— Я из Питера.

— Ну, располагайся, поеду скажу, чтобы тебе ужин привезли.

Через несколько дней мы уже были закадычными приятелями, как будто знали друг друга давным-давно.

— Слышь, Вась, что ты все в пижаме разъезжаешь, на рубашку не скопил, что ли? - поинтересовался я. Так ведь на тебя и девушки смотреть не будут.

— А они и не смотрят: Раньше, когда на ходу был, на меня все девчонки поглядывали. Тогда, конечно, белая сорочка в выходной — люкс, стрелки на брюках тетивой натянуты, в штиблетах солнце отражается. А сейчас зачем? Тут нас сотни, а ты мне покажи хоть одного, чтобы галстук носил. Вон и на тебе нет. Я смутился:

— Ну, я еще новичок, у меня в голове только процедуры, тренировки, вот и забыл следить за собой. А сюда приехал — сразу почувствовал: что-то не так. Я это понял, когда

ленинградца Гену Жукова увидел. Подъезжает на рычажке, а сам как лорд английский. Нейлоновая рубашка, белая, с иголки, брюки отутюжены, а у ног дочурка примостилась в газовом платице. Посмотришь — загляденье.

— Так у него жена, дочка.

— А у тебя?

— Отстань ты,— вдруг помрачнел Вася.— У меня жена ушла и дочку мою забрала.

— Да...

Мы помолчали. В разговор наш вмешался мужчина лёт сорока. Широкое скуластое лицо его было изборождено глубокими морщинами, на висках совсем не видно было черных волос, но в густой шевелюре они еще преобладали. Он сидел в тени под деревом и читал, когда мы остановились рядом. Нас он, казалось, не замечал и в разговор не встревал.

— Ну, что же, что ушла,— поднял он голову от книги,— еще всякое случится, если не будешь скучать в пижаме. Видишь, там по аллее катит орел. Ему девятнадцать было, когда в сорок третьем под Харьковом в спину ранило, он еще и женат-то не был. Сейчас женился, работает, машина у него, и сколько знаю его, всегда подтянут, это у него в крови.

Васе разговор не очень нравился, и я поспешил сменить тему:

— Что это у вас за книга? Я когда вижу книгу, всегда разбирает любопытство.

— Цвейг это, «Нетерпение сердца». Одна местная спинальница дала почитать. «Я,— говорит,— не могу эту книгу читать, сердце разрывается»:

— А что так?

— Да тут про девушку, ноги у нее отнялись, а чувства неразделенные еще горячее стали. Правдивая книга, да не всякий эту правду в состоянии принять.

— А кому она нужна, такая правда,— вмешался Вася.— От такой книги все надежды рухнут, как карточный домик.

— Так что, Вася, не знать, что тебя ждет, лучше, чем готовить себя к трудной жизни?

Для меня это был очень существенный вопрос.

— Это кому как.

— Так ведь рано или поздно все равно все прояснится.

— Пусть поздно, а еще лучше никогда. Впоследствии я видал многих инвалидов со свежей травмой, которые поначалу вкладывали все силы в тренировки, надеясь на быструю поправку здоровья. Со временем же, когда становилось ясно, что резкого улучшения не происходит, они бросали всякие занятия, опускались, их уже мало что интересовало, а некоторые все свободное от процедур время отдавали картам или заливали горе вином. Ни в одной больнице, ни в вводном санатории я не встречал психолога, который готовил бы индивидуально каждого спинальника к его дальнейшей жизни. Наверное, это многих бы уберегло от плесени апатии и помогло встать на путь истинный.

Побывав в санатории или в реабилитационном центре, инвалид может сравнить себя с другими. Так я узнал, что травма у меня еще не самая безнадежная, что есть люди, пораженные более тяжко, чем я. У некоторых шейников практически функционировали только мышцы лица. Они видели, слышали, разговаривали, могли жевать и глотать, но все остальное им было недоступно.

У других имелись некоторые движения рук, но мышцы оставались атрофированными, очень слабыми.

Себя я относил к третьему кругу «усеченного конуса», в который я мысленно поместил всех инвалидов. Этот круг, как и предыдущие, располагался вблизи малого основания «конуса». Руки у меня становились все крепче, хотя пальцы не двигались, схватить что-либо тяжелое я был не в состоянии. Но передо мной уже открывалось широкое поле деятельности, я имел огромные возможности по сравнению с теми, кто был в более тяжелом состоянии.

Выше располагались те, у кого работали пальцы рук. Пальцы рук — это замечательный дар, искуснейшее изобретение природы. Ни один из существующих протезов и инженерных манипуляторов не могут того, что вытворяют пальцы здоровой руки. Если у вас нормально действуют пальцы, то вы счастливый человек, вы уже можете стать мастером на все руки в

таких сферах, о которых мне приходится только мечтать. Вы можете сделать все, что делается руками, то есть очень многое.

Те же, у кого нормальные руки и кто может передвигаться в аппаратах с помощью костылей,— это уже молодцы, в моем представлении почти ковбои. А передвигающихся на своих ногах без аппаратов я вообще причисляю к сонму богов — здоровых людей. Конечно, у многих из них ноги слабые, передвигаются они медленно, с трудом опираясь на костыли или палочки, но и этого вполне достаточно, чтобы чувствовать себя почти здоровыми, хотя многие из таких счастливых считают, что это не так, что они несчастные люди, заслуживающие жалости и снисхождения.

Но есть часть инвалидов, которые и в мыслях не считают себя оными. Это самые активные, самые интересные люди, они идут истинным путем. Общение с ними мне многое дало.

Несколько позже я познакомился, а потом и подружился с двумя друзьями из Днепропетровска Эмилем Чудновским и Валерием Грачевым. Это был динамичный тандем спинальников. На своих машинах с ручным управлением они всегда были в движении. У них было полно идей, как улучшить жизнь спинальников, и, самое главное, они делали все возможное, чтобы воплотить эти идеи в жизнь. Оба ходили в аппаратах на костылях и работали — да не на дому, а на рабочих местах в проектно-институте. Но были они и во многом разные.

Валерий всегда спокоен, рассудителен, за любое дело берется не спеша, но доводит его до конца. Травму он получил еще студентом, однако окончил институт и стал работать. Его научная деятельность проходила на моих глазах. Я постоянно знакомился с его статьями и трудами. Сначала это были робкие попытки, нечеткие, а иногда и ошибочные. Каждый раз, когда мы встречались в Саках, у него в руках была новая техническая книга, он упорно работал. Уровень его знаний становился всё выше, все серьезнее и глубже. И вот передо мной лежит автореферат диссертации, защитив которую, он получил звание кандидата технических наук.

В отличие от друга Эмиль Чудновский — человек экспансивный, горячий. Он занят множеством дел, его одолевают идеи создания новых реабилитационных центров, индивидуального транспорта для спинальников, участия в Олимпийских играх для инвалидов. Да, существуют особые Олимпийские игры для инвалидов. В их программу входят плавание, баскетбол и гонки на колясках, метание ядра и копья сидя, жим штанги лежа. Одна из участниц заплыва на играх в Токио несколько раз шла ко дну бассейна, но без посторонней помощи все-таки проплыла дистанцию. Я думаю, что российские спинальники со временем будут выступать на таких играх и так же хорошо, как наши прославленные спортсмены-олимпийцы.

Эмиль Чудновский многое совершил за свою жизнь, за двадцать пять лет непрерывного труда после травмы. Я уверен, что о нем еще выйдет книга, которая будет очень полезна для спинальников, так как откроет для них пути, пройденные им самим.

Как-то раз мы собрались целой компанией на море. Эмиль и Валерий на своих машинах прихватили меня, Лину и наших общих друзей Мюнховых — супругов из Германии.

Лепя Мюнхова — русская, у нее тяжелое заболевание спинного мозга, со своим будущим мужем Людвигом она познакомилась, когда училась в Ленинградском университете. Они поженились. После родов она заболела, и болезнь частично поразила спинной мозг. Муж ее, Людвиг, защитил в Дубне кандидатскую, а затем и докторскую диссертацию. Он физик-ядерщик. Живут они очень дружно, у них растет сын. Леля, Валерий и Эмиль прекрасно плавают, я тоже стал учиться плавать на спине. Сначала без поддержки я быстро шел ко дну, но раз от разу что-то получалось. Со временем я мог держаться на воде и плыть, но плохо ориентировался, плыл в «неизвестном направлении». Меня вылавливали и буксировали к берегу. Вдоволь наглотавшись морской воды, но довольный, я устраивался под натянутой на колышках простыней. Хорошо научиться плавать мне не давала почка: в воде я быстро переохлаждался, начинался воспалительный процесс, и мне становилось худо.

В тот раз мы пробыли на море до самого вечера. Эмиль съездил в Евпаторию, привез сыр, буханку свежего белого хлеба, бутылку сухого вина. Этим мы и поужинали.

Огненный шар солнца погружался в море, все время увеличиваясь и сплющиваясь. Валерий перебирал струны гитары, звука их я почти не слышал, но что-то в душе отзывалось ответной мелодией. Было несказанно хорошо. Валерий пел:

Гори, гори, моя звезда,
Звезда любви приветная,
Ты у меня одна заветная,
Другой не будет никогда.

Голос у него был приятный, а романс этот мы все очень любили.

Смеркалось. Когда мы подъезжали к Сакам, на небе уже проступили яркие звёзды, и где-то там, в необъятном космосе, светилась звезда Валерия, сияли звезды моих друзей, Лины и моя.

С каждым годом, с каждым приездом в санаторий у меня появлялись новые знакомые. Среди них были очень интересные деятельные люди. С некоторыми из них я поддерживаю связь, интересуюсь их достижениями. Как человек работает, как он сумел трудоустроиться, реализоваться — в беседах с новыми товарищами для меня это всегда было самое интересное.

Художник-монументалист Резо Яшвили занимался керамикой, мозаикой, живописью и скульптурой. Его работа экспонировалась на Всемирной выставке в Монреале, ему было присвоено звание заслуженного художника Грузии. После травмы, полученной в автомобильной катастрофе, он продолжает интенсивно работать. Студенты Тбилисской академии художеств приходили к нему домой. Для них это были не только профессиональные лекции, но и настоящие уроки мужества и воли к жизни. Яшвили постоянно работает в своей мастерской. Им и его помощниками созданы росписи интерьеров, мозаика и чеканка для Домов культуры, Дворцов бракосочетаний и других общественных зданий в различных уголках страны.

Резо — интересный рассказчик, в глазах его всегда играют смешинки, слушать его — удовольствие. Хотя я всегда киваю согласно головой, он сразу подмечает, где я потерял нить разговора.

— Ну, скажи, о чем я сейчас говорил, — сурово напускается он на меня.

— Не расслышал, Резо, признаю... И мы оба хохочем над моей пантомимой. А когда я ему рассказываю о таинственных явлениях в человеческой психике (парапсихология — одна из любимых моих тем), он смотрит на меня заинтересованно:

— Боря, что ты говоришь? Оч-чень интересно.

К Резо тянутся взрослые любители живописи, и особенно дети спинальников, эти природные художники. Им он никогда не отказывает в совете, в показе своего мастерства.

С Эдиком Аракелянном я познакомился еще в первый мой приезд в Саки. С тех пор он далеко шагнул вперед. Как-то ему довелось пожить в одной палате с Чудновским и Грачевым. Для него это оказалось поворотным событием.

«Как же так, — думал он, — физически и умственно я им ничем не уступаю, а живу совсем по-другому, не так интересно, не так напряженно. Вон они только и говорят, что о своей работе, о друзьях, с которыми трудятся. А мне-то и рассказать, выходит, нечего».

Приехав домой в Ереван, Эдик стал устраиваться на работу. Тут ему пришлось преодолеть много трудностей, но, преодолев самую главную трудность — апатию к жизни, ему удалось справиться и с остальными. Эдик начал работать в проектно-конструкторском бюро спортивных сооружений. Он женился, хорошо зарабатывает, у него много друзей — он живет полноценной жизнью.

На работу он добирается в своей машине с ручным управлением. Но для этого ему еще нужно спуститься с третьего этажа, где он живет, в гараж, а лифта в доме нет. Помогли друзья. Они спроектировали, изготовили и смонтировали Эдику персональный лифт, в

который он попадает прямо с балкона. Все было сделано по всем правилам техники безопасности. Когда однажды приводной трос лопнул, то сработала аварийная система остановки, и Эдик застрял на уровне второго этажа. Собрался весь двор, все давали ему советы, чтобы он был спокоен и не волновался. Потом кто-то сообразил и вызвал спецмашину с телескопическим подъемником. Весь двор ликовал, когда Эдика благополучно и мягко спустили на землю. Друзья устранили ошибку в конструкции, и теперь лифт работает безотказно. Еще с одним интересным человеком, Сергеем Голузиным, я познакомился в Кемери. Толковый инженер, изобретатель, он работает на дому, и работает очень успешно. Кульман, на котором он чертит, придвигается к кровати, так Сергею удобнее работать. Сергей самостоятельно делает разработки целых узлов и доводит их до рабочих чертежей. Уже после травмы за отличную работу он был награжден орденом «Знак Почета».

Но, пожалуй, самое сильное впечатление еще в те годы на меня произвел Геннадий Гуськов. Я- увидел его в Саках в 1974 году за несколько дней до своего отъезда домой. По аллее парка ползком передвигался человек. На нем были надеты какие-то кожаные штаны, зашитые снизу, под грудью была пристроена небольшая колясочка. Вот таким средневековым методом перемещался Геннадий. Он подполз к группе спинальников, сидевших на колясках, скинул фуражку, достал из нее сигареты и спички, закурил и заговорил с ребятами. О чем он говорил, я не слушал, но его появление произвело на всех большое впечатление. Нормально действовала у него только одна рука, вторая лежала как плеть. В обычной коляске ему перемещаться было бы трудно, управляя одной рукой, поэтому он и научился передвигаться по-своему. «Он, наверное, мог бы полеживать в кровати, да, видно, не такой это парень, его, пожалуй, ничто не удержит», — думал я, глядя на него.

Потом, уже спустя полгода, я узнал некоторые факты его биографии. Заболев полиомиелитом, Геннадий с детства оказался парализованным. Четырнадцати лет он попал в Воронежский дом инвалидов, где окончил школу, поступил в институт. Этот талантливый человек был все время в творческом поиске. Он разрабатывал двигатели внутреннего сгорания, коляски, шагающие по лестнице, много работал над идеей освоения езды на автомобиле для тяжелобольных инвалидов с минимальными возможностями. Его энтузиазм и напористость нашли отклик у многих людей. Вместе с инженером Житомирским Геннадий получил авторское свидетельство на инвалидную коляску для езды по лестнице. Когда появляется необходимость, Геннадий с сопровождающим его человеком ездит из Воронежа в Москву, чтобы уладить вопросы по своей работе.

Знакомясь все с новыми и новыми товарищами по несчастью, я чаще и чаще задумывался над нашей общей судьбой. Конечно, каждый человек — индивидуальность, у каждой травмы свои особенности, очень многое зависит от семейных обстоятельств и тьмы других причин. Но очень многое и роднит нас. Каждый пережил трагедию внезапного преображения, из сильного, подвижного и деятельного человека вдруг превратившись в еле шевелящуюся ватную куклу-марионетку. Не так уж много времени требуется для осознания, что теперь и в дальнейшем ты почти во всем зависишь от других, близких и чужих людей, что ты утратил былую свободу. Постоянные боли, расстройство внутренних органов бесят тебя или повергают в глубокую депрессию. Нарушение нормальной половой функции, колоссальные трудности в устройстве личной жизни могут привести к потере всякого интереса к жизни вообще, когда кажется, что единственное утешение находится на дне бутылки. Это еще не все. Пожалуй, одним из самых тяжелых ударов является прекращение трудовой деятельности. Добровольный отказ трудиться, жизнь без работы и без цели — это нечеловеческая жизнь. Ни сложные эмоциональные комплексы, ни абстрактное мышление не дают еще права на звание человека. Для этого нужен труд, правда, труд человеческий, а не труд ломовой лошади.

Реакция человека на постоянные страдания и тяготы жизни бывает разной. Сильную личность препятствия и трудности делают еще настойчивей, еще сильнее. Именно таких

имел в виду Хемингуэй, когда писал: «Человек не для того создан, чтобы терпеть поражение. Человека можно уничтожить, но нельзя победить».

Поведение человека в критической ситуации обнажает его самую глубокую сущность. В это время проступает в нем главное, его сердцевина, и сразу видно, есть ли в ней зрелое семя добра и любви к людям или вместо него ворочается жирный червяк эгоизма.

Страдание может возвысить человека, заставить его превзойти самого себя, но для этого вся его предыдущая нормальная жизнь должна быть цельной. Тяжелые испытания, выпавшие на долю инвалида, вряд ли помогут низменной душе, а тем более подонку, стать лучше.

Встречая среди инвалидов дрянного человека, а таких я встречал, хотя очень и очень редко, я был уверен, что таким он был еще до травмы, может быть, несчастье сделало его хуже, но корни этого в прошлом. Поэтому я был совершенно не согласен, когда читал у Моэма: «Страдание не облагораживает, оно портит человека. Под действием его люди становятся себялюбивыми, подленькими, мелочными, подозрительными. Они дают поглотить себя пустякам. Они приближаются не к богу, а к зверю». Нет, среди физически здоровых людей подлецов и зверей относительно больше, чем среди инвалидов-хроников. Это я знаю точно.

Сколько их, до травмы, до несчастья, казалось бы, самых близких и родных, предают беспомощного и больного инвалида, бросают его, предоставляя заботиться о нем государству и тем истинно героическим людям, что отогревают руками и сердцем измученную и страдающую душу попавшего в беду человека!

Большинство обычных людей, таких, как я, после травмы стоят на распутье: одна дорога, дорога сильных духом, идет в гору, к освоению доступных навыков самообслуживания, к труду, деятельности. Другой путь глаже и проще, он ведет под уклон, к деградации, к бездеятельному существованию. Даже катясь по этому второму пути, люди не становятся плохими, они только вызывают жалость и чувство протеста: «Так не должно быть!»

С самых первых шагов инвалида после травмы нужно сделать все возможное, чтобы направить его по верному пути, чтобы круг равнодушия и апатии вокруг него не замкнулся.

Глава V В ПОИСКАХ СЕБЯ

Домой я возвратился ровно через год после травмы. Поселок Метал-построй, или, как его по-другому называют, Соцгород, входит в черту Питера, но это скорее его пригород. Раньше отсюда в центр можно было добраться только пригородным поездом со станции Ижоры. Потом открыли автобусную линию от завода «Большевик» до нашего поселка, электрифицировали железную дорогу, и теперь чувствуешь себя ближе к городу, кажется, что ты настоящий ленинградец — испытываешь особое чувство гордости.

Правда, не настолько, чтобы равнять себя с жителями Петроградской стороны, Васильевского острова, Невского проспекта или набережной Невы. Бывая в этих местах, я остро завидую коренным ленинградцам, жизнь которых проходит в кварталах, полных особой прелести, одухотворенности и красоты.

Однако зависть быстро проходит, мне и поселок наш нравится. Всю свою сознательную жизнь я прожил в рабочих поселках, с ними сроднился, в них есть свои достоинства, отсутствующие в большом шумном городе.

Здесь на коротких тихих улицах вокруг тебя всегда много знакомых лиц, это действует успокаивающе, со всеми здороваешься, чувствуешь себя к людям ближе.

В громадном многолюдном городе, по-моему, люди более одиноки: порой они не знают даже своих соседей.

Я когда вернулся в Ленинград с Алтая, долго не мог к нему привыкнуть. Часами стоял на Невском и смотрел на живую человеческую реку. Всё ждал — вдруг кто-то знакомый появится. Но толпа все шла и шла, и один и тот же человек не проходил мимо дважды, все новые и новые лица.

Наш небольшой поселок совмещает в себе городские и сельские черты. К югу, за железной дорогой, расположены электромашиностроительный завод и научно-исследовательский институт электрофизической аппаратуры имени Ефремова. Севернее, по берегам Невы и впадающей в нее реки Ижоры, теснятся столетние рубленые дома.

В свободный день здесь приятно быть, посмотреть на спокойно струящуюся водную гладь. За забором, пригревшись на солнце, спит у будки пес, во дворе копошатся куры, а в канаве с водой утка учит плавать утят.

Сейчас поселок очень разросся, там, где раньше были огороды или мальчишки играли в футбол, появились новые заводы и большие жилые массивы, прежняя жизнь маленького поселка уходит в прошлое, а новая становится такой же бойкой, как в городе.

Наш четырехэтажный дом был расположен в самом центре. В одной комнате жили отец и мать, в другой я, Лина и Игорь. В каждой комнате стояли стол, шкаф, диван-кровать, а в нашей с Линой еще и кровать сына. Два одинаковых книжных шкафа сияли полировкой и зеркальными стеклами, за которыми хранилось все наше богатство — книги. Вдобавок мы еще зачем-то привезли с Алтая огромный дубовый буфет, отбравший у нас жизненное пространство. Это была единственная вещь, сохранившаяся со времен моего детства. Зеркала его полопались после небольшого пожара, устроенного моей мамой, а в огромном дубовом чреве среди разнообразных блюд, салатниц, рюмок и фужеров стояли опять же книги. К моему возвращению отец купил мне функциональную кровать, имевшую два ручных привода для подъема нижней рамы. На ней можно лежать или, подняв спинку кровати, сидеть, при этом сидя не затрачиваешь никаких усилий. Над кроватью установили балканскую раму, с ее помощью легче переворачиваться с боку на бок, перебираться с кровати в коляску и обратно. Купили мне и складную инвалидную коляску. Все это помогло мне дома с первых дней начать активную жизнь.

Я продолжал лечиться, приобретал навыки самообслуживания, много и упорно тренировался. Еще в нейрохирургическом институте я научился самостоятельно есть, умываться, чистить зубы, потом бриться электробритвой, мог снять и надеть рубашку. Все это может кому-то показаться пустяками. Но не шейнику! Любое дело просто, если оно освоено, когда же все валится из рук, обливаешься пищей или не можешь как следует натянуть рубашку, то не редко охватывают злость и отчаяние. Есть, например, я научился лежа на животе, на боку, любой рукой, сидя на кровати или за общим столом.

Дома я стал учиться писать. Честное слово, это было нелегко. Мне и сидеть-то тяжело, а сжимать двумя руками ручку и выводить ею каракули и подавно. У шейников есть разные приемы и приспособления для письма, например металлическая оправка, в которую вставляют шариковую ручку и пальцы руки. Те, у кого пальцы спастически скрючены, приспособились зажимать ручку между основаниями двух пальцев, а один знакомый шейник очень хорошо пишет, держа ручку в зубах. Я же свободно и много пишу, фиксируя ручку двумя руками. Умение писать, скорость и качество письма восстановились полностью, но совершенствоваться в этом искусстве пришлось в течение нескольких лет. Позже я научился печатать, приобрел портативную пишущую машинку. Все свои научные статьи, заявки на изобретения и другие материалы печатаю сам.

Не очень уповая на лекарства — к тому времени я многие из них перепробовал,— я верил больше всего в физкультуру и занимался ею практически все свободное от еды и сна время. «Движения способны заменить любое лекарство, но все лекарства мира не в состоянии заменить пользу движения». Может быть, это чересчур категоричное в первой части высказывание французского медика Тиссо неприменимо к некоторым человеческим недугам, к травме же спинного мозга оно имеет самое непосредственное отношение: без упорных, регулярных тренировок не только восстановление здоровья, но и сама активная жизнь невозможна. Без движения спинальник обречен на угасание. Знакомясь с методистами ЛФК, я заимствовал у них подходящие мне комплексы физических упражнений. Лина записывала их в тетрадь, а потом я делал их ежедневно, чередуя занятия на спине, на животе, растягивая резину и эспандер, упражнялся с тяжелыми и легкими гантелями. Из разрезных гантелей я

вынул пружины и в освободившееся пространство вставлял кисти рук. Так гантели держались надежно.

На заводе мне сделали легкую алюминиевую дугу для упора при ходьбе, поставили ее не на колеса, а на полозки. Она стала устойчивой и не ускользала из-под рук. Каждый день я ходил за этой дугой, поддерживаемый отцом, и каждый день мне делали пассивную гимнастику, помногу раз сгибали ноги во всех суставах и во всевозможных направлениях.

При пассивной гимнастике сначала я только посылал мысленно импульсы, потом попросил, чтобы мне связали петлю из широкого брезентового ремня. Петлю подкладывали под колено, в нее же я продевал руки и тянул что есть мочи на себя, помогая сгибать ногу. А это был нелегкий труд, так как тазобедренные суставы стали тугоподвижными.

При высокой температуре и, после почечного криза врачи, естественно, отменяли занятия ЛФК. Неподвижность и нарушение обмена веществ способствовали отложению в суставах солей — образованию контрактур. Кроме того, со временем увеличивается непроизвольное напряжение мышц ног, живота и спины. Это напряжение, спастика, вызывает неприятные судороги мышц, нужны большие дополнительные усилия для его преодоления. Зато после физкультуры спастика заметно уменьшается, поэтому я перед пассивной гимнастикой занимался сам активно упражнениями на все группы мышц. Все это приостанавливает развитие контрактур, разрабатывает суставы, увеличивает их подвижность.

Чтобы избежать монотонности, я пытаюсь выполнять каждое упражнение как можно лучше, акцентировано, веду счет общего числа упражнений, а иногда пою песни: «Раскинулось море широко...» или «Пыль», делая в такт движения. Помните, у Киплинга:

Пыль, пыль, пыль, пыль
от шагающих сапог,
отдыха нет на войне...

Говорят, очень хорошо во время гимнастики слушать ритмическую музыку, а при ходьбе видеть свое отражение в большом зеркале.

Комплексы упражнений я регулярно видоизменял, постоянно намечал конкретную цель, после достижения которой ставил новую, более сложную.

Часами я сидел на кровати свесив ноги, теперь уже без упора в спину и без ошейника. Получалась, правда, только «поза извозчика», стоило разогнуться, как я терял равновесие, опрокидывался назад.

Еще труднее сидеть с вытянутыми ногами: этому препятствуют спастика и контрактуры, слабость мышц корпуса тела. Раз за разом садился я на кровати, потом на полу, на матах. Стало получаться, тогда я добавил еще и упражнения сидя.

Занятия лечебной физкультурой дают разный эффект в зависимости от места их проведения. Когда тренируешься на матах, то включаются в работу все действующие мышцы, а на кровати движения существенно ограничены. На матах я научился переворачиваться, ползать по-пластунски и на четвереньках.

Весь этот труд был не напрасен. Я настолько окреп, что при поворотах мне нужна очень небольшая помощь — разгладить простыни, уложить ноги.

Лина после более чем годичного перерыва начала работать. Отец же вообще работы не прерывал, и дома теперь я оставался вдвоем с матерью. Игорь пока жил у бабушки в Николаеве.

Но занятия физкультурой не могли заполнить образовавшийся умственный досуг. Постоянно думая о работе, я даже не мог себе представить, что стал пенсионером, пусть по инвалидности, что с работой покончено навсегда.

«Конечно, бездействие временно,— успокаивал я себя,— производству нужны мой труд и мои знания, а уж работать я буду честно». Но все попытки трудоустроиться были безрезультатны. Везде нужны люди здоровые, присутствующие на рабочем месте, а я мог работать только на дому. Наконец мои друзья с «Большевика» после длительных переговоров с различными ответственными товарищами устроили мне временную работу по

договору. Я должен был выполнить расчеты по механизму, чертежи которого мне доставили домой вместе с заданием. В задании были приведены исходные данные и оговорен перечень необходимых расчетов.

Я с жаром приступил к делу. Два раза в день я садился на кровати, клал на ноги подушку, доску и принимался за работу. Написав фразу, я откидывался, тяжело дыша, и отдыхал. Дыхание восстанавливалось, и я писал следующую фразу.

Раньше подобные расчеты мне приходилось выполнять не раз, в свое время я сам разработал теорию аналогичных механизмов, и незадолго до травмы одно издательство даже включило в план мою книгу по этим проблемам. Поэтому сейчас задачи мои были сугубо механические: аккуратно написать текст, сделать нужные эскизы, выполнить численный расчет.

Уже спустя час я начинал сильно уставать. Пот лил по лбу, за ушами, по шее, я едва успевал вытирать его полотенцем. Проработав два часа, я ложился и приступал к занятиям физкультурой.

Беспокоило, как-то я справлюсь с численными расчетами: ведь я не мог держать в руках логарифмическую линейку и одновременно перемещать визир и движок. Тут надо было что-то придумать. После некоторых размышлений я попросил вырезать в доске, на которой работал, неглубокий паз в точности по размерам логарифмической линейки. Линейка, вставленная в него, фиксировалась, а движок и визир свободно перемещались. По краям движка мой брат снял пластмассовое покрытие и вместо него приклепал металлические пластинки, в которые ввернул выступающие цилиндрики. Упираясь ладонями в цилиндрики, я легко перемещал движок, потом устанавливал визир. Работать на линейке стало удобно, и таким образом я выполнил все необходимые численные расчеты.

Кстати сказать, недавно мне принесли посмотреть мини-компьютер величиной с портсигар. Удивительно изящная вещь, прекрасно работает от легкого прикосновения к клавишам. На таком компьютере очень просто считать даже с плохо действующими пальцами, при этом получаешь истинное удовольствие от работы.

...Прошло четыре месяца. Передо мной лежала порядочная стопка листов бумаги, исписанных формулами, с эскизами, выполненными неуверенной рукой, с таблицами цифр. Я любовно их разглаживал, проверял, нет ли где ошибки. Это был самый тяжелый расчет, когда-либо выполненный мной, над ним я работал действительно в поте лица. Мне было чем гордиться, чему радоваться.

Расчет я переслал на завод, где его проверили и дали ему хорошую оценку. Рекомендации расчета были использованы при выпуске чертежей механизма. Вот только с оплатой моей работы по договору не получилось. За это время на заводе сменился главный бухгалтер, новый главный бухгалтер отверг договор.

— Инвалиды и так получают большие пенсии,— сказал он,— а заводские инженеры должны эту работу выполнять сами.

В то время пенсия у меня была небольшая, однако я и вправду не очень нуждался, так как отец предоставил моей семье все имеющиеся у него средства.

Нет, я глубоко переживал не из-за денег. Просто распахнувшуюся дверь в трудовую жизнь, в коллектив кто-то неумолимо закрыл, и мне нечего было ему возразить. Он стоял на страже... Радость трудового подъема сменилась депрессией.

Вечерело. За окном серой ватой растекались сумерки, лил дождь, кончалась зима. На проводе перед моим окном раскачивался одинокий мокрый воробей. Холодный ветер ворошил ему перышки, старался скинуть наземь, а он держался, подергивал хвостиком, не летел в тепло под крышу. Это был упрямый воробышек...

Любовь и уважение к труду прививались нам с детства. То, что труд есть дело чести, дело славы, доблести и геройства, мы постигали на примере своих отцов и матерей. Уже со школьных лет мы, как могли, помогали взрослым, собирали металлолом, колоски пшеницы в поле, работали на уборочной.

Поступив в институт, я, как и мои однокурсники, каждое лето проводил на комсомольских стройках. Мы строили коровник в Осьминском районе, узкоколейку в Лужском, убирали картошку в Гатчинском и турнепс во Всеволожском. А потом целина, которую мы прошли в студенческих отрядах. Для человека труд необходим как дыхание.

Для инвалида же работа является и самым лучшим лекарством, без нее не может быть и речи о его социальной реабилитации. Но ему надо научиться работать так хорошо, чтобы его труд приносил пользу обществу, а не только ему самому. Это главная цель.

Вернуть прошлое нельзя, а расстаться со всеми прежними идеями и планами я не мог. Нужно было от них освободиться. Первым делом, вооружившись инструкциями, я стал писать заявки на изобретения. Я не владел техникой переписки с экспертами и не сумел отстоять свои идеи, приходилось учиться этому по ходу дела: по первой заявке положительный ответ был получен сразу, по другим — отказ. Затем я получил еще одно авторское свидетельство по машине, которой занимался вместе с Валентином Макаровым в последней своей командировке.

Еще работая в конструкторском бюро, я занимался научной работой, публиковал статьи в журналах и сдал два кандидатских экзамена в политехническом институте. Чтобы довести дело до конца, стал готовиться к последнему экзамену по своей специальности.

Несколько месяцев подряд я изучал сложнейшие разделы механики, мне это доставляло истинное удовольствие, и подготовился я хорошо. Кафедра «Механика и процессы управления» политехнического института, на которой я состоял соискателем, пошла навстречу, создав комиссию из трех человек для приема экзамена на дому. В комиссию вошли профессор А. А. Первозванский, доценты М. З. Коловский, И. Б. Баргер.

Я чувствовал колоссальную ответственность и очень волновался. Дело в том, что М. З. Коповский — инвалид войны, а И. Б. Баргер — инвалид труда. Несмотря на это, они много и плодотворно работали, являлись ведущими специалистами в области механики. Как же я мог плохо отвечать таким замечательным людям и ученым! Стыдно было бы искать у них снисхождения. Я ответил на все поставленные вопросы и получил оценку «отлично».

Этот экзамен я выдержал, но впереди были еще более сложные, которые ставила сама жизнь.

Уже отлетела опавшими листьями осенняя краса Павловского парка, перестали бить упругие струи фонтанов Петродворца, в переполненных залах ленинградских театров прошли новые премьеры, каждый день, полный забот и труда, развлечений и любви, сменялся другим. Все шло заведенным порядком. Только в моей комнате внешне, казалось, ничто не меняется: тот же узор на обоях, трещины на потолке, раскачивающиеся провода за оконным стеклом, изборожденным ломаными струйками дождя. Все застыло вокруг, но внутри, в душе, кипели неутоленные чувства, подогреваемые огнем надежды. Напряженно работала мысль, строя новые и новые планы. Я не знал покоя сам и, надо признаться, не давал его окружающим. Прошел еще один год, конец его был очень счастливым: наша семья получила трехкомнатную квартиру. Решающую помощь в этом оказал бывший директор Научно-исследовательского института электрофизической аппаратуры Е. Г. Комар.

К этому крупному ученому-физику, члену-корреспонденту АН СССР, узнав о наших трудностях, обратился председатель Колпинского райсовета А. П. Параничев с просьбой помочь нашей семье жильем. Нам выделили дополнительную жилплощадь, и мы обменяли ее вместе с той, что у нас была, на новую квартиру. Много внимания и заботы уделила нам начальник ЖКО С. В. Никитина, пока подыскала приемлемый вариант обмена.

Зачем я обо всем этом пишу? Ведь и без того вся наша семья хранит благодарную память об этих ушедших из жизни людях, это так, но я хочу еще подчеркнуть исключительное значение жилья для инвалида-хроника: всякая помощь ему в этом неоценима для всех членов семьи на долгие годы.

Конечно, лучше всего жить в квартире со всеми удобствами, иметь горячую воду, газ, просторную ванную, лоджию, в которую можно проехать на коляске, а в доме лифт, устроенный так, чтобы не надо было преодолевать ступени при выезде на улицу, — это

идеал. Подавляющее же большинство инвалидов обитают в домах без лифтов, и для них существенно, на каком этаже расположена квартира.

Спинальники с сильными руками при небольшой посторонней помощи преодолевают на коляске короткий лестничный марш, на который укладывают дощатый помост. Для них и для тех, кто передвигается на костылях, квартира на первом этаже более всего подходит. «А мне, — думал я, — часто на улицу не выбраться: Лина и отец работают, при ленинградской погоде мало дней в году, когда тепло и сухо. Буду жить на втором этаже, хоть на балконе подышу свежим воздухом, а потом что-нибудь придумаю, как выбраться на улицу».

И еще одна радость: после долгого отсутствия вернулся в родной дом мой сын.

Итак, я получил возможность тренироваться в просторной комнате, залитой солнечным светом. Еще больше захотелось добиться восстановления здоровья и работать, работать, работать.

Занимаясь лечебной физкультурой, я, конечно, видел, как много сил и времени отнимаю у моих помощников. При ходьбе за дугой мне нужна была постоянная страховка, а при пассивной гимнастике вообще невозможно обойтись без посторонних усилий.

Первое время, когда я был совсем слаб, это было еще как-то оправданно, теперь я стал крепче и должен был найти какой-нибудь другой метод тренировки, более самостоятельный. В Саках я видел, как большинство инвалидов передвигаются в гимнастических брусках, и попросил товарищей с «Большевика» сделать и мне что-то подобное. Валентин Макаров спроектировал оригинальные металлические брусья, состоящие из четырех разъемных частей. Брусья могли складываться, занимая меньше места в комнате, регулировались по высоте и ширине. Их изготовили на заводе и привезли мне на новую квартиру. С тех пор я стараюсь не пропустить ни одного дня без ходьбы в этих брусках. Хожу в них сам, без посторонней помощи.

Трудно даже представить, сколько времени эти брусья высвободили моим родным, какую пользу принесли мне. Ежедневная ходьба укрепляет мышцы и кости скелета, способствует нормальному кровообращению, лучшей работе тазовых органов, заметно улучшает общее самочувствие. Бывает, что хандришь или неважно себя чувствуешь, нет желания и сил встать на ноги, в кровати так покойно, да и поздно уже — пока отец и Лина придут с работы, поужинают, помогут надеть аппараты... Может, отлежаться сегодня? Нет, всегда я заставляю себя встать и ходить — час ходьбы не пропускаю.

Не хожу только тогда, когда у меня высокая температура или когда целой компанией приезжают друзья.

Иногда я устаю безмерно, бросаю ходить и сажусь в коляску. Но это редкий случай, обычно я себя чувствую после ходьбы отлично, много лучше, чем до нее.

Знакомая спинальница рассказала, что у нее есть специальное устройство — «велосипед» для вращения ног, разработанный врачом Е. Г. Лубенским. В нем все наоборот: не ты ногами вращаешь колеса, а с помощью ручной передачи «велосипед» сгибает тебе ноги. На заводе, где работал отец, сделали подобное устройство. К двум его рукояткам мне прибинтовывали руки, ноги вставляли в сандалии, прикрепленные наглухо к педалям, и, вращая руками, я через цепную передачу сгибал свои ноги. При этом амплитуда движения ног столь велика, что прекрасно разрабатываются контрактуры. Сам «велосипед» — легкая разборная конструкция. Подобная механотерапия благотворна для мышц рук, спины и ног, при этом не нужны посторонние усилия.

С годами у моих близких сил поубавилось, а у меня прибыло, и я полностью отказался от пассивной гимнастики, заменив ее более продолжительными и интенсивными самостоятельными занятиями. Всякое дело, будь то тренировка или труд, требует регулярности, дисциплины и осмысленности. С детства я старался придерживаться режима, какого-то распорядка дня. Бывало, составлю его и пытаюсь следовать ему пунктуально, минута в минуту. Такое крохоборство быстро приводило к неудаче, я не выдерживал графика, срывался, и все рушилось. Потом понял, что нужно постоянно выполнять определенное дело в определенное время, без излишней скрупулезности, но при любых

обстоятельствах. Это требует волевых усилий, зато такое постоянство порождает привычку, формирует характер, и, самое главное, появляется обратная связь: возникает потребность в самом изначальном раздражителе — деле.

Прочность этой связи хорошо чувствуешь при ее разрушении. Тогда длительное время маешься, беспокоишься, вроде бы без причины не находишь себе места. Так чувствует себя спортсмен, оставивший активный спорт, или трудяга, вышедший на пенсию. Но это вначале, а потом привыкаешь к новому ритму жизни и уже не хочется возвращаться к прошлому.

Инвалиду после определенного перерыва в работе нелегко снова к ней приступить. Поэтому я наряду с выработкой нового для меня режима тренировок старался не бросать прежние занятия наукой, а для самооценки и самоконтроля стал регулярно вести дневник. В дневнике я отмечал, сколько времени занимался ЛФК, фиксировал свое самочувствие, оценивал свою работу и писал обо всем интересном, что происходило вокруг.

Теперь, с годами, я могу видеть, что давала мне физкультура, как появлялись достижения, осваивались навыки самообслуживания. Сейчас у меня слишком много работы, и я веду дневник урывками, но не бросаю его совсем. Считаю, что ведение дневника принесло мне пользу, стимулировало все мои занятия.

Для каждого человека существуют определенные ценности в жизни, то, к чему он стремится, обладание чем делает его счастливым. С годами одни ценности утрачивают свое значение, другие становятся главными. У детей они одни, у юноши или девушки другие. Потребности человека среднего возраста и старика во многом отличаются, но и люди одних лет часто по-разному подходят к самому важному в жизни. Предпочтение, отдаваемое человеком тем или иным чувствам, делам или вещам, формирует его цели, его взаимоотношения с окружающими, во многом определяет содержание его жизни. И главный вопрос состоит в том, для чего и для кого ты живешь. Одни отдают все другим — свою любовь, энергию, плоды своего труда, знаний — и даже жертвуют ради кого-то своим здоровьем. Другие испытывают большое удовольствие, получая или приобретая чужие чувства или просто вещи. Если эти другие сами дают что-то взамен, тогда они чем-то похожи на дающих.

Но некоторые становятся только берущими. Жизнь моя оборачивалась так, что я мог стать именно берущим, только берущим у государства, у друзей, у семьи.

Такая участь не давала мне покоя, я искал выход, судорожно цепляясь хоть за какое-то посильное дело. Я готов был помогать всем по дому, рад был бы убирать комнаты, мыть посуду, но руки мои были слабы и неловки. Я старался хорошо воспитывать сына, помогал ему в учебе. Он ведь уже пошел в первый класс.

Позднее я хотел организовать у себя дома кружки по физике и математике для учеников соседней школы, но стеснялся, боялся их напугать своей беспомощностью, своим видом: уж больно часто некоторые люди смотрят на калеку как на диковинку, а это вызывает у него особый комплекс, желание спрятаться в свою скорлупу, уйти от любопытных взоров.

Не имея пока возможности трудоустроиться, я решил закончить работу над диссертацией. Темой ее была одна из классических задач механики, решением которой занимались многие выдающиеся ученые, такие как академики А. Н. Крылов, Ю. А. Шиманский, профессор С. П. Тимошенко. Опираясь на их труды, я исследовал подобные проблемы, возникающие при создании специальных машин новой техники. С одной стороны, мои задачи были более узкие, а с другой — они таили в себе много особенностей, не изученных другими авторами. Эти особенности играли решающую роль для тех машин, которые я рассматривал в своей диссертации.

Спешить мне особенно было некуда, и я старался продумать и решить свои задачи возможно более полно, сделать их изящными и красивыми. Каждый раздел нужно отшлифовать, чтобы он был хорош сам по себе и естественно вливался в общую композицию проблемы. При этом важно, чтобы разнообразные конструкции машин рассчитывались единым математическим методом. Такой метод был мною разработан, и я его изложил в нескольких статьях.

Статьи отпечатал одним пальцем на машинке и отослал в журналы. Спустя несколько лет, ко времени защиты, они вышли из печати.

Работать над диссертацией я мог только два-три часа в день, остальное время занимали тренировки ЛФК. Без физкультуры в моем состоянии невозможна длительная, напряженная научная работа. Но и при занятиях физкультурой, и по ночам, лежа без сна, я постоянно искал и находил что-то новое в своих задачах. Тогда я в лихорадочном нетерпении ждал момента, чтобы сесть на кровати и записать найденное. Пришлось преодолеть многие технические трудности при численном анализе полученных решений. Объем вычислений был настолько велик, что мне было не справиться, считая на логарифмической линейке. Помог мне отец, специально для этого научившийся работать на клавишном калькуляторе, помогли и расчетчики, мои бывшие сотрудники.

Так прошло целых два года непрерывного труда, и наконец диссертация была закончена. Всю ее от начала до конца начисто переписала Лина.

Впереди маячили еще очень серьезные препятствия с организацией самой защиты. Нужно было, чтобы диссертацию к защите представил завод «Большевик», а я на нем теперь и уже давно не работал.

С формальной стороны я, как «ничейная бабушка», не имел никаких прав и не смел притязать на особое отношение к своей работе.

Да, диссертация имела несомненную ценность для ряда проектных организаций и даже для учебных институтов. Об этом много было написано в отзывах, которые зачитывали позднее на ученом совете. Но сейчас мой допуск к защите многим казался нереальным, и меня уговаривали бросить эту затею.

Пожалуй, скептики оказались бы правы, если бы не пришел на помощь главный конструктор завода Теодор Доминикович Вылкост. Выдающийся конструктора доктор технических наук, лауреат Государственных премий, он был для меня и для других молодых специалистов особым человеком.

В нем мы видели не столько начальника, сколько учителя и проводника в сложном мире конструкций и производства. Он обладал колоссальной работоспособностью, обостренным чутьем к новому, даром конструктора, который не только понимал с лету чужие идеи, но и предлагал свои, глубокие и оригинальные. Кроме того, он поражал и своей разносторонностью: механики, электрики, расчетчики, технологи, экономисты — все знали, что к докладу у Главного надо всесторонне готовиться, иначе он сразу определит некомпетентность, и тогда держись...

Вылкоста не только уважали, но и любили. Случись у кого какая беда, все знали — он всегда поможет, а если что сказал, то слово свое сдержит; Организация моей защиты была непростым делом, и Теодор Доминикович проявил большую настойчивость и энергию, прежде чем все устроилось.

Диссертация была принята в ОКБ завода, большую помощь в ее оформлении оказали мои товарищи по работе. Они начисто отпечатали ее, вписали все формулы, изготовили демонстрационные плакаты с эскизами и пояснениями.

Диссертацию и авторефераты разослали на отзыв, ученый совет политехнического института назначил оппонентов.

2 июня 1970 года, через пять лет после травмы, состоялась защита. Она прошла очень хорошо, по-деловому и с большим подъемом. В отзывах отмечалось, что предложенный мной метод расчета выходит за рамки кандидатской диссертации.

Ученый совет единогласно присудил мне степень кандидата технических наук, и первым поздравил меня мой учитель и руководитель темы, член-корреспондент Академии наук СССР Анатолий Исаакович Лурье. В науке для меня не было иного кумира. На лекциях и семинарах я ловил каждое его слово и хотел хоть чем-то походить на этого выдающегося ученого.

Это была победа над немощью, над неподвижностью и непослушной, больной и бесчувственной плотью. Одержать ее мне помогли родные, медики, друзья с «Большевика», ученые политехнического института и еще многие другие люди, принявшие в моей судьбе горячее участие, хотя я их не видел и не знал лично. Это был день триумфа, радости и счастья не только для меня, но и для них.

От дня защиты сохранилось и еще одно сильное впечатление — встреча с политехническим институтом. Я очень люблю его великолепное главное здание, просторные светлые коридоры, широкую, принимающую тебя, лестницу, амфитеатр большой физической аудитории и белоснежный актовый зал.

Книжный киоск, читальный зал, тумбочка с театральными афишами, доски вдоль коридора для факультетских объявлений с автографами вроде «А мне степуху задержали» — все это было когда-то моей жизнью. А теперь здесь гуляла река юных, не знакомых мне, но близких студентов. Они тоже были политехниками и учились в том же здании и у тех учителей, что и я.

Встреча с институтом была и расставанием с ним.

Спустя годы я прочел одно замечательное стихотворение Андрея Вознесенского о Политехническом музее в Москве, но в нем были строки, довольно точно отражающие мои тогдашние переживания:

Мои ботинки черны, как гири.
Мы расстаемся, Политехнический!
Нам жить недолго. Суть не в овалдах,
Мы растворяемся в людских количествах,
В твоих просторах, Политехнический.

Заканчивая счеты с прошлым, освобождаясь от прежних неотвязных мыслей и дел, но сохраняя в памяти незабываемые образы навсегда ушедших от меня людей, которых любил, с которыми делил хлеб-соль, я смотрел с надеждой в будущее, готовился к нему.

Глава VI ДЕЛО

Запись из моего дневника: «1 декабря 1969 года. Сегодня приняли меня работать на ЛЭЗ, добился этого отец. Сложные чувства в связи с этим; радость, что могу еще трудиться, опаска — сумею ли выдать продукцию, быть, как и раньше, на высоте; желание узнать всесторонне новую отрасль. Во всяком случае, нужно упорно и добросовестно трудиться. Свершилась мечта последних четырех лет».

Я был принят временно в отдел главного конструктора старшим техником на место женщины, ушедшей в декретный отпуск. Это важное для меня событие связано с именем Бориса Ивановича Фомина, в то время главного инженера электромашиностроительного завода, а позднее генерального директора объединения «Электросила». Он оказался одним из тех людей, что лишены предрассудка, будто инвалид обязательно неполноценный работник. Своим авторитетом он сумел убедить тех, от кого зависело оформление меня на завод.

Опять встретился человек, оказавший большое влияние на мою судьбу. Как же много их было в моей жизни: в детстве — школьные учителя, в юности — ученые политехнического института, на заводе «Большевик» — талантливые конструкторы, потом — мои друзья-инвалиды, нейрохирурги, урологи...

Но в конкретную трудную минуту, в переломный момент решающим образом обычно помогает кто-то один. Сейчас это был Борис Иванович Фомин. Какой же праздник пришел в наш дом! Как счастлива была вся наша семья! Но меня, помимо радости, уже одолевала забота: смогу ли я, оторванный от коллектива конструкторов, вдали от завода, быть полезным, давать что-то нужное производству? Если смогу, то временная работа станет постоянной, а если нет...

В коллективе труд каждого вливается в общий результат. И плохой работник иногда может спрятаться, отсидеться за спинами лучших.

Когда же работаешь на дому, в одиночку, результаты труда очевидны, их легко оценить и сравнить с другими. Сразу становится ясно, работает человек или имитирует деятельность.

Беспокойство, тревога сменились уверенностью не сразу, они пришли потом, когда я стал решать одну поставленную задачу за другой, а тогда я волновался, как новичок-боксер перед выходом на ринг. Но гонг ударил, и начались мои трудовые будни.

Мне поручили создать методики некоторых механических расчетов крупных электрических двигателей переменного тока. Серии таких машин разрабатывал конструкторский отдел, а завод изготовлял их. Это было для меня новым, малознакомым делом, требующим больших специальных знаний. И все-таки я сравнительно быстро во всем разобрался. Помогли мне два обстоятельства.

Во-первых, я получил отличное образование, так как физико-механический факультет, который я окончил, готовил специалистов самого широкого профиля.

Во-вторых, у меня был основательный шестилетний опыт работы в ОКБ завода «Большевик». Там я за пять лет, начиная с самой низшей инженерной должности, прошел хорошую школу и стал ведущим конструктором.

Теперь я разработал свою систему, по которой действовал в двух направлениях:

решал поставленную передо мной конструкторами конкретную задачу и параллельно с этим изучал всю литературу, связанную с вопросом.

Когда сидел, то писал только расчет, а утром и вечером лежа читал книги по электрическим машинам, по теории их расчета, конструкции и технологии их изготовления. Заместитель главного конструктора Б. И. Темкин приносил мне кипы чертежей, рассказывал все особенности конструкций, которые нужно было охватить расчетом. Чтобы разговаривать с ним без усилий, я обзавелся различными слуховыми аппаратами, а ежедневную связь поддерживал через отца. Идя на работу и с работы, он передавал все пересылаемые для меня материалы.

Вначале я не пользовался телефоном, так как не слышал, что мне говорят. Потом придумал приспособление для крепления микрофона слухового аппарата к телефонной трубке. Так разговаривать стало много легче, появился новый канал для связи с конструкторским отделом. Сейчас я пользуюсь стареньким телефоном с усилителем, какие раньше ставили для междугородных переговоров, с ним я слышу собеседника почти нормально.

Работа на дому имеет свои преимущества и свои трудности. Для многих инвалидов с тяжелыми последствиями травмы или заболевания она является практически единственной возможностью трудиться, так как щадит их силы и психику. Кроме того, отсутствие отвлекающих факторов и уединенность позволяют сосредоточиться, уйти с головой в решение творческой задачи. К тому же дома имеется возможность наилучшим образом устроить свое рабочее место.

В этом отношении у меня все продумано до мельчайших деталей.

В моей комнате на стеллаже стоит около трехсот томов технической библиотеки, которую я начал собирать со студенческих лет, тут же книги из заводской библиотеки. За специально изготовленным столом удобно работать, сидя в коляске, у которой есть свой съемный столик.

Рабочее место хорошо освещено, лампы можно включать самому, так как рядом с кроватью вделаны выключатель, электрическая розетка и розетка для телефона.

С годами накапливается множество материалов. Чтобы облегчить в них поиск нужной бумаги, пришлось завести архив, разложить его по темам и папкам. Все это позволяет работать активно, с большой нагрузкой и отдачей.

Но особенно трудно научиться работать в одиночку. Привыкнув к коллективу, где ты связан нитями взаимопомощи с множеством людей, где можешь обсудить с ними любую задачу, проконсультироваться у инженеров и ученых смежной специальности, не так-то просто без всего этого обходиться.

Болезненно, со скрипом вырабатывается новый стиль работы, когда ни от кого не ждешь подсказки, сам принимаешь решения в той или иной ситуации. Бывает, чувствуешь, что где-то в расчете ошибка, а найти не можешь. Раньше рассказал бы своему соседу по работе, глядишь, либо он помог, либо сам при одном только пересказе обнаружил просчет. Дома же ты один и никого не позовешь — все заняты своим делом далеко от тебя на заводе. И ищешь ошибку сначала спокойно, потом все больше и больше волнуешься: кому же нужна твоя работа с дефектами!

И вот уже близко отчаяние — не могу! Надо бросить все это к чертовой матери! Но каждый раз я беру себя в руки, проверяю все в третий, четвертый раз, а потом вдруг ночью или днем приходит озарение: вот она, как же я раньше-то не заметил!

Постепенно, очень не скоро приходит уверенность, что можешь и сам справляться с весьма сложными задачами. К этому ведет нелегкий путь ученья и труда, труда и снова ученья. Верно говорят: терпенье и труд все перетрут. Зато каждый выполненный расчет держишь в руках с огромным удовольствием и какое-то время живешь легко и спокойно.

Потом снова начинаются волнения, а вслед им приходят и радости.

Конечно, не всегда усилия ведут непосредственно к большой и желанной победе. Нет, на пути к ней, единственной, приходится десятки раз испытать горечь поражений и разочарований. И даже когда покажется, что достиг чего-то особенного, поймал наконец ускользающую жар-птицу, еще рано радоваться, другие в ней могут увидеть обыкновенную ворону.

Но и неудачи, и непризнание особых заслуг должны вызывать только еще большее желание и упорство идти по трудовому пути. Все другие пути никуда не ведут, разве что в тупик скуки и навязчивых сожалений об утратах.

Современный инженерный расчет сложен, и выполнение его вручную или на клавишных полуавтоматах уходит в прошлое. На смену пришли электронные вычислительные машины — это чудо XX века. Чтобы ими воспользоваться, надо знать их, понимать их язык. И я начал учиться программированию на ЭВМ. Поступал я так. Доставал книги по алгоритмическим языкам и руководства по математическому обеспечению ЭВМ, для которой собирался писать программу. Потом находил людей, разработавших алгоритмы и программы для той же ЭВМ, и получал от них все необходимые мне материалы. Изучая и сопоставляя все это, можно довольно быстро разобраться, что и как нужно делать. Составив перечень вопросов и один раз проконсультировавшись у опытного программиста, я написал свою первую программу и начал ее отладку.

Работа спорилась, появились результаты, которых ждали в конструкторском отделе.

...Жаль было оставлять дело, но пришло лето, и я поехал лечиться в санаторий. Какое же это было хорошее лето! Прошло полтора года со дня оформления на временную, а затем на постоянную работу, позади защита диссертации.

Уже и в семье на меня по-иному смотрят — как на работника, и с друзьями говоришь о деле на равных. И отдыхаешь, и лечишься с особым чувством — заслужил вроде. И деньги тратишь с удовольствием, потому как заработанные. С большим желанием работать, не предчувствуя беды, вернулся я домой и тут узнал: меня уволили с завода. Так вот, значит, и уволили...

А произошло следующее. При очередной ревизии на заводе вскрылся ряд недостатков. Ревизор, в частности, усомнился в моем существовании — не подставное ли я лицо, за которое кто-то получает зарплату, — и отметил это в акте. Заинтересовался и ОБХСС: да был ли мальчик-то? Им ответили из конструкторского отдела, что был и есть, вот даже отзыв о его расчетах крупнейшего в стране НИИ электромашиностроения, где сказано:

«...Работы по объему, широте рассматриваемых задач и глубине проработки превосходят применяющиеся до сих пор на заводах нормализованные методы расчета, удовлетворяют всем современным требованиям к заводским методикам расчета, выполнены на высоком научном уровне и представляют ценный вклад в практику расчетов на прочность, жесткость и виброустойчивость. Практическая ценность работы заключается еще и в механизации

расчетов с помощью ЭВМ, что позволяет в несколько раз повысить производительность труда и существенно ускорить разработку проектов...

Работа по составлению расчетных методик такого объема и сложности проводятся группой инженеров под руководством старшего научного сотрудника и требуют больших затрат, поэтому разработка методик Б. С. Фертманом за относительно небольшой срок свидетельствует о его весьма напряженной творческой работе и высокой научной квалификации».

И товарищи из ОБХСС успокоились:

— Добро, пусть работает.

Но не тут-то было, нужно еще, чтобы главный бухгалтер объяснил кому следует, что я получаю зарплату, как все, за выполненную работу. Проще, не утруждая себя и не канительясь, уволить меня, и директор завода подписал об этом приказ.

Когда я приехал, то мы уже оба не работали — и я, и директор. Его тоже сняли с занимаемой должности. Я обратился в завком, без согласия которого меня уволили, и завком потребовал меня восстановить.

Приказ был отменен и издан новый, за десятью подписями, где было сказано не только о восстановлении меня в должности, но и о планировании моей работы, о контроле за ней.

Все эти события произошли, потому что не было четких юридических положений о работе инвалидов на дому. Число инвалидов же неуклонно растет. Это связано и с участвующим травматизмом, и с успехами медицины, возвращающей к жизни, ранее безнадежных больных. Поэтому и инвалидам, и руководителям предприятий нужны более подробные и определенные юридические основания, оговаривающие условия работы на дому, когда другого выхода нет.

Я вернулся к работе, вернее, я ее не прекращал, уверенный, что все образуется.

Полученная мною до травмы профессия позволила приспособиться к новым условиям труда. Некоторые же юноши и девушки становятся инвалидами, не получив или не закончив образования, и перед ними встает проблема выбора специальности с учетом их возможностей. Тут им поможет опыт тех, кто, несмотря на физический недуг, трудится.

Среди моих товарищей по несчастью есть инженеры-конструкторы, расчетчики, программисты, патентоведы. Многие успешно осваивают иностранные языки, и не один, а несколько, работают переводчиками в отделах технической информации. Есть среди спинальников юристы и учителя. Все они работают самоотверженно, на хорошем счету в своих коллективах. Думается, что надо всячески облегчить инвалидам поступление в вузы на заочные отделения по этим специальностям и помогать им в трудоустройстве после их окончания.

Это необходимо не только из соображений гуманности, но, если хотите, и из экономических соображений, так как такие люди становятся исключительно честными, исполнительными работниками.

Есть и множество профессий, не требующих высшего образования, но приносящих удовлетворение и пользу инвалиду и обществу. Это кройка и шитье, вязание и вышивка, сборка и ремонт часов, электроаппаратуры и приборов, переплетное дело и печатание на машинке.

Хорошо, если бы заводы медицинского оборудования и протезные заводы изготавливали комплекты приспособлений для работы инвалидов, оборудованные для рабочих мест. Необходимо издание самоучителей по разным специальностям, отражающих накопленный опыт работающих инвалидов.

Тогда легче было бы другим освоить профессию и быстрее приступить к делу, и десятки тысяч ныне бездействующих людей вернулись бы к труду.

Спустя несколько лет я стал инженером-конструктором 1-й категории в своем конструкторском отделе. Позади остались освоение новой для меня техники, разработка целого комплекса методик, алгоритмов и программ на самых распространенных алгоритмических языках: Фортран, Алгол, Аки.

При необходимости я перевожу нужные для дела иностранные статьи, осваиваю расчеты, лежащие на границе между механикой и электротехникой.

Это сложные и чрезвычайно интересные задачи. Появились и собственные исследования, которые я опубликовал в нескольких журнальных статьях.

Хотя я тщательно изучаю чертежи машин, над расчетами которых работаю, меня все время тянуло посмотреть на них в натуре. Поэтому большим событием стала первая поездка на завод в сборочный цех.

Два молодых конструктора пересаживают меня из микроавтобуса в коляску, и мы въезжаем в цех. Знакомый гул, движение, резкие запахи смазки и эмульсии, лаков и краски заполняют все вокруг. Первый поворот в боковой пролет.

— На этом прессе спрессовываются шихтованные сердечники, — показывает и поясняет мне Б. И. Темкин, — после затяжки шпилек они поступают на обмоточный участок.

На обмоточном участке молодые рабочие укладывают катушки в пазы сердечника статора, ловко притягивают лентой и укрепляют лобовые части обмотки, вгоняют клинья в пазы. На сборке роторов заколачивают в пазы стержни, припаивают коротко замыкающие медные кольца, и «беличья клетка» готова.

Далее виднеется огромный корпус статора с вложенным в его расточку готовым ротором, а рядом стоит белоснежный вентилятор. Еще дальше располагается стенд, где на фундаментной раме собирается и испытывается вся машина.

Незаметно летят часы, деловая жизнь цеха внешне спокойна, но все в ней построено на четком порядке и мастерстве рабочих. Мне хорошо тут, никто на меня не глазееет, не обращает внимания. Но крановщица пронесит груз стороной, заметила, что мне некуда свернуть с ее пути; застрявшее в расщелине колесо коляски легким движением высвобождает проходящий рабочий, а при выезде подсобник убирает с пути стружку, чтобы она не пропорола мне резиновые покрышки.

Я проехал по всем участкам сборки и получил ответы на все свои вопросы.

Я бывал прежде на многих крупнейших заводах, видел в цехах современные конвейеры и уникальные станки, мощные паровые и гидравлические турбины, гигантские корабли и много другой специальной техники. Всегда меня не покидало ощущение эмоционального подъема от вида замечательных творений рук человеческих. Захватывающее зрелище воплощенной в металл мысли оставляет в душе неизгладимый след, порой не меньший, чем созерцание выдающегося произведения искусства.

После же стольких лет затворничества встреча с заводом была как праздник, который я переживал многие дни спустя.

Для работающего в одиночестве инвалида большое счастье — общение с коллективом и предприятием, где он работает, с ними он жаждет поддерживать связь. К сожалению, это трудное и редкое счастье.

Конечно, работа, тренировки ЛФК — все это почти целиком заполняет жизнь, но необходим и каждодневный отдых. Пока я не вырвался на простор улицы, сидение у раскрытой балконной двери многие годы было для меня единственной возможностью подышать свежим воздухом.

Из моего окна и с балкона открывается вид на здешнее «Лукоморье». Правда, вместо моря у нас огромная лужа талых вод. Весной ее бороздят мальчишки на плотках, водяной стеной поднимают огромные самосвалы. Но лужа — там, подальше, за железной дорогой, а прямо подо мной — асфальт, грузовики, изрыгающие летом тучи пыли и дыма. А за асфальтом пустырь — Троицкое поле, как я его называю. Летом на нем в густых зарослях кустарника собираются по трое, откупоривают бутылки, купленные рядом в винном магазине, и идет задушевная беседа.

А невдалеке ждет бабушка, подбирающая тару: не пропадать же добру. Утром и поздним вечером поле принимает собак с хозяевами. Благородные овчарки, восторженные эрдельтерьеры, легавые, беспрестанно обнюхивающие все подряд, лайка, сильная, как пружина, белый шпиц, буксирующий на длинном-длинном поводке своего располневшего

хозяина,— все это мои знакомые, которых я знаю со щенячьего возраста. Все эти псы ухоженные, образованные, их учат приносить поноску, ложиться, обегать хозяина и садиться у его ноги. Смотреть на это очень интересно.

Но самый занятный спектакль начинается при появлении сиамского кота. Он ужасно злой и храбрец необычайный. Когда его облаивает маленький Тузик, он бросается за ним в погоню, и Тузик несется, ополоумевший от страха, куда глаза глядят. Весной к постоянным посетителям добавляются кавалькады бесхозных псов, скупаемых вожделением. Жизнь на пустыре все время меняется.

За пустырем у железной дороги стоит небольшой домик, станционное строение с большим участком, огородом, яблонями и гаражом, в котором хозяин постоянно чинит свой «Москвич». Хозяина я не знаю, но не может же человек, так часто видимый мною издали, оставаться без имени. Поэтому я его зову Бен Джойс. За забором у Бена Джойса бегают огромный пес, отпугивающий лаем солдат из соседней воинской части, сватающихся к хозяйским дочкам.

Иногда какая-то бабушка выводит на травку козу, забивает колышек с веревкой и оставляет ее пастись. Как только бабушка уходит, появляются мальчишки и начинают строить козе «рожки», испытывая ее терпение. Но коза уж очень флегматична, и они ее скоро оставляют в покое.

Труднее хозяйскому псу: его раздражают вороны или прогуливающиеся за забором собаки.

Как-то прилетела одна ворона и устроилась недалеко от его миски. Пес бросился на нее, она на забор, пес за ней, та уселась на гараж. Так повторилось несколько раз. Потом ворона улетела и через некоторое время прилетела с подружкой. Теперь уже две вороны по очереди с разных сторон атакуют пса, а он метался между ними, охраняя свое добро, свою миску. Вообще же птицу нас множество. Зимой все больше вороны, голуби да воробьи на голых ветках.

Настоящее оживление наступает с весной, когда тучами летит не известная мне мелкая пичуга, по лужам расхаживают длинноногие пролетные кулики. А потом прилетают грачи и скворцы, идет заселение домиков, непрерывная работа по благоустройству. И, смотришь, среди черных, как антрацит, пап и мам шагают серенькие птенцы. И вот уже появляются стремительные ласточки. Значит, лето наступило.

А осенью журавлиные клинья тянутся на юг, все разлетаются, и опять я остаюсь с воробьями и голубями.

Природа моего «Лукоморья» щедра и прекрасна. Вишневые закаты малиновым сиропом обливают стены зданий, перламутровая и нежно-голубая белая ночь прохладна, солнце зашло, но еще озаряет четкие линии высоко летящих самолетов. Самолеты идут на посадку в Пулковский аэропорт, подмигивая ему красными вспышками на хвосте и под фюзеляжем. Но вот и самолеты тускнеют, и солнце уходящим золотом подсвечивает луну. Удивительное зрелище. Как для японца его садик, так для меня мое «Лукоморье» полно прелести и настоящей жизни. А на дорогах непрерывное движение. Трубят снующие взад-вперед электрички, ползут, как кольчатые черви, составы черных цистерн, на платформах красуются оранжевые и охристые гиганты «Кировцы». По вечерам в наступающей темноте проплывают голубые окна поездов дальнего следования и зовут, и зовут на север, на юг, в Сибирь...

С утра оживает дорога под окном, начинают ее утюжить самосвалы с окружающих строек. А строек кругом множество. После долгих ожиданий наконец на грузовиках и телегах с уложенными вещами двинулись к новым домам новоселы.

И я радуюсь вместе с ними их счастью.

И если я от книги подниму Глаза и за окно уставлюсь взглядом, Как будет близко все, как станет рядом, Сродни и впору сердцу моему!..

Глава VII СКАЛЬПЕЛЬ И КОСТЫЛЬ

Зимой у нас быстро темнеет. Игорь сидит за уроками, Лина, придя с работы, что-то готовит на кухне, а я хожу, вернее, ковыляю в брусках. За окном темно-сиреневые сумерки, совсем как на картинах Моне или Ван Гога. Вдали сияют подвешенные в пространстве гирлянды электрических огней, изредка разорвет мглу стремительная электричка, отмельтешит желтыми окнами и исчезнет.

Лина накрывает на стол, я сажусь в коляску, мне помогают снять аппараты. Приходит Игорь, и мы усаживаемся за «чай с разговорами». Темы у нас каждый раз меняются, все мы любим театр, живопись, поэзию, обсуждаем прочитанные книги.

— Ну как, нравится тебе «Лезвие бритвы»?— спрашиваю я Игоря о книге писателя-фантаста Ефремова, которую посоветовал ему прочесть.

— Не могу от нее оторваться — так интересно. Слушай, пап, а почему спинальников не лечат так, как делают это в книге профессор Аствацатуров и Гириг?

— Видишь ли, у парализованных женщин, которым Аствацатуров и Гириг возвращают движения с помощью сильного душевного потрясения, были не травмы спинного мозга, а функциональное расстройство нервной системы.

— Не понимаю, в чем тут разница...

— Как тебе объяснить? Ну, например, представь только что собранный на заводе телевизор. Если его включить, то картинка будет искажена или вовсе отсутствовать, хотя все детали целы. Это функциональное расстройство, его устраняет квалифицированный настройщик.

— Иногда и в настроенном телевизоре пропадает изображение, — замечает Лина.

— Тут свои причины. Одна из возможных — опять же функциональная: например, где-то нет контакта, лампа отошла от панели. Тогда можно попробовать рискнуть — стукнуть крепко сверху по корпусу, и есть небольшая вероятность, что контакт восстановится. Так в книге Аствацатуров и Гириг, создав шоковую ситуацию, замкнули бездействующий контакт в головном мозге тех женщин. Это жестокий метод, но при функциональном расстройстве он может все-таки привести к успеху даже тогда, когда другие методы бессильны.

— Ну, а спинальники, почему их не лечат шоком?

— Потому что тут причина органическая, как если бы в телевизоре перегорел трансформатор, стучи не стучи — не поможет, надо либо его перематывать, либо ставить новый. Понятно?

— Самую малость,— говорит Игорь.— И все же почему так трудно вылечить спинальника?

— Восстановление поврежденных нервных путей, называемое регенерацией, если оно не идет само собой, пока искусственно не получается.

— Так, может, не чинить старое, а поставить новое, — говорит Лина.

— Ты это о пересадке? Пересадка органов и тканей требует еще исключительно тонких и сложных исследований. Наверное, когда-нибудь будут подсаживать в спинной мозг человеку его собственные здоровые нервные проводники, взятые из другого места тела, или поставят трансплантат, заимствованный у другого человека, как при пересадке сердца. А может быть, скорее всего, создадут искусственную компактную нервную сеть, над которой работают биокибернетики. Все это — дело будущего, а сегодня только мечта. Я допиваю свой чай и продолжаю:

— Вот я часто мечтаю. Когда-нибудь явится гений, на которого после долгих исследований и размышлений снизойдет озарение, как оживить или заменить погибшую нервную клетку. Я не могу столь ярко вообразить большего счастья, чем счастье спинальника, после десяти-пятнадцати лет беспомощности и боли, отчаяния и надежд вдруг обретшего движение и здоровье обычного человека. Иногда я представляю себя этим гением, этим Иисусом Христом, воскрешающим Лазаря, как сам стал бы здоров, вылечил бы всех своих друзей и товарищей: Галю, Лелю, Аллу, Свету, Валерку и Эмиля, Гену, Леву, Резо, Эдика, Гурама, Мишу, Витю — всех спинальников на земле до единого. А потом бы мы устроили

всемирный съезд и на нем только и делали, что шли бы все вместе со своими близкими и друзьями, разговаривали, пели, плясали и шли бы, шли и шли...

— Такое ощущение счастья, — говорит Лина, — люди испытали в День Победы.

— Победа над злом всегда вызывает чувство огромного счастья и ликования. Когда люди узнали о создании вакцины, против полиомиелита — детского паралича, они заполнили улицы Чикаго радостными толпами. Такие же праздники будут, когда найдут средства лечения сердечно-сосудистых заболеваний, рака, преодолеют трудности регенерации нервных клеток.

— Ты, пап, ничего не придумаешь: все медики ничего не могут, а ты — инженер.

— Насчет меня ты прав, эта моя мечта бесплодна, а медики обещают, что к две тысячи сотому году научатся излечивать любую болезнь. Но ведь может такое произойти раньше! Я и сам теперь жалею, что не стал медиком.

— Странно и непонятно нам, несведущим в биологии,— говорит Лина,— почему из черенка развивается дерево, вместо оторванного хвоста у ящерицы вырастает новый. Помнишь, мы читали, что юноше прижили отрезанную циркулярной пилой кисть и пальцы на ней обрели подвижность, — значит, и нервы срослись.

— Есть еще более поразительные примеры. Я знаю, что полностью перерезанный спинной мозг рыб или некоторых видов земноводных регенерирует, а человек в этом отношении устроен хуже рыб. О рыбе позаботилась природа, а человек должен исцелить себя сам.

— Теперь среди медиков одни женщины, им до всего не додуматься,— изрекает Игорь.

— Ну, не скажи. Мария Кюри, Софья Ковалевская, академик Кочина — таким талантам только позавидуешь. Мне кажется, что прогресс в медицине идет медленнее, чем хотелось бы, в частности из-за позднего становления медика как самостоятельного ученого — возраст великих открытий быстро проходит.

— Верно, — отзывается Лина, — сколько пишут про юные таланты в математике, физике, искусстве, а в биологии — не слышать. Сколько вокруг физико-математических школ, а биологическая на весь Питер, кажется, одна.

— Среди медиков самые юные дарования — это бабки, лечащие травами, вроде той, что нам дала настойку,— ехидничает Игорь.

Тут мы все оживляемся и начинаем вспоминать настойку, которую привез мне отец в бутылке из-под «Портвейна». Заплатил он за нее пятерку бабке, которая уверяла в волшебных свойствах ее зелья. Когда настойку наливали в столовую ложку, сразу прибежал кот Василий: с возбуждением ждал пролитых на пол капель, затем тщательно вылизывал это место на полу, валился на спину и начинал по нему кататься. Обычная валерьянка в настойке делала с ним чудеса и потешала все семейство. Только мне зелье не помогло.

Когда происходит несчастье и человек становится инвалидом, он отдает себя полностью и с надеждой в руки медиков. От них он ждет облегчения своих страданий, исцеления и утешения, с ними проходит вместе долгий и мучительный путь медицинской реабилитации. И оттого, какой рядом врач, что он за человек, во многом зависит судьба больного человека.

...Лежа на волжском берегу со сломанной шеей, под палящим солнцем, измазанный в глине и песке, я увидел склонившееся надо мной встревоженное женское лицо. Оказалось, что неподалеку отдыхала и загорала молодая женщина из Ленинграда, с дочерью лет пяти. Звали эту женщину Анной, и была она врачом-невропатологом. Почувяв беду, она сразу же поспешила на помощь. По ее указанию меня уложили удобнее, еще несколько минут ей понадобилось на то, чтобы выяснить всю тяжесть травмы. Ни на секунду она не отошла к своей девочке, испуганно стоявшей в отдалении, пока меня не отнесли на связанных веслах в лодку. Анна шла рядом, бережно поддерживая мою голову.

Потом она пришла ко мне в куйбышевскую больницу и, так как верил я в нее безмерно, как в талисман, согласилась присутствовать на операции. Снова она держала мою голову и, когда хлынуло что-то горячее по плечу, шептала мне какие-то слова, а какие, не помню. Последний раз Анна навестила меня в Ленинграде и исчезла, оставив глубокий щемящий

след в моей душе. Так и осталась она добрым гением, явившимся в самое трудное мгновение. Она ушла, когда опасность миновала.

Куйбышевские и ленинградские врачи сделали все, что было в их силах, и я смог покинуть больничную палату. В Саках моим лечащим врачом была Александра Александровна Лаврова. Это человек, связавший всю свою жизнь без остатка с лечением, я бы сказал, с лечением спинных. Она так и говорит:

— Больше всего нам нужно опасаться таких-то осложнений...

— Мы должны приспособиться и научиться все возможное делать самостоятельно.

— Мы можем работать и жить полнокровной интересной жизнью...

При этом она не отделяет себя от спинных, в любых ситуациях, если того требует справедливость, выступает на их стороне. И больные люди питают к ней чувства благодарности, любви и глубокого уважения.

Такие же благородные качества отличают врачей, с которыми мне довелось встретиться за долгие годы после травмы. Э. И. Александрова, О. Н. Генкель, Е. М. Калюжная, О. Г. Коган, Э. Я. Кодола, Г. А. Коротич, А. В. Лившиц, Н. Е. Мольская, З. Э. Неймане, В. М. Угрюмов, Т. В. Ульянова, И. П. Шевцов, С. Л. Яцук и множество других врачей — это истинные подвижники медицинской реабилитации спинных.

Вместе с врачами неопределимую и самую насущную помощь оказывают нам медицинские сестры, методисты ЛФК, массажистки и санитарки, которых мы кличем ласково нянями. Этим замечательным в большинстве своем женщинам мы обязаны своим самочувствием, от них зависят и наше здоровье, и наши успехи.

Однако современная медицина, несмотря на всю свою мощь и достижения, пока что не в состоянии полностью излечить некоторые чрезвычайно сложные заболевания.

Спинные, выйдя из клиники или больницы, не прекращают искать пути к полному выздоровлению. На первых порах все надежды связываются с целебными свойствами грязей, причем стараются испробовать разные, едут в Саки, Славянок, Кемери. Некоторые добиваются даже до Нафталана, хотя там спинному совсем трудно из-за отсутствия ухода. Далее каждый действует в меру своей фантазии и веры в то или другое средство. Одни принимают курсы иглоукалывания, других жалят специально приобретенные пчелы, третьи обращаются к гомеопатам, а потом все вместе переключаются на народную медицину. Затратив порядочно средств, объездив города и веси, иные во всем разуверяются, иные продолжают надеяться и искать.

Я тоже многое перепробовал: грязи, разные виды электростимуляции мышц и тазовых органов, гомеопатические лекарства, настои трав и мумий. К разным средствам у меня свое отношение. Раньше я жаждал принять как можно больше грязей. Но потом понял, что грязи сильно действуют на весь организм и не всегда положительно. Чрезмерное увлечение ими может впоследствии ухудшить сердечную деятельность.

Все лечебные процедуры мне не повредили, но и не дали существенного улучшения двигательных способностей. За все время после травмы у меня появились только мизерные движения в пальцах одной руки, на другой они вначале периодически появлялись и пропадали, пока не исчезли совсем. И все-таки я считаю, что даже мне, не говоря уже о тех, у кого есть явные признаки восстановления, различные курсы лечения помогли, укрепили мой организм, действующие мышцы стали сильнее, а самое главное, болезнь не так заметно прогрессирует.

Написал эти строки, и у меня возникло тревожное чувство: не вызовут ли они мрачные мысли у человека со свежей травмой, не лишат ли надежд, если он посчитает, что и его в будущем не ждет коренное улучшение здоровья?

Нет, никогда не теряйте надежды на лучшее. У каждого своя судьба, свой характер травмы.

Я видел девушку, игравшую в волейбол, бегающую и прыгающую за мячом, а некогда, по ее словам, она была полностью парализована. Ее спинной мозг тогда был в шоковом состоянии, постепенно шок прошел, не оставив органических изменений.

Я видел шейников и спинальников, которые ходят без аппаратов, опираясь на палочки, а до этого они несколько лет (!) не могли самостоятельно передвигаться. Причем некоторых я встречал не один раз и воочию видел колоссальный прогресс в их мобильности.

Все это так. Но я видел и тех, кто в ожидании чуда выздоровления бездействовал, искал утешения в вине, утрачивал волю и интерес к окружающей жизни. Они прислушивались только к тому, что происходит внутри их собственного организма.

Эмоциональный и умственный распад страшнее физического, и ему нужно противостоять в любом случае, при любых обстоятельствах. Для этого необходимо тренировать свое тело, развивать ум, учиться действовать в изменившихся условиях, а не откладывать это на лучшее будущее.

После первого этапа особенно ценно лечение в специализированных спинальных санаториях. Бытует мнение, что если у инвалида после санаторного лечения нет значительного улучшения в восстановлении движений, то ему незачем в дальнейшем ездить на курорт. Это неверно, так как без лечебной поддержки само существование многих инвалидов невозможно. По-моему, нужны реабилитационные отделения и центры разного типа, где по характеру травмы и «по способностям» инвалиды получали бы лечение, отдых, профессию. Многих бы вообще удовлетворили специально благоустроенные пансионаты и кемпинги в тех же районах целебных грязей, где они могли бы жить сами или с родственниками. Тогда бы не все стремились в санатории, и каждый человек со свежей травмой принял бы в срок лечение.

Строительство реабилитационных центров без грязелечебниц и пансионатов экономически выгоднее новых санаториев с грязе- и водолечебницами, хотя количество инвалидов сейчас столь велико, что любое новое заведение не сумеет принять всех нуждающихся и желающих туда попасть. Когда я пытаюсь разобраться, действительно ли все сопутствующие недуги, что перенес я и мои товарищи, неизбежны, то прихожу к убеждению, что нет, многие из них вполне устранимы. Только спинальник и его близкие должны как можно раньше получить о них представление, узнать, как с ними бороться.

Даже в самый тяжелый, начальный, период после травмы можно избежать пролежней путем более частых смен положений тела, растирания его камфарным спиртом, с помощью поролонового матраца, подкладок специальной формы и надувного круга.

Правильное положение конечностей, регулярный контроль, пассивные и активные движения во всех суставах предупредят появление контрактур. И, пожалуй, самое важное — это антисептика и предохранение от простудных заболеваний. В тех случаях, когда необходимо промывание мочевого пузыря, все должно быть исключительно стерильно, на что не всегда обращают внимание даже сестры в больницах и санаториях. В этом отношении исключительно осторожна моя жена, уберегшая меня от многих осложнений. Все это не простые проблемы, но остальные еще сложнее.

Проблема регенерации спинного мозга стара, как мир, и неизвестно, когда она решится в стенах лабораторий. Пока что это мечта, и неясно, осуществима ли она вообще, хотя очень хочется быть оптимистом. Современная медицина во многих случаях сохраняет спинальнику жизнь. Все больше и больше становится инвалидов-хроников, соответственно растет число людей, занятых уходом и лечением. Вся эта масса народа ждет и с надеждой встречает сообщения об удачных операциях и новых веяниях в лечении спинномозговой травмы.

Тяжелые физические и моральные мучения приносит спинальнику расстройство тазовых органов. Оно переживается многими более сильно, чем даже утрата движений. Кроме нарушения нормальной функции почек и мочевыводящей системы, часто возникают воспалительные процессы и образование камней. Это бич для подавляющего большинства спинальников. Периодически я тяжело болею, выручают только промывания мочевого пузыря и антибиотики. Чего я только не принимал: бисептол, неграм, невигамон, фурадонин, 5-нок, цепарин и даже мумиё. Я постоянно пью отвары трав: толокнянку, спорыш, пастушью сумку, полевой хвощ, петрушку, грыжник, можжевельник, с осени мы заготавливаем клюкву и бруснику.

Я бесконечно, мучительно размышлял о медицинской реабилитации, о преодолении рубцовой ткани, образовавшейся в месте травмы спинного мозга. Как соединить разрыв нервной сети? Ведь в теории автоматов уже разрабатываются нервные сети. Я читал, искал, но решения не находил.

Мне как инженеру значительно ближе другая сторона реабилитации спинальников, а именно техническая — создание различных протезов, механизмов и средств, облегчающих приспособление инвалида к окружающей среде, дающих ему относительную свободу. Вот уж где, по-моему, заключены неисчерпаемые возможности.

Главным и самым массовым средством передвижения для инвалидов является кресло на колесах, так называемая инвалидная коляска. Хорошая коляска — это ноги инвалида, на ней он может с удобством работать, бывать на улице и в кино, в театре и в музее. Но для этого она должна иметь небольшие габариты и вес, высокую надежность и проходимость, удобство посадки и эстетический внешний вид.

Сейчас в мире существуют десятки принципиально отличных друг от друга конструкций: комнатные и для улицы, с ручным приводом или двигателем, складные, вмещающиеся в багажник автомобиля, и шагающие по лестнице. Самые простые из них передвигает посторонний человек, самые сложные имеют двигатели и электронную систему управления от голоса или дыхания.

И все-таки до сих пор нет ни одной конструкции, полностью удовлетворяющей инвалидов.

Моя складная коляска днепропетровского завода неоднократно ломалась. Она имела явный конструктивный недостаток. Куйбышевскую комнатную коляску мне трудно передвигать даже по гладкому полу. Я обменял ее у своего сакского товарища на коляску львовского завода. Она значительно лучше — легче в ходу, удобнее для пересадки, но выполнена недоброкачественно, с большим производственным браком. После множества доработок сейчас она меня устраивает.

Коляска рижского завода КК-1 вообще не годится для самостоятельного передвижения. Такая неудачная конструкция могла появиться только по недоразумению.

Внешний вид большинства выпускаемых колясок столь непривлекателен, что сколь угодно самостоятельные инвалиды хотя и с большим трудом, но предпочитают обходиться без них. У тех же, кто вынужден ими пользоваться, они вызывают на людях стыд, а у здоровых людей, наверное, чувство жалости и содрогания.

Существующая рычажная коляска для меня недоступна, так как с тяжелой травмой и при малой силе в нее не забраться и из нее не выбраться — таково уж ее устройство. Глядя на кадры старой кинохроники, нетрудно заметить, что наша теперешняя рычажная коляска почти не отличается от тех, в каких перемещались инвалиды первой империалистической войны.

Инвалиды с нетерпением ждут коляски, отвечающей всем современным требованиям к транспортным средствам. Такие коляски могли бы быть быстро созданы, если использовать опыт создания лучших зарубежных образцов, а проектирование и изготовление сосредоточить в технически передовой отрасли промышленности, например, на заводах автомобильной промышленности. В конце концов, ведь основная масса пополнения инвалидов в последние годы связана с автомобильными катастрофами, поэтому было бы справедливо, если бы заботы по созданию современной инвалидной коляски приняли на себя автомобилестроители.

Если инвалидная коляска — это все равно что ноги для инвалида, то личный автомобиль для него — крылья. С автомобилем жизнь инвалида меняется коренным образом, на второй план отходят физкультура, чтение книг и другие увлечения, но зато появляется новое, вернее, возвращается прежнее чувство свободы. С утра до вечера он несется в железном потоке, всегда среди людей, на вольном просторе. Уже объезжены дороги родной области или края, для лечения в санатории он отправляется на своем «Запорожце» или «Москвиче». Ему доступны будут морские пляжи, где можно загорать под обжигающим солнцем, дышать опьяняющим воздухом.

Поездки эти дают незабываемые впечатления.

Автомобиль, как известно, приносит кроме радостей много забот даже здоровому человеку, а инвалиду тем более. Ручное управление требует особой тренировки, особых навыков, с ним можно справиться, имея крепкие руки и сильные мышцы корпуса тела. Мои товарищи, спинальники, уверенно водят свои машины. Зная свои возможности, они аккуратны и осторожны, поэтому аварии у них случаются реже, чем у здоровых водителей, но они подчеркивают, что ручное управление нужно совершенствовать. И путей тут несколько, например, создание приставки к коробке скоростей с целью ее кнопочного переключения, дублирование управления, чтобы ручной привод не препятствовал обычному управлению машиной здоровым человеком.

По общему мнению, наиболее удобны машины с высоким сиденьем, достаточно мощные и надежные малолитражки типа «Москвич» и «Жигули». Ведь спинальник во время длительных поездок не выходит из машины размяться, следовательно, ему нужно удобное сиденье, которое бы его не стесняло. Поэтому многих не устраивает мотоколяска — в ней трудно разместиться, да и в дальнейшем путешествие в ней не отправишься. Неудобства и длительное пребывание за рулем могут сказаться на здоровье инвалида и в первую очередь привести к образованию пролежней, так что надо быть очень осторожным.

Интересно наблюдать, как существенно владение автомобилем влияет на психику и поведение инвалида. С ним он становится самостоятельнее, увереннее в своих силах и, я бы сказал, жизнерадостнее. С ним он не столь сильно чувствует свою ущербность. А это очень здорово, когда среди тягот и боли появляется просвет, несущий бодрость и радость.

Я внимательно слежу за всеми техническими новинками, которые находят или могли бы найти применение в жизни спинальника. Широкую известность получил разработанный в нашей стране биопротез предплечья. Искусственная биорука пишет, берет предметы, ее «учат» реагировать на механическое усилие и тепло, а управляется она биотоками того человека, которому придана.

Американскими учеными создана система «экзоскелетон». Она предназначена для усиления естественных реакций здорового человека и состоит из 46 шарниров с сервомеханизмами. Будучи надетым, экзоскелетон не стесняет движений и, управляемый биотоками человека, развивает усилия, значительно превышающие естественные.

Если представить себе подобную систему для движения конечностей спинальника, то она займет промежуточное место между биопротезом и экзоскелетом — руки и ноги искусственные спинальнику не нужны, они у него свои, но ему нужен механизм, приводящий их в движение под его контролем. Например, для механизма, переставляющего ноги у спинальника со здоровыми руками, его собственные руки могут служить «задающим» устройством, то есть необходимые биопотенциалы для сервомеханизмов ног могут сниматься с мышц рук.

Сейчас много пишут, что космическая медицина находит применение в лечении спинальных больных. В институте хирургии имени А. В. Вишневского применялись послеполетные профилактические костюмы космонавтов. Они, оказывается, полезны и спинальникам при переходе после длительного лежачего состояния в вертикальное положение. В таком костюме, встав на ноги, спинальник не теряет сознание, как было это когда-то со мной. Бегущую дорожку, которую используют космонавты на орбитальных станциях «Салют», применили для лечения послеоперационных больных с травмой позвоночника в Центральном институте травматологии и ортопедии.

Эти опыты вызывают оптимизм, лишь бы нужная работа не закончилась вместе с защитой очередной диссертации, а нашла широкое применение в клиниках и санаториях.

В наше время появились механизмы совершенно нового типа — манипуляторы, педипуляторы и манипедипуляторы. Эти механизмы имитируют работу рук и ног. Уже осуществляются эксперименты по использованию их для нужд инвалидов. Мы надеемся, что и космические вездеходы для передвижения по другим планетам помогут нам преодолеть лестницу в доме, чтобы выбраться на улицу и ходить по нашей земле.

Порукой этому смелость и энтузиазм ученых и изобретателей, инженеров и самих спинальников в борьбе с тяжелым недугом.

Техника при реабилитации может сделать почти все! Это мое глубокое убеждение. Но для создания такой техники нужны люди, высококвалифицированные специалисты, руководимые крупным ученым и организатором. Без хорошей организации дела не обойтись, так как сложности проблем реабилитации велики и требуют концентрации сил множества специалистов различного профиля.

Да, будущее светло и прекрасно, но как смириться с настоящим? Днем и ночью обдумываю я самые фантастические варианты, мысленно проигрываю все события с момента травмы и до сегодняшнего дня.

После удара головой о дно резанула единственная мысль — нужно барахтаться и не идти ко дну, не захлебнуться, ребята вытащат. И они вытащили и сразу сообщили на катер, чтобы шел на другой берег и вызвал «скорую помощь». Дальше все расплывается... А сегодня в мечтаниях моих события принимают иной оборот.

...Через десять минут в воздухе затрепетал вертолет и, развернувшись, приземлился на берегу. Открылись двери, и санитары вынесли блестящую прозрачную капсулу, открыли ее и осторожно вложили в нее неподвижно лежащего человека. Капсулу тут же герметизировали, внесли в кабину и подключили к системе охлаждения. Через некоторое время пострадавший погрузился в состояние анабиоза.

— Порядок,— сказал врач,— теперь необратимые изменения в спинном мозге приостановлены.

Выслушав сбивчивый и взволнованный рассказ очевидцев происшествия, врач уточнил, сколько времени прошло с момента травмы, и разрешил взлет.

— Всем от винта! — скомандовал пилот. Вертолет оторвался от земли и взял курс на аэропорт. Через несколько часов сверхзвуковой самолет приземлился в столице, капсула с больным была осторожно перегружена в специальную машину и доставлена в Нейрохирургический центр. Там уже знали, что должен поступить очередной нырлящик с травмой спинного мозга, и готовились к его приему. Незамедлительно началось обследование. Капсулу свободно поворачивали, так как человек в ней полностью фиксировался. С помощью интроскопа Ощепкова врачи приступили к обзору шейного отдела спинного мозга.

На экране появилось цветное голографическое изображение пораженного участка тела, одновременно через транслятор шла запись информации в блок памяти ЭВМ.

— Подготовить передатчик,— раздается голос ведущего специалиста.

К капсуле подключают разъем кабеля передатчика. Щелкнул тумблер, и за прозрачными стенками капсулы медленно выдвинулись и прилегли к телу неподвижного человека множество металлических пластин-электродов, тотчас зажглось сигнальное табло: «Контакт установлен».

— Передатчик к работе готов,— сообщает оператор.

— Перейти к прогонке тестов по программе «Шейник», — решает ведущий специалист.

Оператор сел за пульт терминала ЭВМ. С помощью этого устройства он снова связался с вычислительным центром, который принимал, обрабатывал и выдавал информацию для всех клиник города. Набрав на клавишном устройстве шифр программы «Шейник», оператор нажал кнопку «Пуск». Через несколько минут заработало печатающее устройство, и графический построитель стал вычерчивать кривые и изображать на эскизе человеческого тела пораженные участки, где произошли патологические изменения. Ведущий специалист углубился в изучение полученной информации, просмотрел диагноз, установленный ЭВМ, и предлагаемый ею метод лечения.

— Позвонки сдвинуты, спинной мозг пережат, ликвор не проходит, кровеносные сосуды разможены, и образовалась гематома. Верхний парализ и нижняя параплегия,— подводит он итоги обследования.

— Похоже, без операции не обойтись. После доклада у профессора и просмотра фрагментов видеозаписи было принято решение создать физическую модель пораженного участка позвоночника и спинного мозга и отретипировать на ней шаг за шагом весь ход операции. Через сутки была готова модель сходство которой с местом травмы спинного мозга обследовала и подтвердила ЭВМ.

Несколько часов профессор на модели отработывал оптимальный вариант оперативного вмешательства, пока не был найден единственный путь, ведущий к успеху. Только после этого была назначена операция, но нужно еще получить на это согласие пострадавшего.

— Больного в барокамеру гипербарической оксигенации, — сказал профессор.— Приготовить все к операции.

Капсулу перевезли в гигантский стальной цилиндр, задраили двери, после чего компрессоры стали закачивать в камеру кислород. Наступил решающий момент. В капсуле начали медленно повышать температуру. Все ждали. Наконец дрогнули веки, человек открыл глаза и через некоторое время прошептал еле слышно:

— Где я, что со мной?

Последовал ответ:

— Ты в Нейрохирургическом центре, у тебя тяжелая травма спинного мозга. Необходима срочная операция, иначе ты останешься инвалидом на всю жизнь. Твои родные согласны, дело только за тобой, решайся.

Больной помолчал, казалось, он не понял, о чем идет речь, потом вдруг встрепенулся:

— А каковы мои шансы после операции?

— Девяносто пять из ста.

— Тогда приступайте.

Быстро, за несколько минут, подготовили операционное поле, анестезиолог дал местный наркоз, и профессор приступил к делу. С помощью интроскопа он видел все детали сломанного позвоночника и сдавленного мозга.

— Начать вытяжение! — голос профессора стал напряженным.

Позвоночный столб натянулся от прикладываемой к нему нагрузки, позвонки чуть-чуть переместились, но на экране было видно, что спинной мозг не освободился. Профессор взял особый инструмент, похожий на клешни причудливого членистоногого, и стал медленно вводить его блестящие шипы в мягкие ткани шеи, непрерывно контролируя положение шипов относительно крупных кровеносных сосудов. Захватив позвонок, он ввел шипы другого инструмента и зажал ими второй, соседний, сдвинувшийся при ударе головой о дно. Взявшись своими сильными руками за обе клешни, профессор медленно и верно стал устанавливать позвонки в их естественное положение. Спинной мозг освободился от сжатия, и последовала новая команда:

— Ввести ферромагнитную жидкость в спинномозговой канал.

Ферромагнитная жидкость представляла собой лекарство, содержащее невидимые глазу мельчайшие частицы ферромагнетика.

Введенная в канал, эта жидкость перемещалась по нему под действием постоянного магнита, находящегося снаружи тела больного, и таким образом лекарство доставлялось и удерживалось в месте недавнего сдавления спинного мозга. Под действием внутреннего давления ферромагнитной жидкости оболочка канала распрямилась и вышла из опасной зоны защемления.

Профессор отпустил клешни и облегченно вздохнул. Осталось отсосать гематому и подвести через пустотелые шипы свежую, обогащенную кислородом кровь для питания спинного мозга. Наконец и эта тончайшая, ювелирная работа закончена. Профессор вытер пот со лба:

— Все, отдыхай до завтра. Через два часа,— обратился он к ведущему специалисту, — повторите программу «Шейник» и доложите мне о результатах. Больного на месяц оставить в барокамере, питание кислородом спинного мозга прежде всего.

Потянулось улиткой послеоперационное время.

И вот настал тот день, когда люк шлюза барокамеры снова открылся и появился профессор в сопровождении ведущего специалиста и многих других людей.

— Ну, здравствуй, Борис,— сказал профессор,— а ты ничего, порозовел. Кажется, дела твои поправляются.

Ведущий специалист откинул одеяло:

— Попробуй пошевелить пальцами, затем согни ноги.

Воцарилась тишина, все окружили больного и, затаив дыхание, неотрывно смотрели на его неподвижные ноги. И произошло чудо — зашевелились пальцы, задвигались стопы, медленно согнулись и поднялись вверх ноги.

— Ну вот, видишь, как все здорово у тебя получается,— сказал профессор,— А ну, попытайся свернуть фигу!

Увидев две здоровенные фиги, профессор счастливо рассмеялся:

— Ай да молодец, и руки работают.

И вот тут, освобождаясь от напряжения, захохотали все, и казалось, что камера вот-вот лопнет от распирающего ее смеха...

Господи, если б так было!

Свершение надежд, благополучие и счастье каждого отдельного человека, успехи медицины и, в частности, медицинской реабилитации инвалидов самым тесным образом связаны с прогрессом всего общества и судьбами мира на нашей планете. Поэтому хочется, чтобы скорее наступило время без войн, без гонки вооружений. Такие бы усилия и средства, какие сейчас расходуются на вооружение, да во благо человека, а не для его уничтожения!

Глава VIII СНИЗУ ВВЕРХ

Пристально и подолгу рассматриваю я картины великого Питера Брейгеля «Нищие» и «Слепые». На них, как живые, запечатлены инвалиды далекого прошлого. Среди множества калек на этих замечательных полотнах только один человек выглядит более или менее здоровым.

Обмотанные тряпками культы, пустые глазницы, поднятые к небу, искаженные лица — все это правдиво и сурово передано рукою гениального мастера. Эти калеки, отмеченные и обделенные судьбой, отверженные от всего мира, объединены физическими недостатками и взаимовыручкой.

Вот они бредут со стонами и проклятьями, а может быть, и с солеными шутками. Ведь как человеку трудно ни бывает, а выручает подчас веселое словцо, вызывающее улыбку или смех. И пусть часто этот смех имеет привкус горечи, все равно он помогает хотя бы на время принять жизнь такой, как она есть.

Веселой минутой жив человек! И в средние века бывало:

На мосту плясали,
Всю ночь проплясали
Палачи и старухи,
Висельники и шлюхи,
Сифилитики, паралитики,
Воры, синие от сивухи...

В те далекие времена и много после инвалиды находились на самом дне общества.

В животном мире длительное существование больных и искалеченных особей, как известно, невозможно. Естественный отбор быстро приводит их к гибели.

Нищенское существование и быстрая смерть были уделом инвалида на протяжении многих веков истории человечества.

Сейчас мир изменился до неузнаваемости. Каково же положение инвалидов в современном обществе? Меня этот вопрос живо интересует с одной целью: хорошо бы собрать воедино весь положительный опыт социальной реабилитации, накопленный в нашей стране и за

рубежом, способствовать его распространению, чтобы он коснулся все большего и большего числа инвалидов, принес им пользу.

Так как у меня травма спинного мозга, то заботы и проблемы спинальников мне ближе и больше всего известны. Поэтому в дальнейшем о них и речь.

Значительные средства затрачиваются в нашей стране на строительство лечебных учреждений, на социальное обеспечение. Материально инвалиды стали жить гораздо лучше.

Но так уж устроен человек, что среди жизненно важных его проблем есть еще одна: любой спинальник ищет пути, как стать полноценным и полезным членом общества, бывать среди людей, а не прозябать в четырех стенах своей комнаты, трудиться и общаться в коллективе, заниматься физкультурой не только дома, но и участвовать в спортивных, состязаниях с себе подобными или в совместных спортивных играх со здоровыми людьми.

Нас так же, как и здоровых людей, интересуют концерты и диспуты, выставки и музеи, туризм и даже мода. Как же все это увидеть, как во всем этом участвовать? Слышу голоса скептиков:

— Для этого нужно преодолеть разобщенность, громадные физические и экономические трудности и вдобавок не менее сложные психологические преграды. Нужно ли это? Может, довольствоваться тем, что уже есть?

— Это необходимо,— говорят инвалиды и медики, те, кто понимает колоссальное значение возвращения множества людей к нормальной и полезной для общества жизни.

И многое здесь зависит от самого человека.

Да, чтобы добиться социальной реабилитации, спинальник в первую очередь должен сам страстно желать этого, проявить волю и настойчивость, высокие личные качества и мотивы. Ему придется преодолеть комплекс неполноценности и естественную стеснительность, запастись терпением и терпимостью, иначе нервная система не выдержит перегрузок.

Положение инвалида подчас сходно с положением ребенка. Ему некоторые добренькие люди не отказывают в различных обещаниях и посулах и так же часто не выполняют обещанное. Надо и к этому привыкнуть, глубоко понимать не только себя, но и психологию окружающих.

Ко многому я привыкал, но только не к одному — только не к бездействию. Оказавшись в доме без лифта, в замкнутом пространстве своей квартиры, я сразу стал разрабатывать планы «побега» из нее.

«Даже из специально охраняемых тюрем, — соображал я, — свободолюбивые люди выбираются, неужели же я не смогу спуститься и подняться на второй этаж?» Конечно, вся надежда на помощь друзей, но нужен реально выполнимый проект «побега». Его я продумывал день за днем, год за годом.

Сделать лифт с выездом с балкона, как у Эдика Аракеляна? Нет, у него балкон выходит во двор, а у меня на улицу, висит прямо над тротуаром. Этот вариант отпадает, так как нельзя ставить под угрозу жизнь других людей.

Я вспомнил один английский фильм, где показан адвокат, которому трудно передвигаться. Активный человек ведет дела и с одного этажа на другой ездит в кресле, движущемся по направляющим, прикрепленным к перилам лестницы. Вот бы и мне так! Но у того адвоката лестница находилась внутри собственной квартиры, а общую лестницу в доме нельзя загромождать, ею пользуется множество людей. Значит, и этот вариант не годится.

Я и мои друзья стали искать описания устройства для езды по лестнице. Ни одна заметка в журнале, ни одна статья в газете не прошла мимо нас. В результате мы нашли целый ряд конструкций колясок для езды по лестнице.

Вот вездеход немецкой фирмы «Мейра». Он передвигается по лестнице и горизонтальным площадкам, разворачивается на пяточке в 110 сантиметров. Но это самостоятельная машина с тремя электродвигателями, весом 86 килограммов. Такую машину нельзя сделать кустарно. Да и где ее хранить? Другие специальные коляски попроще, но возникают те же возражения, кроме того, некоторые из них еще требуют значительных усилий от самого инвалида или сопровождающего его человека. Положение порою казалось безвыходным. Я перебирал и

рисовал варианты с установкой направляющих, по которым будет двигаться подъемник, сбоку — на стене лестницы, сверху — на потолочном параллельном марше. Может, в кухне вместо выходящего во двор окна прорубить дверь и опять же вернуться к лифту? Все сложно. А нельзя ли что-то попроще?

Надо спускаться на той же коляске, в которой я езжу по комнате. Но как? Положим на ступени лестницы две доски, и будет скат. Но коляска на трех колесах, по чему же пойдет третье колесо? Да и голова сильно запрокинется, если спускаться спиной под уклон.

И тут пришла в голову спасительная идея: к раме нужно крепить съемную подставку с двумя рояльными колесами, приподнимающую заднее колесо коляски. Коляска поедет по двум доскам, сидеть я буду в естественном положении, не запрокидываясь, станет легко маневрировать на узкой промежуточной площадке между первым и вторым этажами. Тянуть коляску, конечно, положено лебедке с тросом..? Так все это представлялось в воображении. Но ведь ничего этого не было в действительности.

За дело взялись конструкторы Венциан Межебовский, Борис Лебедев, Валентин Макаров и Евгений Тентлер. Друзья ездили в различные организации, доставали нужные детали, разрабатывали и вычерчивали устройство. Когда они приезжали ко мне и начинали все примерять на лестнице, громко споря между собой, то в дверях появлялись встревоженные лица соседей: что тут затевается? Но, узнав о нашем проекте, они встречали его с большим пониманием и сочувствием.

Много вечеров затратили мои друзья, пока наконец Борис Лебедев, сев в коляску, первым спустился по лестнице нашего дома. Первый спуск и подъем мы отметили бутылкой «Шампанского».

Так я оказался на улице, среди людей. Сколько я встретил старых знакомых, сколько появилось новых! Трудно описать все пережитые мною чувства, да и не в этом суть. А суть в том, что нужно страстно желать и искать контакта с людьми, преодолеть все трудности на пути к нему.

Вот мы и подошли ко второму условию, без которого невозможна социальная реабилитация, а именно: устремления инвалида должны поддержать родные, друзья, все общество, окружающее его. Без своих друзей я бы и по сей день не смог осуществить «побег» на улицу. Имея за спиной преданных близких родственников и многочисленных друзей, я кое-чего добился. Но было бы кощунством ставить эти достижения в пример множеству спинальников, живущих в неизмеримо худших условиях, чем я.

Тем, кто находится в домах инвалидов, кто живет в одиночку и всеми силами старается не очутиться в доме инвалидов, перед которым у него инстинктивный страх, тем, кто живет на попечении престарелой матери, уже тоже больной и нуждающейся в помощи,— всем им необходима специальная помощь общества.

Помню один из вечеров в санатории «Латвия» в Кемери. Осень выдалась тогда чудесная. Щедро одарила она яркими красками деревья и кусты кемерийского парка. Пунцовые гроздья рябины выделяются на желтом фоне увядающих берез.

Мы сидим на своих колясках рядом со скамейкой, расположенной под Ветвями ивы. На скамейке устроилась Лина, слева от нее расположился Геннадий. Он приехал в санаторий из Кронштадта. В прошлом моряк, с бородой и усами, он и сейчас выглядит эдаким морским волком.

Колесо к колесу подъехал к Геннадию смуглый седой мужчина, Айтбай Мусаевич Бекиметов. В Каракалпакии, где он живет, его с гордостью называют «наш Островский».

Во время наводнения разбушевавшаяся Амударья прорвала дамбу и затопила поля. Стремительная волна сбросила с коней и разметала по степи возвращающихся домой трех всадников. Один сразу погиб, двое других добрались до одинокого дерева. Молодой Айтбай был сильнее своего товарища, много часов он простоял по пояс в воде, держа на плечах ослабевшего пожилого человека — дерево не могло выдержать сразу двоих.

Только через трое суток люди отыскивали в степи бедствующих путников. У Айтбая от долгого пребывания в воде распухли ноги, а затем от переохлаждения нарушилась

проводимость спинного мозга, и ноги полностью парализовало. С тех пор минуло почти двадцать лет. За это время Айтбай Мусаевич Бекимбетов написал несколько романов, одиннадцать повестей и множество рассказов, стал признанным писателем.

Рядом со мной сидит москвичка Нина. Ее парализовало в детстве, когда ей было всего двенадцать. Сначала она училась, заканчивала школу, потом начала работать в инвалидной артели. В этом году после долгих хлопот производство выделило ей путевку, и она впервые вдруг очутилась в огромном и прекрасном мире.

Ее неудержимо тянет к природе, к неизведанным ранее впечатлениям. Глаза ее всегда широко и удивленно раскрыты, словно собираются выпорхнуть наружу коричневыми бабочками. Нина исколесила все парковые дорожки, с помощью своей сестры добралась на коляске до взморья, а на такой дальний путь редко кто решается. Были у нее разные встречи, в основном приятные, но последняя ее жестоко поразила.

— Понимаете,— рассказывает она, — еду я по улице, а навстречу какой-то молодой человек с двумя девицами, порядком раскрашенными. Он вдруг делает широкий жест в мою сторону и, точно сплевывая, цедит: «И зачем они тут только ездят? Сидели бы у своего санатория». Сначала я и не поняла, что это он обо мне говорит, а когда опомнилась, они уже были далеко.

— Дал бы я такому гаду по морде,— говорит Гена. Лицо его краснеет от гнева, руки напряжиниваются мускулами.

«Да,— думаю я,— Гена вполне мог бы тому подонку съездить по морде, если бы дотянулся».

— Ну, это, Нина, редчайший случай, не огорчайся, — успокаиваю я обиженную девушку. — Кругом много хороших и отзывчивых людей, и на улице, и в нашем санатории.

— Ложка дегтя портит бочку меда, — не успокаивается Гена, — кроме хороших и плохих, еще достаточно и равнодушных вокруг. Когда я вижу кругом проклятые ступени перед кафе, магазином или почтой, я их рассматриваю с обидой, как будто они специально сделаны, чтобы не допустить меня внутрь здания. Умом понимаю, что это не так, просто о нас не подумали, а чувствую к этим ступеням неприязнь.

— Да, а почему спинальников не пускают в клуб санатория и в кинотеатр?— спрашивает Нина, и глаза ее еще шире раскрываются.

Я этим тоже интересовался, даже говорил с главврачом.

— Главврач как-то невнятно ссыпалась на требования противопожарной безопасности, — говорю я.

— Так кто же не сумеет спастись во время пожара, — напирает на меня Геннадий, — мы, на колясках, или здоровые люди? Ведь в холле, где нам в десятый раз показывают «Приключения Шурика», яблоку негде упасть, вот уж где и речи не может быть о противопожарной безопасности.

— Все это лень и равнодушие, — вмешивается в разговор Лина, — от нежелания организовать все как следует. Вполне можно убрать в кинозале, который редко и наполовину заполняется, несколько кресел, и. освободилось бы место для четырех-шести колясок. За несколько сеансов, глядишь, все желающие посмотрели бы то, что они хотят.

— Здоровые люди не привыкли нас видеть в своем обществе, — говорит Айтбай Мусаевич, — им кажется, что наше место в больнице. Если перед отарой где-нибудь высоко в горах появится верблюд, то он вызовет всеобщее любопытство и удивление у овец, собак и чабанов, — так и мы.

— Ну, а если верблюд станет ходить за отарой день за днем, тогда как? — спрашиваю я.

— Тогда через некоторое время к нему привыкнут и даже удивятся, если он исчезнет, — говорит Айтбай Мусаевич.

— Смотрите, смотрите! — вдруг кричит Лина и запрокидывает голову.

Мы все смотрим вверх. С громким курлыканьем над нами летят журавли. Один, второй, третий клин, устремленные острыми углами на юг. Вмиг забыты все огорчения и разговоры,

счастливые глаза прикованы к голубому осеннему небу, к птицам, от одного появления которых все оживает в душе и звенит радостью...

В Кемери я близко познакомился с заведующей спинальным отделением санатория Зентой Эдуардовной Неймане. Человек широкого кругозора, она сторонник комплексной реабилитации спинальных больных. Незадолго до этого она вернулась из зарубежной командировки, где продолжительное время подробно знакомилась со спинальными реабилитационными центрами.

Мы сидим у нее в кабинете, рассматриваем фотографии и проспекты.

— Справа на этом снимке виден восьмиэтажный корпус для одиноких инвалидов, — показывает Зента Эдуардовна Па современное здание, расположенное в живописном месте. — Рядом дом для семейных инвалидов, все квартиры его полностью приспособлены к их нуждам: свободные проезды в лоджии и в бытовые помещения, лифт, наклонные выезды на улицу. В центре — одноэтажное здание, где расположены производственные мастерские, здесь находятся специальные полуавтоматические станки, на которых работают инвалиды, даже шейники. Кроме этого, имеется спортзал и помещение для культурных развлечений. И, наконец, слева — лечебный корпус, где инвалиды проходят время от времени необходимый курс лечения. Имеются также гаражи для личных машин.

— Здорово, — не удерживаюсь я от восхищения. — А где же все это расположено?

— На севере Чехии, вдали от больших городов, — продолжает Зента Эдуардовна, — местность очень красивая.

— Для инвалидов лучше не придумаешь, — говорит Лина, — а как же устраиваются с работой члены их семей, где учатся дети?

— Часть родственников работает в качестве обслуживающего и медицинского персонала, другие ездят в соседний городок.

— Найдется масса желающих жить и работать в таком месте, — говорю я, — но подобные комплексы нужны и внутри больших городов. Здесь и здоровым членом семьи проще устроиться.

— Именно так и рассудили в республиканском Министерстве социального обеспечения Латвии. По нашей инициативе и просьбе спинальников в одном из районов Риги будет строиться похожий микрорайон для инвалидов, — заключает свой рассказ Зента Эдуардовна.

Мы ушли от Неймане и долго возбужденно обсуждали увиденное и услышанное. Как хорошо было бы жить в квартире, приспособленной к передвигающемуся на коляске человеку! Я вначале не мог на коляске въехать в ванную комнату, в кухню, на балкон, многое пришлось переоборудовать и переделать, пока открылся доступ всюду. Конечно, можно представить себе такие отдельные квартиры в обычном, типовом жилом здании, но экономичнее строить специальные дома, где жили бы инвалиды и их семьи. В нижних этажах располагались бы магазины и бытовые мастерские, рядом — гаражи. Самое же главное, собрав вместе инвалидов, проще организовать их труд. У кого-то могут возникнуть сомнения: в состоянии ли люди с парализованными ногами заниматься напряженной производственной деятельностью?

Жизнь уже дала на это утвердительный ответ. Так, в Саках имеется специализированный цех, где спинальники работают штамповщиками. На фотографиях, показанных З. Э. Неймане, инвалиды работают на малых по габаритам металлообрабатывающих станках, причем станки эти удобно расположены.

В Японии имеется несколько фабрик, на которых работают спинальники. В США инвалид от рождения Генри Вискарди в 1952 году основал мастерскую, в которой инвалиды работали со сложными электронными устройствами, осуществляли банковские и конторские операции, выполняли исключительную по красоте гравировку на стекле.

«Стоимость тех ценностей, — пишет Вискарди, — которые они вернули обществу, составит за 20 лет 112 миллионов долларов. Чувство же собственного достоинства и личного счастья, которое обрели эти люди в процессе труда, отказавшись от положения иждивенцев, не поддается никаким подсчетам».

Таким образом, несмотря на все свои физические недостатки, инвалиды могут стать полезными обществу, а не его бременем, только требуются большая организаторская работа и средства, которые впоследствии окупятся.

Общее место жительства для спинальников, а именно микрорайоны, реабилитационные центры, не только не изолировало бы их от здоровых людей, но и создало бы реальные условия для их сплочения.

Объединения на основе физических недостатков, такие, как Всероссийское общество слепых и Всероссийское общество глухих, показали свою жизненность и полезность.

Именно таким путем, на мой взгляд, должна быть решена проблема преодоления разобщенности и самой многочисленной группы инвалидов — спинальников, привлечения их к активной общественной жизни.

Общество спинальников помогло бы каждому новому его члену выбрать подходящую профессию, сообщало бы информацию о различных устройствах и приспособлениях, необходимых ему в быту, консультировало бы в сложных юридических вопросах, разъясняя права и льготы, предоставленные законом. Сейчас на это тратятся многие годы познания, каждый проходит весь путь заново, в одиночку, подчас не воспользовавшись опытом других. Общество значительно ускорило бы процесс адаптации и социальной реабилитации спинальников.

Социальная реабилитация инвалидов многогранна, она включает сложные медицинские, юридические, экономические и технические вопросы. Осуществление ее возможно при привлечении к ней внимания общественных и государственных деятелей и организаций. Повседневная жизнь богата большими и малыми событиями, динамична и чрезвычайно интересна. Каждый из нас, инвалидов, стремится принять в ней всестороннее и деятельное участие.

Возвращаюсь мысленно к картинам великого Брейгеля, и передо мной встает тот длинный, нелегкий путь снизу вверх, пройденный инвалидами к своему идеалу. Этот идеал прост и сложен одновременно — жизнь и деятельность обыкновенного здорового человека. С помощью общества инвалиды многого достигли, но усложняется и идеал, так как жизнь обыкновенного человека теперь иная, она содержательнее и мобильнее.

Не видно конца нашему пути, впереди еще самые крутые подъемы. Как бы хотелось, чтобы нашелся современный Брейгель и без прикрас, правдиво и мастерски создал полотно, изображающее инвалидов сегодняшнего дня. Тогда через каких-нибудь сто лет человек будущего общества, перенесший травму, с любопытством и благодарностью рассматривал бы на нем людей, близких ему по пережитым страданиям, проложившим ему ступени к идеалу.

Глава IX МОИ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ

К тому, чем обладаешь, что имеешь постоянно, невольно привыкаешь, перестаешь замечать красоту, не ощущаешь радости обладания. Привыкаешь к тому, что у тебя есть семья, жена, дети, не ценишь, что есть работа и возможность учиться, редко удивляешься поразительной красоте и гармонии природы, всего живого мира.

Но вот когда утрачиваешь что-либо, теряешь способности, тогда прозреваешь, понимаешь и кричишь: «Счастье, куда ты девалось? Вернись!» Мудра пословица «Что имеем, не храним, потерявши — плачем».

Невозможность передвигаться и как следствие этого утрата свободы заново открыли для меня мир движения. Я с глубоким переживанием слежу за полетом птиц — мощным, замедленным у чаек, стремительными зигзагами и планированием ласточек, скак-поскоком и вспархиванием шустрых воробьев.

Медленно пробирается в траве кузнечик, и вдруг — скачок! Уж, греющийся на солнце, при приближении моей коляски, извиваясь, уполз в кусты, шестиногая муха, присев, чистит передние лапки, потом, наклонившись, задние и крылышки. А восьминогий паук меж тем плетет для нее свою паутину... Сколько различных способов и органов передвижения, сколь они совершенны и приспособлены к характеру жизни. Какое наслаждение наблюдать за стремительным движением дельфина на поверхности воды, за различным ходом коня: рысью, галопом, иноходью.

Но, конечно, больше всего меня интересует разнообразие движений человека: бег, прыжки и, главное, ходьба. Ведь на двух ногах, казалось бы, человек должен быть весьма неустойчив, но обучение, тренировки делают его устойчивым даже при больших отклонениях, ударах и помехах. Глядя на горнолыжника, боксера, хоккеиста, понимаешь, что ноги — чудо: чудо-амортизатор, изумительный орган опоры и передвижения. А когда видишь пляску, балетный танец, фигурное катание, упражнение гимнастки на бревне или ковре, особенно остро осознаешь, как прекрасен мир движений, как много ты потерял безвозвратно.

Я много размышлял о машине для ходьбы — специальном устройстве, надеваемом на парализованного человека и дающем ему возможность ходить по квартире, по лестнице и улице. Однако в одиночку такое не спроектируешь и с товарищами не изобразишь. Ведь надо изучить кинематику и физиологию ходьбы, походку, в которой участвуют сотни мышц, неисчислимое количество нервных датчиков и путей, зрение, вестибулярный аппарат и, главное, мозг — эту пока мало изученную идеальную систему управления.

Весь этот комплекс обеспечивает устойчивость, точность, надежность и быстродействие при ходьбе. Может ли все эти функции взять на себя машина для ходьбы? И какого она тогда будет веса? Какова будет ее автономность? А внешний вид? Всюду я искал ответа на эти и еще многие вопросы, интересуясь кибернетикой и робототехникой.

Только в последние годы стали появляться монографии и статьи на эту тему. Созданные машины для ходьбы именуется шагающими роботами, антропоморфными механизмами, а те, что непосредственно для парализованных, — активными экзоскелетонами, активными ортезами. Первые такие исследования и конструкции появились в Белграде в институте автоматизации и телесвязи имени М. Пунина. Созданный там шагающий аппарат за несколько минут надевается на человека с парализованными ногами. Внешне он похож на обычные фиксирующие аппараты, соединенные с корсетом и ботинками, какие изготавливаются и нашими протезными предприятиями. Но в шагающем аппарате движение в тазобедренных и коленных шарнирах, выполняющих роль суставов, осуществляется двигателями — пневматическими, гидравлическими или электрическими. Эти двигатели закреплены на самом надеваемом аппарате и управляются (включаются) программой, выполняемой ЭВМ или микропроцессором. Отклонение корпуса человека при ходьбе, положение шарниров и стоп фиксируют чуткие специальные датчики.

При нормальной и безопасной ходьбе осуществляется жесткая программа ходьбы, то есть перемещения ног. При опасных отклонениях вступают в действие обратные связи,

происходит смена программы, тело человека приводится в устойчивое положение, и затем снова включается жесткая программа нормальной ходьбы или спуска (подъема) по лестнице.

Таким образом, потребовалась огромная работа по созданию искусственных суставов-шарниров, легких надежных двигателей, источников энергии и датчиков, разработаны принципы управления, алгоритмы программ и электронная аппаратура.

Сделаны первые шаги в активном экзоскелетоне в Югославии и в активных ортезах во Франции. Аппараты пока не вышли из стадии лабораторных исследований. Устойчивость человека все еще требует использования костылей или палочек — нужна еще страховка, не все пока можно возложить на ЭВМ. Источник питания и электронную аппаратуру несет не сам инвалид, а сопровождающий его.

И все-таки, я уверен, рано или поздно человек с парализованными ногами будет ходить! Пусть, пока медицина бессильна, это будет искусственная ходьба. Но с помощью техники и кибернетики человек обретет свободу!

Хорошо помечтать, но вернемся к действительности.

Когда появился журнальный вариант этого очерка, я получил десятки писем с единственным вопросом: «Как устроен ваш спуск по лестнице? Пришлите, пожалуйста, чертеж, чтобы я мог сделать такой же у себя. Много лет я не могу преодолеть ступени и вынужден все время проводить в четырех стенах своей квартиры».

Всем товарищам были посланы эскизы и описание спуска, которым я пользуюсь. Это сооружение работает надежно, безотказно, и, однако, я не уверен, что мои корреспонденты решили свои проблемы и теперь регулярно выезжают на улицу. Почему же такие сомнения? Да потому, что от идеи до ее реализации — дистанция огромного размера. Я поделился идеей, конструкцией спуска, но кто же воплотит ее? Есть ли такая организация, куда бы мог обратиться человек с просьбой: вот чертежи — сделайте мне спуск по лестнице? Нет, у нас нет такой организации, ни одно протезное предприятие или предприятие системы бытового обслуживания не делает даже за плату подобных приспособлений для инвалидов и, естественно, не разрабатывает их конструкций.

Даже на те изделия, что выпускает протезная промышленность, нет каталогов, и то, что изготавливают в одних районах страны, нельзя приобрести в других местах. Несмотря на это, я попытаюсь здесь описать и показать свои приспособления. Все идеи и конструкции их принадлежат моим друзьям и мне, изготовлены же они моими друзьями и шефами с завода «Большевик».

Какой же смысл в таком описании, причем именно своих приспособлений? Ведь, с одной стороны, я знаю множество других зарубежных или наших самодельных конструкций, а с другой — сколько ни описывай — делать их некому. Все это так, но мне удалось их занять — может, и другому посчастливится. Кроме того, многие годы моя голова непрерывно была занята раз-работкой этих устройств, обсуждением их с моими товарищами и оценкой множества различных вариантов, из которых выкристаллизовался один, наилучший для наших условий.

Проектирование подобных устройств весьма интересно, и существует большое число еще не решенных проблем. Сами нуждающиеся люди, имеющие склонность к конструированию, могли бы приложить свои силы на этом поприще, что наполнило бы их дни новым содержанием. А может быть, прочтя эти строки, увлекутся идеями конструирования приспособлений для инвалидов юные техники из кружков технического творчества и зрелые рационализаторы и изобретатели. Создали же английские школьники оригинальный автомобиль для перевозки людей, сидящих на колясках. Теперь этот автомобиль принят к изготовлению и распространению в странах Европейского экономического сообщества.

Наконец, есть мечта и хоть слабая, но надежда, что научно-исследовательские институты протезирования и протезная промышленность помогут своей мощью нам в столь необходимых изделиях, узнают из этих строк о нашей нужде, обратят на нас свои взоры и усилия и, в конечном счете, сделают то, что они должны сделать. Пора, время для этого давно пришло.

Все приспособления, технические системы, машины и устройства для инвалидов по движению выполняют три важнейшие функции: социальную, медицинскую (лечебную) и компенсирующую функцию — перемещения, усиления возможностей самого инвалида и ухода за ним. Социальная значимость технических средств в том, что они дают свободу человеку или увеличивают ее степень — свободу общения, свободу передвижения, свободу выбора занятий, свободу пользоваться всеми благами культуры и цивилизации. Для этого нам необходимо оборудовать рабочее место, обеспечить спуск и подъем по лестнице, предоставить автомобили, электро- и мотоколяски с ручным управлением, приспособления для игр и спортивных состязаний.

Технические средства для улучшения здоровья, для медицинской реабилитации — это протезы, фиксирующие и лечебные аппараты, приспособления для лечебной физкультуры и личной гигиены. Я уже писал о той большой пользе, которую дали мне занятия в брусках, на специальном велосипеде.

И, наконец, подъемники. Не представляю свою жизнь без подъемника в ванной. Еще один подъемник, пневматический, дал мне возможность заниматься физкультурой на матах на полу, а с помощью рычажного приспособления значительно легче пересаживаться с коляски на кровать.

Спуск по лестнице

Сегодня хороший солнечный день, лето кончается. К тому же суббота, и все мои помощники дома. За мной, мой читатель, сейчас я покажу, как преодолеваются ступени лестницы.

Коляска, в которой я съезжаю по лестнице, самая обычная, на трех колесах. У нее был недостаток: подножка располагалась близко к полу и выступала несколько впереди колес. При любом препятствии или подъеме подножка упиралась в него, и движение прекращалось. Поэтому пришлось сделать подножку регулируемой по высоте на 100 мм.

Когда я сижу в коляске, в подлокотники продевают стропы и надевают наколенник. Уже на лестничной площадке к задней части рамы коляски прикрепляется съемная подставка с двумя поворотными колесами. При этом я несколько «пикирую» вперед, но от сползания с сиденья удерживает наколенник. Нажатием на спинку можно перевести коляску в положение «кабрирования», т. е. опоры на три поворотных колеса. При этом появляется возможность движения в любом направлении, что весьма существенно в узких местах, к тому же подножка поднимается, что необходимо для заезда на скат переходной лестничной площадки. Однако положение «кабрирования» малоустойчиво, требуется подстраховка, поэтому после маневрирования переводим коляску в положение «пикирования».

На лестничный марш укладываются доски откидного трапа, стороны соединяются с траверсой, которая крепится к тросу лебедки. В стены лестничной клетки ввинчены особые шурупы с проушинами, к ним через карабины по ходу движения подсоединяются блоки. Блоки нанизаны заранее на трос.

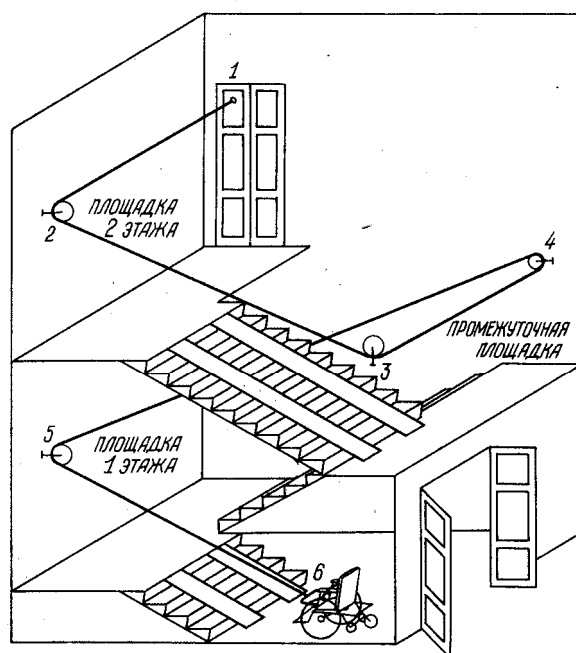

Рис. 1. Трасса троса (1, 2, 3, 4, 5, 6).
На лестничные марши положены доски откидного трапа.

Итак, поехали. Страхующий сзади катит коляску задним ходом под уклон марша, трос натягивается, нажимаю кнопку движения вниз, включился мотор лебедки, и через одну минуту я уже на промежуточной лестничной площадке. Травим трос и подсоединяем к шурупам в стенах еще два блока, разворачиваемся и едем по второму маршу.

Прибыли на площадку первого этажа, осталось всего пять ступенек, но не хватает длины троса лебедки, приходится через карабин нарастить удлинитель и подсоединить последний, четвертый, блок. Теперь съезжаем по последнему маршу. Вот он, наш двор!

Спуск со второго этажа занимает пятнадцать минут. Замечу, что переходная площадка столь узка для проезда (120 см), что приходится использовать алюминиевую наклонную вставку для въезда на скат. Если бы доски трапа были длиннее, это затруднило бы маневр коляски при обратном подъеме. Сейчас же на промежуточной площадке коляска вначале устанавливается по курсу последнего трапа, и потом под передние колеса вдвигается вставка — можно подниматься по последнему маршу.

При подъеме спинка коляски несколько откидывается назад, при этом подножка поднимается, и возможен заезд на скат, так же, как и из положения «кабрирования».

Важнейшим звеном спуска является лебедка с тросом и электродвигателем постоянного тока БЛ56. Она крепится на внутренней стороне входной двери. Для того чтобы электропитание осуществлялось от обычной сети (~ 220 В), спроектирован специальный блок преобразования напряжения. Переносный пульт управления крепится на конце длинного кабеля, так что включение лебедки я могу производить сам в любом месте лестницы. До того, как была установлена электрическая лебедка для спуска, использовалась ручная рычажная. При четырехколесной коляске можно, по-видимому, обойтись без съемной подставки, хотя положение на наклонном марше для сидящего в коляске станет менее удобным, более запрокинутым.

Подъемник в ванной

Одним из самых больших наслаждений всегда было для меня плавание и купание. Я не пропускал ни одно озеро, ни одну речку, не окунувшись в них, а купание в море не могу сравнить ни с чем — это праздник. Все ушло в прошлое, в воспоминания.

Однако купание в море — роскошь, в ванне — необходимость. Но как трудно забраться в ванну и выбраться из нее! В больницах, в санаториях, реабилитационных центрах — нигде никакой механизации, санитарки — женщины, обреченные на непосильные тяжести. Дома в тесной ванной с большим трудом, с риском поломать тебе ноги тебя сажают, а потом вытаскивают после купания. Мои товарищи сделали подъемник в ванной, и каждый раз, когда без особого труда и помех погружаюсь в чистую теплую воду, я восклицаю: «Спасибо, братцы! Как хорошо!»

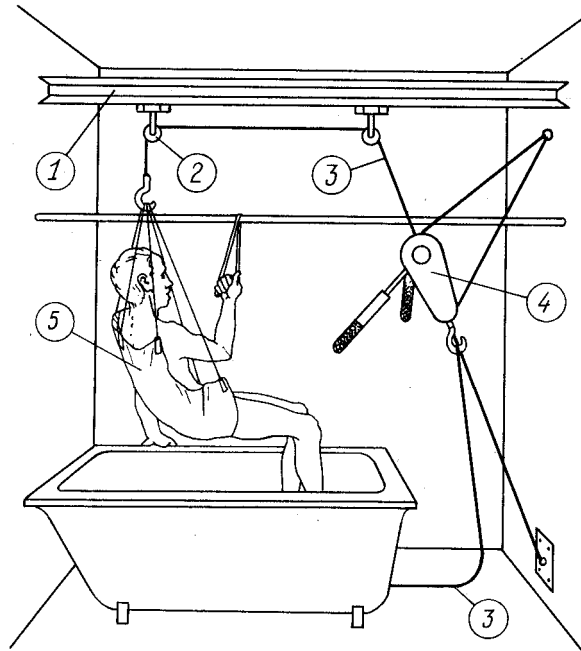

Рис. 2. Подъемник в ванной комнате:
1 — балка (двутавровая); 2 — блок; 3 — трос; 4 — лебедка с рычагами подъема и опускания; 5 — брезентовое сиденье со стропами.

Перед купанием на коляску укладывается брезент-сумка, я с кровати пересаживаюсь на брезент и затягиваю ремни вокруг ног и груди. Едем в ванную комнату. Там над ванной у самого потолка проходит двутавровая балка, заделанная в стены. На балке закреплены два блока, через которые проходит трос рычажной лебедки. Лебедка крепится внизу к стене. Когда я въезжаю и ноги опущены в ванну, то на крюк троса надевают три петли. Эти ременные петли из синтетики прочно пристроены к брезенту, оригинальные пряжки позволяют регулировать длину петель и надежно удерживают ремни при натяжении. Петли расположены слева, справа и сзади — со спины. На подъемный рычаг лебедки надевается рукоятка, несколько движений вверх-вниз — и я повисаю в воздухе. Коляска выкатывается в коридор, я упираюсь руками в ванну, отклоняюсь, как маятник, в это время рычагом опускания вытравливают трос, и я оказываюсь сидящим в воде. Снимаем петли с крюка и откидываем его в сторону, расстегиваем застежки вокруг ног и груди — можно начинать мыться. При этом нет надобности брезент вытаскивать из воды. Подъем из ванны совершается в обратном порядке. Подъемник работает безотказно много лет.

Пневматический подъемник

Для занятия физкультурой я сползал с кровати на маты. Тут требовалась совсем небольшая помощь мамы или Лины. А вот забраться с полу на кровать гораздо тяжелее. В первые годы после травмы отец в свой обеденный перерыв приезжал с завода, а потом уже и повзрослевший Игорь помогал перебраться с матов на кровать.

Конечно, можно сделать настил и поднять маты на уровень кровати, но это хорошо в спортзале ЛФК, а в жилой комнате не годится. Подвесить тали? Тоже портит интерьер, Лина против. А не попробовать ли сделать пневмоподъемник? Положить три автомобильные

камеры одну на другую, склеить их, где надо, и надуть. Если б я устойчиво сидел, можно было бы на этом варианте остановиться.

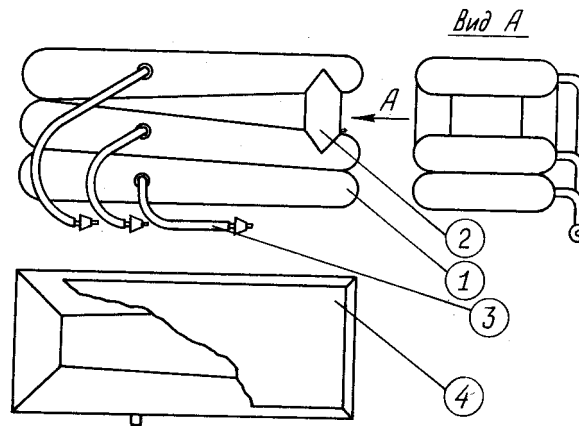

Рис. 3. Пневматический подъемник:
1 — секция; 2 — надувная стойка; 3 — клапан;
4 — полотнище.

Долго обсуждали мы с товарищами, как сделать подъемник. В конце концов придумали сделать его по типу надувного матраца, но с высотой подъема около метра. Да, но чем его надуть?

Не помню сейчас, кто сказал: «Эврика! Пылесос!» Эта плодотворная идея и привела к созданию пневмоподъемника. Товарищи связались со специалистами из Уфы, рассказали им о нашей нужде.

Герман Леонидович Червяков и его сотрудники спроектировали, а потом и изготовили пневмоподъемник. Основные его достоинства — малый вес и габариты, он весь укладывается в небольшой мешочек. Перед подъемом он, как простыня, раскладывается на матах, и я закатываюсь на него.

Подъемник состоит из трех изолированных секций, к каждой из которых подсоединен шланг. Другой конец шланга через конический переходник подключается к нагнетающему отверстию пылесоса. Две-три минуты — и секция накачана, заткнут резиновой пробкой шланг, и включается следующая секция. Через десять минут я уже на кровати. Стоит потянуться к кровати, как подъемник, словно живой, сам своей упругостью помогает на нее перебраться. Конечно, и спускаться можно с его помощью, если предварительно надуть, а потом открыть шланги.

Иногда у себя в квартире плохо ходящие на костылях люди падают, и им невозможно подняться с полу: пневмоподъемник тут оказался бы весьма кстати.

Пересадка с коляски на кровать

Существует несколько способов пересадки с кровати на коляску и обратно. Каждый из нас осваивает тот, что ему по силам или по силам его помощникам.

С годами мне стало труднее перебираться с коляски на кровать. Обычно эта процедура выполняется так. Я подъезжаю к кровати боком, так что левое колесо коляски становится вплотную и вдоль кровати. Берусь правой рукой за ремennую петлю, расположенную на балканской раме, мой помощник подхватывает меня под колени, одновременный рывок вверх и в сторону кровати — и я перекувыркиваюсь на постель.

Так вот, приподнять меня за колени — достаточно тяжелое дело. Помню, как Алексей Николаевич Васильев рассказывал, что при подобной операции жена его, Александра Ивановна, не удержала его ноги, упала и сама чуть не получила увечье. Но ведь характер самого движения ног — вверх и в сторону — достаточно простой. И у меня возникла идея воспользоваться рычагом, с помощью которого Архимед грозился перевернуть весь мир. Но у него, к счастью, не было точки опоры, а у меня, к счастью, была — на балканской раме.

Таким образом, движение вверх с помощью рычага существенно облегчалось, а для движения в сторону кровати по рычагу катится ролик, ось которого через скобу связана с подхватом ног. Подхват ног выполнен в виде брезентовой полосы и петли, охватывающей скобу. Вот таким способом мы пользуемся, а Лина утверждает, что он значительно легче прежнего.

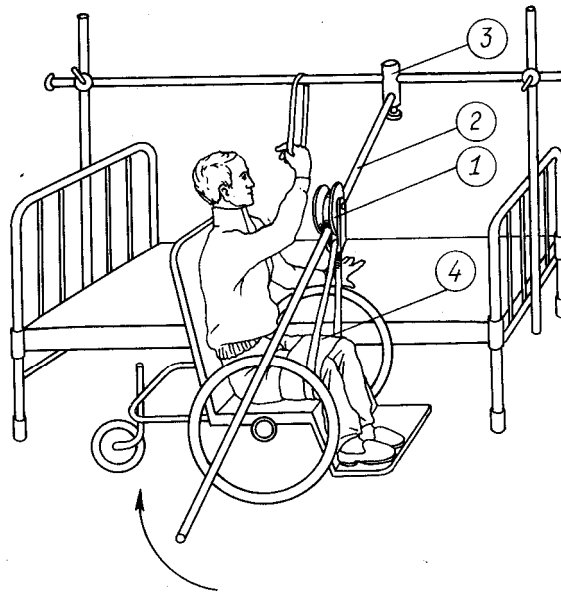

Рис. 4. Подъемник для пересадки с коляски на кровать:
1 — ролик со скобой; 2 — труба-рычаг; 3 — шарнир-переходник; 4 — брезентовый подхват-нос. с петлей.

Я рассказал только о нескольких приспособлениях. У меня же их много, так как я постоянно стараюсь облегчить себе труд, уход за мной близких. Поэтому все подвергается оценке, механизации и созданию удобств, будь то рабочее место, личная гигиена, одежда, способы транспортировки, приспособления для ЛФК, средства общения, связи и сигнализации.

Тут самое время и место еще раз поблагодарить создателей всех этих приспособлений — моих верных друзей, инженеров-механиков В. А. Межебовского, В. А. Макарова, Б. М. Лебедева и Е. А. Тентлера. Именно этой четверке «мушкетеров» я обязан счастьем выезда на улицу, возможностью свободно пользоваться ванной, заниматься ЛФК на полу, легко пересаживаться с коляски на кровать. Все электрические и радиотехнические устройства разработали М. А. Лурье, Ф. Д. Дубинин и Я. Н. Перельман.

Мои друзья вытащили меня из горькой юдоли существования и прозябания, вернули мне радость и звонкость жизни.

Спасибо вам, братцы! Низкий вам поклон до самой земли.

Глава X СРЕДИ ДРУЗЕЙ

С каждым днем волнение мое нарастало. Как все это произойдет? Сумеют ли все приехать? Где всем разместиться? Почти три года я и мои школьные товарищи вели переписку и переговоры о встрече одноклассников. И вот теперь, двадцать лет спустя после окончания школы, пришел день желанного свидания со своей юностью. Узнаем ли мы друг друга? Сохранились ли между нами связи, сплетавшие нас в школьные годы взаимными интересами, дружбой, влюбленностью друг в друга? Ведь судьба давно разбросала нас по стране.

В начале войны я очутился в маленьком алтайском городке Рубцовске. Сюда эвакуировался Харьковский тракторный завод имени С. Орджоникидзе. В кратчайшие сроки

ценой невероятных усилий были построены новые цеха, установлено в них оборудование, и вступил в строй Алтайский тракторный завод. Отделенный от завода железной дорогой, небольшой поселок АТЗ состоял из двух улиц деревянных двухэтажных домов и саманных бараков. Наша школа тоже была расположена в бараке, учились в три смены, сидели мы по трое за партой. Потом завод построил нам новую замечательную школу. До сих пор я помню праздник ее открытия, светлые классы, спортивный зал и просторный двор, где мы устроили спортивную площадку и высадили множество топольков. Причем у каждого было свое дерево, за которым он ухаживал. После школы многие мои одноклассники поступили в институты и университеты. Так мы оказались в разных городах.

Между собой мы поддерживали связь и наконец решили собраться. Наиболее удобным местом встречи для всех была Москва, но товарищи сами, без моего ведома, решили ехать в Ленинград. И вот теперь, в конце марта, мои одноклассники самолетами и поездами двинулись сюда. Первыми прилетели одним самолетом Светлана и Григорий из Барнаула, Адель из Новосибирска. С ними я учился девять лет, пока не уехал в Ленинград, где окончил школу.

Прямо с аэродрома ребята явились ко мне возбужденные и радостные. Милые лица, объятия и поцелуи, и как будто нет за плечами груза лет, и мы снова прежние, юные, на пороге вступления в самостоятельную жизнь! Через несколько дней к назначенному сроку стали съезжаться и слетаться друзья из Москвы и Минска, Свердловска и Харькова, Белгорода, Коврова, Белой Церкви, Донецка.

Тамара приехала из новосибирского Академгородка, оставив на попечение мужа троих детей. Лена с трудом отпросилась с работы.

— Думаю, если не отпустят,— рассказывает она,— то уволюсь, но на встречу поеду. Когда же начальство узнало причину, отпустили меня сразу.

Непрерывно звонил телефон, волнами захлестывала радость.

Всех приезжающих встречали мои одноклассники-ленинградцы Валя и Яков. Они заранее забронировали места в гостинице, заказали банкетный зал в ресторане.

— Сижу в холле гостиницы,— говорит приехавшая ко мне Тамара, — входят наши Валентин, Валерий, посмотрели в мою сторону и не признали. Пришлось самой представиться.

— Да как же тебя узнать,— смеюсь я,— из скромной девочки в больших валенках и черном ученическом переднике ты превратилась в элегантную даму.

— Знаешь,— говорит Тамара, — мы, конечно, внешне изменились, но внутренне те же.

Сколько восторга было при появлении каждого вновь прибывшего! Через час Юра и Валерий уже боролись между собой, как мальчишки. Это кандидаты наук-то, а? Вот черти, хотел бы я с ними побороться.

На следующий день после того, как все собрались вместе, друзья приехали ко мне домой, и мы устроили пир горой. С большинством ребят я всю жизнь поддерживаю связь, со многими встречался время от времени, но узнал я даже тех, с кем не виделся более двадцати лет. Сначала кажется, что человек совершенно изменился, но чем дольше в него всматриваешься, чем больше с ним разговариваешь, тем четче проступают знакомые черты, как будто из глубины вод всплывает прежний образ. И вместе с этим возвращаются давние чувства. Проходит горячий взаимный ток, и на душе становится хорошо и чисто. Эти чувства мною не выдуманы, я их испытал сам, испытали их, может быть, еще глубже все участники нашей встречи, о чем они писали мне позднее.

За праздничным столом произносилось много тостов, смех и шутки сменялись непрерывной чередой воспоминаний. Мы фотографировались и сняли небольшой фильм.

Встреча привлекла не только нас, одногодков, учившихся в двух параллельных классах. Приехал из Харькова наш бывший пионервожатый. Когда он поднялся за столом и сказал: «Прошу встать моих пионеров», то как по команде поднялись архитектор, научный сотрудник, ведущие конструкторы автоматических станков, учительница и корректор издательства «Искусство». Я высоко поднял руку.

Наш пионервожатый прекрасно знает Ленинград, он окончил политехнический, так что лучшего гида трудно было представить, и на следующий день вся компания отправилась осматривать достопримечательные места города. А еще через день был прощальный банкет в ресторане. Собралось еще больше школьных товарищей, пришли ленинградцы, которые тоже кончили нашу рубцовскую школу.

В банкетный зал на второй этаж друзья внесли меня на руках вместе с коляской. Во главе стола расположились Лиля и Борис Зайончковские — одни из главных организаторов встречи. Борис зачитал телеграммы от учителей, от тех, кто не смог приехать, но сердцем был с нами. И опять были тосты загород нашей юности, за родную школу и учителей, за всех отсутствующих и присутствующих. А потом пригласили с нижнего этажа оркестр, пели и плясали до глубокой ночи.

Многие прямо с банкета ночными поездами уезжали домой, были трогательные проводы. Некоторые женщины, как маленькие девочки, ревели в голос, и никому это не казалось неуместным...

Впечатления о счастливых днях встречи незабываемы. Уже после нее у меня побывало множество школьных товарищей, со многими завязалась переписка. Теперь мы еще теснее поддерживаем между собой связь, помогаем друг другу при надобности.

Мне кажется, что все лучшее в нас заложено в школьные годы, тогда мы усваивали не только знания, но и основы нравственности и морали. Конечно, я частенько в детстве отчаянно дрался с товарищами, но и быстро мирился, иногда бывал эгоистичен, зубоскалил и неосознанно зло подшучивал над приятелями, но я их любил и до ревности, до боли нуждался в них.

Ребята не раз прорабатывали меня на собраниях, я это бурно переживал. Но они видели во мне и что-то стоящее, раз выдвинули в комитет, избрали секретарем школьной комсомольской организации. Влияние школьных товарищей огромно и неоценимо. Поэтому, когда я вижу подростка, ставшего из-за травмы спинальником, оторванного от сверстников и продолжающего учиться дома, я считаю, нужно сделать так, чтобы он учился в классе со всеми. Это очень трудно, но принесет пользу и ему, и всем ребятам, его окружающим.

Так поступил инвалид детства Алан Маршалл, ставший впоследствии выдающимся австралийским писателем. О своей жизни им написана замечательная автобиографическая трилогия «Я умею прыгать через лужи», «Это трава» и «В сердце моем».

Дружбе «все возрасты покорны». Настоящими моими друзьями были и останутся мои коллеги с завода «Большевик». Они прошли со мной рядом весь трудный и долгий путь от полной моей беспомощности до достижения дееспособности. Еще в Куйбышеве на смену Валентину Макарову приехал мой сотрудник по отделу Владимир Кацнельсон. Он во всем помогал Лине, дежурил рядом, поднимал и поворачивал меня, даже гонял ночью ту собаку, что истошно выла под окном.

В самые кризисные моменты они ценой больших усилий добывали спасительные редкие лекарства. Когда я очутился дома, товарищи из конструкторского бюро разработали график занятий со мной физкультурой. Еженедельно они приезжали по двое и занимались со мной пассивной гимнастикой, помогали ходить за дугой. Это длилось почти год. С каждым годом в доме все больше появлялось приспособлений, сделанных товарищами и облегчавших жизнь мне и моим близким.

Время не только залечивает физические и душевные раны, оно еще разрушает то, что создано природой и человеком. Могут исчезнуть благие порывы, дружеские связи и даже память друг о друге. По законам природы это естественный ход вещей. Но со мной и моими друзьями так не случилось. Нас связывали не поверхностные, а мощные глубинные чувства, разорвать которые оказалось не под силу даже времени.

Человеку всегда приятно видеть плоды своего труда, в особенности если это труд для другого человека. Я старался быть достойным внимания своих товарищей, с полной самоотдачей тренировался, учился, работал.

Вместе нам всегда интересно и весело. Когда я не мог выбраться из своей квартиры, то нередко общие праздники наш расчетный отдел отмечал у меня дома. А потом и я приехал встречать со всеми Новый год. Это были настоящие праздники с музыкой, современными танцами и особо любимыми песнями под гитару, на которой мастерски играет Вадим Татур.

Компания наша не уменьшается, а разрастается, многие из тех, кто в нее приходит, остаются насовсем. Не только я, а любой из нас может получить при необходимости помощь от всех, не только я, а каждый радуется общению со всеми.

В течение года не раз и не два у нас перебивает каждый, но в мае по традиции друзья собираются у меня все вместе. Сначала появляются нарядные Неля, Тося, Роза, Марина, Люся, Лариса и Римма. Нацеловавшись со мной, женщины надевают передники и отправляются священнодействовать на кухню, где уже не первый день что-то жарят и пекут мама с Линой.

Потом вваливаются шумной гурьбой Венциан Аскарлович, Борис, Валентин, Володя, Евгений, Леня, Миша, Гена, Вадим... Все время звонят и прибывают заводские и живущие в Питере школьные друзья: теперь все между собой перезнакомились. Мы усаживаемся за стол, сверкающий хрустальными рюмками, фужерами, запотевшими бутылками с яркими наклейками, уставленный вкусно приготовленными и красиво поданными закусками. Мужчины расхваливают на все лады мастерство и искусство наших женщин.

И пошли тосты...

После первой перемены Вадим настраивает гитару, и приходит черед песни. Эту всегда поют первой:

Мокрый клен за окном,
Дробь дождя на стекле,
Так зачем о былом
Песню дарите мне?
Кто сказал, что я сдал,
Что мне рук не поднять,
Что я с песней порвал,
Что рюкзак не собрать...

Поют самозабвенно все, только мама молчит, не может петь и тайком утирает слезы. За этой песней мы поем другие, старые и новые, которые я разучиваю на ходу. Слова песен написаны на ватмане и вывешены у всех на виду.

Происходят какие-то перестановки на столе, и несут горячее, но и ему скоро конец. В одной комнате поют под гитару и аккомпанемент Валентина, исторгающего немислимые звуки из расчески, как из губной гармоники. В другой комнате Гена и тоненькая Ира отплясывают шейк. Ира пришла в расчетный отдел уже после моей травмы, побывав у меня однажды, она стала завсегдатаем наших встреч.

Поздним светлым вечером разъезжаются мои друзья. Уезжает Дима, с которым я учился в школе, сейчас он доцент политехнического, и я с ним сотрудничаю. Уезжает Анатолий, мой новый знакомый, а мне кажется, что мы с ним давние, старые друзья, я в курсе всех его научных работ. Разъезжаются все, чтобы со временем снова прийти в мой дом.

В своем замечательном романе «Нетерпение сердца» Стефан Цвейг писал: «Есть два рода сострадания. Одно — малодушное и сентиментальное, оно, в сущности, не что иное, как нетерпение сердца, спешащего поскорее избавиться от тягостного ощущения при виде чужого несчастья, это не сострадание, а лишь инстинктивное желание оградить свой покой от страданий ближнего. Но есть и другое сострадание — истинное, которое требует действий, а не сантиментов, оно знает, чего хочет, и полно решимости, страдая и сострадавая, сделать все, что в человеческих силах и даже свыше их».

Как и другие инвалиды, я достаточно часто встречался с нетерпением сердца, но мне посчастливилось испытать и настоящую дружбу, которой, как огненным лучезарным шаром с картины Чюрлениса, одарили меня многие люди. Переполняющие меня чувства

благодарности, любви и верности своим друзьям я, как умею, выражаю в стихах. Я знаю, что они несовершенны, но в них частица моей жизни. Бываю ли теперь я счастлив? Как ответить правдиво на этот вопрос? И да, и нет, точнее, и нет, и да. С одной стороны, нет здоровья — нет счастья, с другой — иногда испытываешь столь сильный душевный подъем, что на какое-то время забываешь, отодвигаешь в сторону все неприятности.

Причем это состояние — не иллюзия счастья от винных паров или яркого правдоподобного сновидения. Нет, это действительно счастливые мгновения. Такие мгновения счастья доступны, наверное, даже умирающему, получившему добрую весть: война кончилась! Или: в семье родился новый человек!

Мы способны индуцировать счастье от сильного внешнего источника, и, кроме того, все познается в сравнении.

В детстве я был счастлив, и в молодости, и в зрелые годы, если считать тридцать лет порой зрелости.

Но это для кого как. Для одного духовная зрелость не наступает и к старости, а другой уже в семнадцать-восемнадцать лет цельная самостоятельная личность.

Счастье детства, юности и зрелости — разное счастье. Оно меняется, как красота сначала первого зеленого побега, потом распустившего лепестки бутона в бусинках росы или дождевых капелек и, наконец, созревшего плода — пушистого сочного персика или просвечивающей на солнце грозди винограда.

Однако есть в нашей жизни нечто более сильное, чем зависимость от времени. Это глубокая любовь и настоящая дружба (те, кто испытал эти всепоглощающие чувства, согласятся со мной, кого же миновала чаша сия, могут мне и не поверить).

Правда, под любовью я понимаю не только и не столько могучее физическое влечение, но еще и страстность в деле, в увлечениях и, конечно, в дружбе, ибо какая же дружба без любви.

Восхищение природой, делом рук человеческих, творчеством, принятие мира и окружающих людей вызывает любовь к жизни, дает силы за нее бороться, преодолеть и претерпеть многое, хотя и не все. Бывают такие трудности, такое горе и беда, что человеческих сил не хватает, и тогда отказывает либо ум, либо сердце. Однако предела человеческих возможностей в преодолении трудностей не существует благодаря мужеству, воле и любви к жизни.

Да, но вернемся к разговору о счастье. Еще в школьные годы я представлял его в виде большущего дома, где я всегда бы жил бок о бок со своими друзьями. Я не брал в расчет, что у каждого свой путь в приобретении профессии, в обзаведении семьей, в трудовой деятельности. Теперь-то все понятно. Но навязчивая фантазия-мечта возвращается иногда и по сию пору. Тогда я строю (со своими друзьями) этот дом, нет, даже не дом, а целое поселение.

— ...Видишь знак «Коммуна счастья»? Пойдем, я покажу, как мы устроились, как живем.

У нашей коммуны долгая история: и как участок под строительство добывали, как наш архитектор Борис проектировал центр — вон то господствующее здание и эти особняки, утопающие в зелени.

Все деревья посажены нами, а подобраны Тamarой. Они привезены из разных мест и цветут в разные сроки, а осенью желтые, березы, коричневая листва дубов, кумач кленов, алые кисти рябин, поздние астры, хризантемы, георгины — все это горит яркими красочными пятнами в лучах низко стоящего солнца.

Вон Лена идет с собакой.

— Здравствуй, Лена! Знакомься, я показываю товарищу, как мы живем. Какая красавица твоя овчарка. Смотри, чтоб она не передушила кошек Александры Александровны. Ну, будь!..

Все дома построены нашими руками, среди нас ведь есть настоящие строители, можем бетон, раствор приготовить, дом кирпичный или рубленый поставить.

Самые счастливые в коммуне — дети и женщины. Наши выдающиеся конструкторы создали уникальную бытовую технику. Теперь у женщин свободного времени больше, чем у мужчин. А ребята наши сами сделали спортплощадку, небольшой зимний бассейн (летом купаемся в море), у них свои мастерские, походы в горы и по окрестным лесам.

Иногда кого-нибудь из нас берут с собой, особенно тех, кто не уступает им в ловкости и выносливости, кто хорошо играет на гитаре, аккордеоне. У нас музыканты свои, свой оркестр, хор. А певца Виктора ты, верно, слышал по радио, видал по телевизору. Слышишь, поет: «Живет моя отрада в высоком терему»... Это из Центра сюда доносится, скоро увидишь, там у нас только общие помещения, все для всех.

Мы идем с тобой по Школьной улице. Она самая длинная, ее вовек не пройти. Тут рядом с Лилей и Толей живет Роман. А вот Виля яблони подрезает.

— Привет, старина! Знакомься. Ну что, ты научил его разыгрывать мизер?

Виля на досуге конструирует искусственного преферансиста — робота Вистопаса. Сложная проблема.

— Так ты говоришь, он уже умеет тасовать и сдавать карты? Чудесно! И произносит: «Вист, пас, без ноги!» Что? Иногда заговаривается и твердит: «Играем до утра!» Ну, помогай тебе Бог.

Пойдем дальше. Видишь, перпендикулярно Школьной проложена Студенческая улица. Она получилась, пожалуй, короче других. В этом ближайшем коттедже живет Саша, дальше Юля, за ними Леонид Александрович, Анатолий Аркадьевич, Михаил Захарович...

Заметь, ни один дом на другой не похож, как и их хозяева. На Заводской улице не спутаешь дом Нелли — с террасой — и Бориса — с остроконечной крышей и флюгером. А над Володиным, видишь, башенка вроде шахматной ладьи. Сейчас мы его покличем: «Володя! Здравствуй, дорогой! Поставь мне единичку от Григория Владимировича. Позицию я наиграл скверную, и он все приговаривал: «Хоть в щи клади» и «С покойничком», а потом зевнул фигуру, шахматы повалил и сказал, что я «сапог валяный». Поставь ему за это баранку...» У нас шахматный турнир в самом разгаре.

Ну, вот мы наконец добрались и до центра. Мозаика и роспись его выполнены по эскизам Резо. Тут чеканка, витражи, а все стены понизу увешаны рисунками детей.

На первом этаже расположены механическая и радиомастерская, следом лаборатории биокибернетики, биофизики, биомеханики. Вон из химической вышел Валентин. Он с Женей бьется над технологией получения из воды и из угля вещества C₂H₅OH. Их девиз: «Ведро воды + ведро угля = два ведра спирта!» Реакцию, говорят, уравнили, теперь катализатор ищут. Надо будет им подсказать, пусть пиво попробуют. Переворот в науке готовят, но жены что-то тормозят открытие. Бьют химическую посуду. На второй этаж и выше можно подняться на лифте. Здесь у нас банкетный зал, все праздники, дни рождения и свадьбы в нем отмечаем. По соседству бильярдная, дискотека, гостиные для любителей шахмат, поэзии. Здесь можно просто посидеть, потолковать, поспорить на животрепещущие темы.

А вот на третьем этаже всегда тишина: тут богатая библиотека, кабинеты для научной работы, чертежные для конструкторов, небольшой конференц-зал. В правом крыле — небольшой по площади вычислительный центр, но ЭВМ — умница, одна из самых быстродействующих.

А на крыше — солярий, душевые, сауна и зимний сад. Когда цветут кактусы — чудо. В этом здании еще много чудес. В коммуне некоторые проводят только отпуск, дети — все летние и зимние каникулы, пожилые живут постоянно, я тоже редко ее покидаю.

Ты спрашиваешь, где я живу? Сейчас выйдем из здания и пойдем ко мне в гости. Я живу на Морской улице. Она охватывает дугой Центр, и дома ее стоят почти вплотную к морю. Причем все они ослепительно белые, а живут в них мои друзья-спинальники и те, у кого тяжелые заболевания. С ними впервые я встретился в больницах и санаториях, где лечился, с иными познакомился заочно, а встретился уже здесь, в коммуне.

С нами живут и наши близкие родственники. Правда, не со всеми. Эле и Геннадию, живущим в самом красивом особняке, помогают не родственники, а вся коммуна. Главные

их помощники — наши дети, потому что они лучше нас, своих родителей, они умнее, образованнее, культурнее, у них богаче воображение, и поэтому они щедрее нас.

Добру они учатся не по книгам (хотя книги все очень любят), не по телевизору или в кино, а на деле, помогая нуждающимся одеться, обуться, искупаться, в общем, всюду, где нужны их сила, умение и, главное, сердечное участие. Именно благодаря детям Морскую улицу мы часто называем улицей Счастья.

Хотя для полного счастья у нас нет главного — здоровья, но есть радость общения, самые лучшие в мире приспособления и работа. Мы подвижны, максимально свободны, занимаемся спортом вместе со всеми и учимся. Мы ни в чем не хотим уступать своим здоровым друзьям.

А вот и мой дом. Он приветствует тебя, как протянутая рука друга.

— Лина! Игорь! Слышите меня? Встречайте гостя...

Ну, вот и все, пора нам расстаться, мой читатель, перевернуть последнюю страницу. Еще два слова напоследок.

Появившись на свет у истока реки жизни, выйдя из дремучих зарослей небытия, ты оказываешься во власти мощного течения времени, которое несет к устью, в пучину того же небытия. Это течение непреодолимо ни для кого, никогда и нигде оно не останавливается, с ним можно только бороться, чтобы продлить миг своего существования.

Из теплых материнских рук ты пересаживаешься в ялик первого познания, на котором исследуешь заводи и стремнины, и только чудо и неусыпное око не дают перевернуться твоему утлону, неустойчивому суденышку.

Пройдя круговороты и пороги, молодой и сильный, ты выходишь на стрежень в лодке знаний и опыта с нехитрой снастью, мотором, парусом и веслами. Но течение все быстрее, хотя твое сопротивление ему — энергичнее, стойче. Ты движешься лицом вперед, налегая на весла, парус твой туго наполнил встречный ветер, мощно работает мотор. Течение как будто пропало...

Река твоей жизни, сливаясь с другой, молодой и упругой, горячей и нежной, рождает глубочайшее ощущение физического счастья. И вот зачата новая жизнь, резвый и веселый ручеек начинает свой собственный бег.

Если тебе повезет и ты сам того сумеешь добиться, то окажешься на большом корабле с дружной командой. А большому кораблю — большое плавание. Тогда ты испытаешь радость впередсмотрящего, муки и наслаждения победы над девятым валом, творческого взлета, победы в борьбе.

Ну, а если ты упадешь за борт и стремительное течение понесет тебя к устью, то не сдавайся, не плошай, держись за спасательный круг, переваливай свое непослушное тело в ялик, берись как можно быстрее за весла. А не то от тебя останутся одни круги на воде, да и те скоро исчезнут.

Пусть заглох мотор и разорван твой парус, пусть травит буксирный канат, брошенный тебе с удаляющегося корабля. Держись, мой друг, плавание еще не кончено...

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Письма...

Закончив предыдущую главу, я посчитал, что сделал свое дело, что, прочитав мою повесть, человек со свежей травмой извлечет из нее пользу для себя, да и здоровому человеку будет над чем поразмыслить. Однако ее еще предстояло опубликовать...

Публикация рукописи с самого начала представлялась делом непростым, а очень скоро это мне уже казалось безнадежным. И тогда я сделал последний шаг — решил послать рукопись кому-либо из своих любимых писателей.

Я послал ее Даниилу Александровичу Гранину, и с его помощью и поддержкой был опубликован журнальный вариант «Разорванного круга».

Последовавшие затем письма и встречи подтвердили злободневность темы, необходимость написанного. Одновременно эти письма и встречи открыли для меня многое, о чем я знал слишком мало, о чем имел лишь смутные представления.

Я вновь почувствовал огромную тягу травмированных и больных людей к лучшей жизни: к активной деятельности, к свободе передвижения, к общению с другими людьми. И еще глубже понял, что отдача обществу, производственные и творческие успехи инвалида зависят как от него самого — от его настойчивости, мужества, характера, так и от окружения, помощи семьи, друзей и различных организаций. Причем последнее — самое необходимое условие социальной реабилитации огромного числа инвалидов.

Когда очерк «Разорванный круг» уже был напечатан в двенадцатом номере журнала «Звезда» за 1979 год, Наталья Кирилловна Неуймина, заведующая отделом публицистики журнала, сказала:

— Ну, Борис, ждите писем.

— Уже жду, — откликнулся я, — и друзьям написал, чтоб журнал стерегли.

— Не только они напишут, будут письма и в редакцию.

К последним словам я отнесся с недоверием:

— Станет ли кто-то незнакомый время тратить на письмо в редакцию? Ведь в очерке ни про разводы, ни про пьянство или про истязание братьев наших меньших — ни о чем таком я не писал.

Но через некоторое время какое-то внутреннее беспокойство заставило опять вернуться к тому разговору. Инвалиды, для которых я писал, — самые страстные и пристрастные критики. Они все сами испытали, а некоторые хлебнули горя куда больше моего. Такие, если почувствуют фальшь, то непременно сообщат.

Сразу же пошли письма на домашний адрес, на завод «Электросила» и в редакцию. Идут они до сих пор от знакомых и незнакомых инвалидов и здоровых людей.

И вот мы сидим с Натальей Кирилловной друг против друга, перечитываем почту, и я рассказываю ей об авторах некоторых писем.

— Самое значительное в письмах — их написавшие люди. Я их вижу, даже незнакомых, их боль и обиды порой лишают сна и покоя. Из этих писем невольно вырисовывается образ инвалида — человека, думающего по-государственному и не смиряющегося с трудностями, жаждущего приносить пользу обществу, своим близким, друзьям. В них слышен и голос здорового человека, отзывчивого на чужую беду.

Вот первое письмо от Льва Индолева из Москвы: «Только что узнал по телефону и запросил этот номер «Звезды» для себя. Владелец, уже прочитавший, на мой вопрос «Ну и как?» ответил, что «парень не врет».

И в следующем письме:

«Проглотил вчера твоё сочинение... В целом получилось честно, по форме вполне профессионально, и мысли содержатся деловые, если бы только они дошли до того, кто облечен возможностью что-то изменить».

Это Лев Индолев. Он получил травму спинного мозга в экспедиции уже будучи сложившимся крупным ученым-геологом, кандидатом наук. Он прислал мне книгу о месторождениях руд в Якутии, написанную им в соавторстве уже после травмы, позднее в издательстве «Наука» вышли еще две его книги.

Следующее письмо — от Э. Чудновского из Днепропетровска: «Поздравляю!!! Успех! Немыслимо!!! Но все равно победа. Победа, потому что на страницах журнала появились нужные слова. И не нам, а скорее всем тем, кто после нас. Это еще одна крупница в нашем общем деле!»

Из другого его же письма:

«Я дал твою повесть почитать пареньку. Этим летом он попал под трамвай и потерял обе ноги. Он сам читал и дал почитать ребятам, которые лежат с ним в ортопедии. Ходит парень на протезах. Без ума от тебя. Вот им-то и нужно то, что ты написал. Им на первых порах это

может помочь не потерять себя. Вот одному парню помог и уже считай оправданным все, что ты написал!!!»

То, что материал оказался нужным, злободневным и актуальным, подчеркивается практически во всех письмах. «Хотелось тотчас же отозваться, как прочла, но сама же себя удержала — пусть эмоции попритихнут и дадут место трезвости,— пишет журналист из Перми, инвалид с детства. -Итак, прочла на едином дыхании. И потому, что Вас знаю, и тема мне близка, и взволновалась от такого личного восприятия, и гордилась, и радовалась (сумели себя-таки сохранить и даже больше), и потому, что написано хорошо — сдержанно-спокойно, хотя здесь можно было дать волю всему наболевшему и волнующему. Но как бы там ни было, в том виде, в каком вышла в свет, все равно удивляет, покоряет и... вдохновляет! Да-да! Боги (т. е. здоровые люди) после прочтения должны быть еще сильнее и еще щедрее (человечнее, добрее, отзывчивее). Мои друзья в редакции прочли, как и я, на одном дыхании и в голос говорят:

«Удивительно!» И еще: «Господи! И чего мы стонем! Даже стыдно за себя!» Ваши раздумья — это один сплошной гимн родным, друзьям, товарищам.

Но, с другой стороны, выглядит, знаете ли, как история с благополучными обстоятельствами. Преодоление невозможностей выливается в преодоление своего недуга. Внешние обстоятельства все за Вас. Но не у многих обстоятельства складываются «за». Не у всех есть друзья. Очень много жестокости, обид, бюрократизма, и не всегда оказывается нужная поддержка.

Но что бы и как бы ни было, статья нужна! Нужна, безусловно, для нас, но и для здоровых, кто при всех здоровых «регалиях», но хандрит, но теряет себя. Для тех, от кого мы зависим: смотрите, и мы тоже выходим в свой мир и, несмотря на ваше недоверие, все-таки обретаем себя!»

Еще письмо от инвалида с детства, работника издательства «Молодая гвардия» москвички Нины Титовой:

«...Всем, кто читал, понравился и тон статьи, и в особенности мысли о создании у нас организации. Все это очень важные и нужные вещи. Тема реабилитации получилась сквозной, она проходит в разных местах и с разных сторон, и получилось очень здорово: к каждой стороне дела — мысль о государственном подходе ко всем нашим болячкам. В общем, все мои знакомые считают, что вещь эта — нужная. Вот только что получила открытку с Урала, из дома инвалидов, парень мне пишет: «Спасибо за «Звезду» — статья что надо».

«Побольше бы таких выступлений в печати,— пишет Г. Сидорова из Москвы,— только чтобы именно так — искренне, без фальши, без притязаний на личную популярность. Конечно, многое очень сглажено, особенно что касается нынешнего бесправия многотысячной спинальной братии».

Все это от инвалидов-ветеранов.

Но вот письмо недавнего школьника, ставшего студентом после травмы. Александр Гушин из города Балакова пишет: «Только что прочел «Разорванный круг» и сразу же по горячим следам Вам пишу. Прочитал одним духом, без отрыва, и хотя я уже однажды видел это, оно меня вновь взволновало и увлекло с новой силой, заставило вспомнить и пережить свое.

Глотая строчки, я видел Вас, Борис Соломонович, не где-то за белыми стенами, а действительно в самом круговороте жизни. Особенно мне понравились слова, которыми вы заканчиваете: «...А не то от тебя останутся одни круги на воде, да и те скоро исчезнут». Мне кажется, что они придают какой-то философский смысл жизни и, если в них вдуматься, то, наверное, человек само собой начинает анализировать свое существование, свои дела и свою полезность людям. Вы, Борис Соломонович, всегда будете мне служить хорошим примером».

Вот что пишет Надя Нестеренко из Великих Лук: «Своим рассказом Вы зажгли передо мною огонек, осветивший мне путь к цели. Я поняла, что из моего положения есть выход. Вот уже много лет я прикована полиартритом к постели. Когда воспаление прекратилось,

остались неподвижность и полная беспомощность. И тогда пришло отчаяние. Все родные и друзья старались поддержать и ободрить меня, но я оставалась глуха ко всему. А потом я научилась согнутым пальцем правой руки удерживать карандаш и постепенно смогла писать. И вот, чтобы облегчить жизнь моим родителям, я должна как можно больше двигаться и делать самые разные дела: умываться, кушать, переодеваться, сидеть». Дальше идут вопросы, и в конце: «Очень прошу Вас, товарищ Борис, помогите, и, может быть, настанет такое время, когда и перестану быть просто иждивенцем, смогу приносить пользу людям?! А может, это бесплодная надежда и я напрасно утешаю себя ею? И все же я буду добиваться ее осуществления! Буду! И Вы, товарищ Борис, помогли своим рассказом укреплению этой надежды. Огромное Вам спасибо за это! Спасибо за то, что помогли вновь обрести веру в свои силы».

Из второго письма: «Спасибо, товарищ Борис, за добрые советы и адреса. Будет трудно? Не беда! Труднее, когда не видишь цели, думаешь, что тебе ничем нельзя помочь. А у меня теперь ясная цель, хотя дорога к ней длинная и трудная. Раньше было труднее: терялась вера, угасала надежда. Ваш «Разорванный круг» пришел на помощь вовремя. Теперь я буду рвать свой круг».

И еще одно письмо о страстном желании вернуться к активной жизни, быть полезным. Пишет В. Удинцев из Ирбита Свердловской области: «Со слезами читал вашу статью в журнале «Звезда». Меня постигла почти такая же беда — дорожная травма. Из-за неправильной транспортировки с места аварии, сидя в мотоцикле без сиденья, я потерял всю чувствительность и самостоятельность движения. 47 км почти 8 часов меня доставляли в местную городскую больницу. Теперь сам я в основном занят по хозяйству... Нет слов, которыми я мог бы выразить свои впечатления от прочитанной вашей статьи, где для меня настоящий университет мужества. Помогите конкретным советом, с чего начать, чтобы вернуться к лучшей жизни, в основном к самостоятельному труду. Мне 42 года, и жить хочется. Низкий Вам поклон за ваш подвиг».

Писем много от самих инвалидов, от их матерей, жен. Эти белые листки полны исповедей о трудных судьбах, о своей боли, горечи, в них искреннее доверие и вопросы, требующие честного ответа.

Инвалиды жаждут работать, но жизнь их столь бедна красками, что сама работа должна обязательно содержать творческий элемент, должна радовать чувства и давать пищу уму.

«Инвалидам,— пишет Е. Глаз из Ленинграда, — предлагают собирать крючки-петли в мешочки, нанизывать булавки, ставить кнопки на бумажки, в лучшем случае плести сетки. Если руки работают, то с огромным трудом, после многих лет ожидания можно устроиться на ювелирную фабрику или делать шарфы на станке. Эти кнопки, булавки — изнурительная, бессмысленная работа, которую могут выполнять лишь слабоумные, к тому же очень плохо, естественно, оплачиваемая. Человеку же с высшим образованием устроиться по специальности почти невозможно».

Изменение условий труда люди связывают с организаторской работой общества, видя пример незрячих инвалидов.

«Парень со здоровыми руками, с отличным зрением и слухом, с хорошей дельной головой, со средним, а зачастую с высшим образованием на станочке вручную накатывает бумажные листочки — ярлыки с указанием вида изделия, цены, артикула. Таких листочков он должен накатать за месяц полтора центнера. А слепые в это время делают узлы, и блоки малых и больших ЭВМ.

Другой инвалид клеит пакеты, а слепые изготавливают блоки наисовершеннейшего телевизора «Юность», — размышляет Геннадий Гуськов из Шебекино.

Об огромном Желании трудиться свидетельствует письмо шестнадцати рабочих мастерской из воронежского дома-интерната № 1. Первые заработанные деньги они получили за раскраску домино и комплектование его по коробкам. Потом собирали вручную электровыключатели. Наконец, тот же Гуськов, один из бывших работников — организаторов мастерской, предложил и помог освоить производство ареометра,

изобретенного Эльшанским. Зарботки резко увеличились. Казалось бы, прекрасно. Однако вся работа мастерской рассматривается как трудотерапия. Отсюда отчисления половины заработка, нет трудовой книжки, не увеличиваются стаж и пенсия, а следовательно, теряется надежда начать самостоятельную жизнь без государственного обеспечения.

«Вы очень верно сказали, — пишут рабочие мастерской, — что нужен труд, а не трудотерапия, ничего не дающая ни настоящему, ни будущему».

Письмо подписали все шестнадцать, среди которых только пятеро имеют здоровые руки.

— ...Да, Борис, у вас появилось много новых заочных знакомств.

— Не только заочных, Наталья Кирилловна. Ко мне приезжают и сами инвалиды, на костылях, с палочками, их близкие родственники и друзья,

Публикация очерка способствовала новым знакомствам. В гостях у меня побывало несколько инвалидов-ленинградцев, среди них Юрий Залевский, инвалид от рождения. До тридцати трех лет он находился в домах инвалидов, затем женился, покинул дом инвалидов, окончил филологический факультет университета. Сейчас Юрий работает переводчиком в исследовательском институте связи. У него разнообразные интересы, он серьезно занимается переводами стихов немецких поэтов.

— Видите, в наших рядах есть и поэты, и писатели, причем в становлении их творчества заслуга здоровых людей,— говорю я и показываю Наталье Кирилловне письмо из Владимира от А. И. Шлыгина, члена Союза писателей СССР, автора шести поэтических сборников.

«Спасибо еще раз за статью, — пишет он, — публикации такого рода очень нужны и для нашего брата, и для здоровых — тоже». Описывая, в каких невероятно трудных условиях неподвижности стал профессиональным поэтом, Алексей Иванович заканчивает:

«Конечно, это заслуга тех прекрасных людей, которые встретились на моем пути. В первую очередь — Агнии Львовны Барто».

С горячей признательностью и гордостью пишут инвалиды о журналистах и писателях, принимающих близко к сердцу чужую беду, откликающихся на нее в своих статьях и произведениях, делом помогающих в нелегкой жизни.

Х. Хяккеля из Воронежа в письме главному редактору журнала пишет:

«От имени своих друзей-товарищей по несчастью и от себя хочу выразить редакции и Вам лично чувство горячей благодарности и признательности за напечатание очерка Б. Фертмана «Разорванный круг», за верность теме и неизменное сочувствие к «потерпевшим бедствие». Очерк Б. Фертмана по глубине и верности поставленных вопросов превосходит все, что мы до сих пор читали в печати на эту тему. Он предлагает решать наши проблемы на высшем, самом современном, истинно гуманном уровне, когда эффективность достигнутого определяется не величиной затрат и усилий, а подлинностью счастья, возвращенного пострадавшим людям. Четко названы условия и верные пути выхода из мрачного круга несчастья... Горячее Вам спасибо, и да благословит Вас судьба».

Это слова женщины, двадцать пять лет проведенной в доме инвалидов. Берем следующую большую пачку — письма здоровых людей.

Оказывается, здоровому молодому человеку интересно и полезно читать не только о знаменитых путешественниках и спортсменах, покорителях природы и ученых. Нечто поучительное он может почерпнуть, читая и об инвалидах, познакомившись с ними или помогая им. Воспитательное значение от такого контакта весьма велико, человек не становится сам по себе добрым, добро в нем надо пестовать словом, и особенно делом — поступками. Приведу несколько писем школьных друзей и товарищей, выражающих эту мысль.

Вот что пишет Анатолий Парфенов из Москвы:

«Я рассказывал много Павлику и о твоей судьбе, и о силе воли, и о мужестве. Но рассказывать — это все не то, куда интереснее и значительнее прочесть все это от первого лица».

Ему вторит В. Макогон из Новосибирска:

«Нашли «Звезду» и залпом всей семьей прочли, пережили все снова. Честное слово, я горжусь, что у меня есть такой волевой, целеустремленный товарищ, настоящий мужественный человек. Я много о тебе рассказывал своим детям, у нас был вечер воспоминаний о Рубцовске, о нашем тяжелом, но милом детстве».

И еще одно письмо, от Т. Добрецовоной из новосибирского Академгородка:

«Спасибо тебе за твое мужество, за доброту, память о друзьях, за все-все. Думаю, что тебе очень благодарны и «коллеги»-спинальники. Такую вещь надо было бы перепечатать в молодежном читабельном журнале, это очень полезно было бы для юных, чтоб не гасли лучшие порывы их душ, чтоб было им чему поучиться».

«Не отрываясь, прочла твою повесть, — пишет врач-эпидемиолог из Коврова Е. Смирнова,— жаль, что так быстро она прочлась. Сама цель написания гуманна. А в содержании — мужество, уверенность и совсем-совсем никаких «соплей и воплей». И проблемы важные затронуты, и о людях много хорошего сказано. В понедельник потащу журнал на работу».

С особым интересом я ждал писем из Рубцовска. Инженер-конструктор Алтайского тракторного Ж. Лерер сообщает:

«Наконец-то мне удалось взять в библиотеке журнал «Звезда». Он все время на руках. Библиотекарь говорит, что на него необычайный спрос и чтобы я долго не держала, так как там публикация рубцовчанина, и его (журнал) спрашивают. Это уже само по себе о многом говорит. Это еще одна, и немалая, твоя победа».

Со школьными друзьями связаны счастливые годы детства в далеком и недоступном теперь для меня Рубцовске. Если бы вы знали, как хочется вновь увидеть Алтай! До сих пор мне снятся школьные друзья, а вот чтобы приснилось, что я инвалид, пока не бывает. Свой недуг чувствую только наяву. Правда, в последнее время уже и во сне чувствую какую-то раздвоенность: вроде и не болен, но и не совсем здоров. В Лениных снах иногда я являюсь в теперешнем виде, сын не помнит меня здоровым, ему было только пять лет, когда я последний раз нырнул. Но прочтите письмо из Москвы от Иры Айшпор. Познакомились мы десять лет назад и с тех пор дружим. Она меня здоровым не видела никогда.

«...Видишь ли, это жестоко, но я никогда не принимала тебя инвалидом. Человек живет, пока мыслит, я вижу. массу инвалидов духа вокруг, а это тяжко».

Это не жестоко, это прекрасно, если тяжкий недуг не наложил свой отпечаток на душу человека, поразив только тело.

— Ира — добрая душа, интереснейший человек, — рассказываю я Наталье Кирилловне, — вид инвалида с непривычки может неприятно поразить человека, но если вам удастся заглянуть ему в душу, то вы порой увидите золотые россыпи ума и воли, мужества и нежности. Встретившись случайно в московской клинике, Ира Айшпор оказала мне большую помощь, навещая, принося книги, доставая лекарства. Желание делать добро — отличительная черта настоящего человека.

В своем письме незнакомый мне В. П. Бруякин из Киева пишет:

«Ваша жизнь, сила духа производят большое впечатление и на меня, и на моих товарищей. Буду счастлив, если смогу Вам чем-нибудь помочь».

От таких писем радостно за автора и неудобно за себя. Я не заслужил столь высоких оценок. У меня не было выбора, как жить в создавшейся ситуации после травмы. Человек заслуживает похвалы тогда, когда, имея возможность выбора пути, он следует труднейшим, но честным.

На очерк откликнулись и медики — люди, вступающие в борьбу за спасение человека в первые же часы после травмы и способствующие восстановлению его здоровья многие годы спустя.

Почти вся жизнь врача А. А. Лавровой связана с лечением спинальных больных в сакском санатории имени В. И. Ленина. Александра Александровна пишет:

«Недавно удалось прочитать Вашу статью в «Звезде». Очень понравилась точность рассказа о Лине, товарищах и всей семье. А с собакой поступили неверно. Если бы ее не

гнали, а дали поесть, она бы никому не мешала. Вероятно, до Вас в этой палате лежал кто-то из ее хозяев и умер — она осталась бездомной и очень переживала и была голодна...»

Другое письмо от врача М. И. Кривцовой из поселка Троицкое Ворошиловградской области:

«...Эта статья должна помочь людям стать добрее, научить любить людей. А это так важно! К сожалению, есть еще медицинские работники с равнодушным, черствым сердцем... У меня три сына. После ухода на отдых продолжаю проводить воспитательную работу среди молодежи. Ваш «Разорванный круг» поможет мне в этой работе. Спасибо Вам».

Звонили из Одессы. Там в медицинском институте на одном курсе прошел диспут по «Разорванному кругу». Сообщают, что прошел он живо и интересно.

Закончить обзор писем читателей, откликнувшихся на очерк, хочется письмом профессора В. М. Угрюмова, который подал мне идею написать о себе и людях, получивших травму и вернувшихся в строй. Много раз он убеждал меня в нужности такого труда.

«Мне очень импонирует,— писал Вениамин Михайлович, — задача возможно более профилактически бережного отношения к себе, что обеспечило бы сохранность многим и полноценную жизнь, и вторая задача — адаптация сильного и разумного человека к изменившимся условиям жизни, несмотря на возникшие трудности. Прочтя Вашу статью, начинаешь особенно уважать таких людей и представляешь себе их как эталон в любой деятельности. Может быть, это не менее важно, когда человек здоров и его КПД может быть особенно высок. Вы очень убедительно показали значение коллектива и семьи. Меня очень заинтересовала Ваша постановка вопроса о государственной организации трудовой и социальной реабилитации инвалидов. Многие годы жизни я посвятил спинальным больным и понимаю, как это важно».

— Писем много, не меньше, чем проблем в нашей нелегкой жизни. Эти проблемы касаются не только тех, кто вследствие травм, заболеваний, старости частично или полностью неподвижен. К великому сожалению, практически каждый человек имеет шанс стать инвалидом, оказаться среди нас. Поэтому я еще раз хочу пожелать здоровым людям: будьте осторожны в быту, будьте здоровы, не жалейте внимания и усилий для тех, кто попал в беду.

— Да, вы правы,— говорит Наталья Кирилловна, — эти письма и проблемы столь значительны, что нужно писать о них. Тема далеко не исчерпана.

...И встречи

С утренней почтой пришло письмо с незнакомым обратным адресом. Из далекого украинского села писали школьники — члены клуба «Корчагинец». Собственно, писали не сами ребята, а их руководитель, учительница Вера Петровна. В письме меня просили прислать материалы о себе, приглашали в клуб. Приятно было получить такое приглашение, но смуцало, что письмо написано не самими ребятами, а их учительницей.

Я ответил и попросил ребят написать о себе, о своем селе и школе, об учебе и учителях. Меня все интересовало: в какие игры они играют, какие предметы любят, кем хотят стать. И еще была подспудная мысль: привело ли ребят знакомство с людьми трудной судьбы к естественному выводу, что нужна действенная помощь тем, кому тяжело живется в их селе, беспомощным старикам, инвалидам?

Но и следующее письмо было написано Верой Петровной.

Она писала: «Мы очень любим наш клуб, наши заседания, мы встречаемся, конечно, заочно со многими замечательными людьми, они не только наши друзья, но и наставники, у них мы учимся жить, работать, а главное, они для нас служат примером мужества, патриотизма и глубокой человечности. Если человек обладает такими качествами, значит, он живет на земле не даром, так как он будет полезен людям».

К письму была приложена заметка из районной газеты: журналист писал о том, какие интересные заседания проходят в клубе.

И опять мне было не по себе, не услышал я живого ребячьего голоса, не согласен был, что полезным можно стать только в будущем, во взрослой, а не в школьной жизни.

«Может быть, это мероприятие, — думал я, — и даже очень хорошее мероприятие, которое ставят умные взрослые режиссеры, но ребята при этом статисты или, в лучшем случае, активные участники заседаний, серьезные докладчики».

Невольно я вспомнил свои не заочные, а очные встречи с людьми трудной судьбы, или попросту инвалидами.

Сейчас как-то редко встретишь на улицах, в поездах, на базарах инвалидов, а после войны они были повсюду. Трудно и по-разному складывалась их жизнь. Мы, послевоенные подростки, до сих пор помним молодых еще людей, безногих, безруких или слепых. Одна встреча запомнилась крепко.

Мне было лет четырнадцать, когда я вместе с отцом оказался в санатории. Отец за мной особо не присматривал, и я чувствовал себя вольной птицей. В последние дни меня распирала гордость - у меня появился друг, настоящий боевой офицер, звали его Сергей, и всего-то на десять лет он старше меня.

Зачесанные набок каштановые волосы открывали его широкий лоб. Серые глаза смотрели на меня приветливо и чуточку с усмешкой. У Сергея был тонкий костистый нос, узкое лицо с волевым подбородком, выделяющиеся скулы были обтянуты чистой, всегда гладко выбритой кожей. Из белой рубашки с короткими рукавами и открытым воротом виднелись худощавые руки и шея, переплетенные выступающими сухожилиями, темнеющими венами и сильными мышцами. Высокий и худой, Сергей, казалось, вот-вот взлетит, было в нем что-то соколиное. Сходство придавало то, что он стоял на одной-единственной ноге, опираясь на черные костыли, как на растопыренные крылья.

Правая нога была полностью ампутирована, и серая штанина аккуратно подвернута и подколота. Я почти целый день проводил около Сергея, вышагивая рядом с ним в столовую или в парк, бегал в табачный киоск купить ему «Беломор» или пачку «Казбека».

Только к вечеру, когда сгущались сумерки и скамейки в парке спешили занять парочки, Сергей отсылал меня с каким-нибудь невыполнимым поручением. Или просто говорил: «Иди погуляй».

Я нехотя ретировался: знал, что Сергей ждет Зою, свою соседку по столу. Приветливая, улыбчивая, она и днем часто подсаживалась к нам, болтала о пустяках, поправляла ворот рубашки Сергея, который и поправлять-то было нечего, потому что он был отглажен и всегда на месте. Вечером я получал отставку, но зато утром был уже рядом с Сергеем. Только мне Сергей рассказывал о своем чувстве к Зое, правда, самую малость. Ни с кем другим он не мог делиться своим восторгом от подаренного поцелуя, своей надеждой. А со мной, с мальчишкой, верно ему преданным, говорить об этом было не стыдно. Приближался день отъезда из санатория Зои, день решающего разговора Сергея с ней. Я тоже ждал его с нетерпением, переживая за своего старшего друга. В тот день Сергей был особо подтянут, одежда на нем была точно с иголочки, от чистой рубашки до наглаженной складки брюк. Выбритый до блеска, надушенный хорошим одеколоном, он казался спокойным и даже веселым, волнение выдавали только дрожащая в руках папироса и его жадные частые затяжки.

В палате стоял большой букет свежих розовых пионов, ясно — для Зои приготовил.

После завтрака Сергей и Зоя пошли через парк, к сосновой рожице, что росла на холме. Глядя им вслед, я представлял, что Сергей вот-вот взлетит. Когда он выбрасывал вперед поочередно то костыли, то ногу — это было как первый скак-подскок перед полетом птицы.

Я направился в противоположную сторону в город. Купил мороженое, обложенное вафлями, мороженщик набрал его ложкой в цилиндр и выдавил поршнем, потом попил газированной воды с сиропом. Побродив около часа, я вернулся в санаторий и еще издали увидел куда-то спешащую Зою. Она была одна. Я побежал в палату Сергея, но его там не оказалось. Не было его и в парке, и я полетел в сосновую рощу.

Долго искать не пришлось. Сначала на склоне я увидел брошенные костыли и только потом, метрах в двадцати ниже, лицом в траве лежащего Сергея. Рубашка и брюки его были испачканы: видно, он катился по склону, весь он был измят и взъерошен, как подстреленная птица.

Я неслышно подобрался и тронул его за плечо. Сергей приподнял голову, потом медленно повернулся и сел. Глаза его были красные, лицо измученное, я ничего у него не спрашивал, все было и так ясно. Мы молчали. Сергей закурил, стряхнул налипшую хвою.

— Эх, Борька! Хорошо тому живется, у кого одна нога, - проговорил Сергей, еще помолчал и пусто добавил: — И сапог немного надо, и порточина одна.

Я пошел за костылями, горько было на душе. Какая же драма тут разыгралась? Как помочь Сергею? У него в глазах стояли слезы. Но чем помочь, я не знал и до сих пор не знаю...

В начале учебного года в школьный комитет комсомола позвонили из Рубцовского горкома и попросили взять шефство над больной девушкой Олей Чайкиной. Из-за травмы и развившегося затем костного туберкулеза ходить она не могла. И вот в воскресенье иду по Барнаульской улице, прижавшейся к берегу Алея. Кончился ряд бревенчатых домов с прочными палисадами, с огромными псами на цепях, пошли времянки, развалюхи, каким-то чудом удерживающиеся на подмываемом и разрушающемся весной берегу.

Указанный в адресе дом стоял у самого обрыва. Пройдя в незапертую дверь, я очутился в небольшой комнатке с земляным полом и единственным оконцем. В углу на железной кровати сидела девушка с большими глазами, очень коротко подстриженная. Худые руки и лицо ее были серого цвета, напоминавшего цвет проросшего в темноте картофеля. Девушка была в застиранном ситцевом платье, ноги ее прикрывало одеяло. Рядом на табурете сидел отец девушки, молчаливый и на вид еще не старый,

Мы познакомились, я сказал, что мы будем помогать Оле учиться в нашем восьмом классе. Глаза у девушки загорелись, руки суетливо задвигались, поправляя то платье, то одеяло, щеки слегка порозовели, и Оля, заикаясь, стала горячо благодарить и рассказывать о своем желании учиться. Отец все молчал и только покачивал головой, как бы удивляясь дочкиной неумности.

Мы стали договариваться, когда лучше приходить. Отец вышел со мной на улицу и показал, где под дверью будут прятать ключ от входного замка. На том и распрощались, и я пошел к себе, на Тракторную улицу.

Наш двухэтажный дом, построенный из сосновых квадратных брусьев, показался мне высоким и красивым дворцом по сравнению с только что покинутым домиком, который при следующем весеннем половодье мог оказаться в бурных и коварных водах Алея.

Желающих помочь Оле оказалось больше, чем требовалось, и мы решили ходить к ней по двое, а то и по трое. К тому же в редкие теплые осенние дни еще можно было искупаться в Алее. Так мы потом и делали. Приходили к Оле, оставляли портфели, бежали по склону к реке, быстро окунались в обжигающую холодную воду, Выскочив на берег, скакали на одной ноге, чтоб вылилась вода из уха, одевались и бежали к Оле.

Она уже жадно рассматривала принесенные тетради, оценки и замечания учителей, написанные красными чернилами. Тут мы наперебой рассказывали все школьные новости, записывали заданные уроки, делились особо ценными учебниками, которые нам выдавались на несколько человек.

Приближалась зима. Трудно было представить, как же сможет жить Оля в домике на семи ветрах в суровые сорокаградусные алтайские морозы. Ну, ладно, поможем заготовить дрова, истопим печку, когда принесем уроки. Но ведь потом мы уйдем, и тепло выдует, а когда-то придут со смены Олины родители.

На бурном заседании школьного комитета комсомола мы долго шумели, обсуждая план действий, и наконец решили послать делегацию к директору завода. Директор завода Александр Михайлович Тарасов, будущий министр автомобильной промышленности, принял сразу же столь необычных ходатаев. Из нашего горячего, сбивчивого рассказа он все-таки уловил суть и что-то записал в откидном календаре. Потом он поинтересовался нашими

школьными успехами и сказал, что подумает и посоветуется, как помочь семье Чайкиных. С тем мы и отбыли, гордые удачно выполненной миссией.

Через несколько месяцев отец Оли получил ключи от квартиры в лучшем каменном доме в поселке АТЗ. Директор сдержал свое обещание. На радостное новоселье мы подарили Оле купленные в складчину приемник «Рекорд» и шахматы.

Отлютовала зима, вступившая ей на смену весна занялась переплавкой огромных сугробов снега. Мощные потоки, сначала чистые, а потом все более мутные, стали пробивать русла к Алею, низвергаясь в него шумными водопадами. Пришел май и конец учебного года.

В один из солнечных майских дней мы собрались у Оли. Отец взял ее на руки, вынес на улицу и осторожно усадил на широкую скамейку возле дома. Тут же расставили шахматы, и Оля с Лидой углубились в расчет комбинаций. Все пытались подсказать, острили, смеялись, а я и Валентин фотографировали, стараясь снять ребят в естественных позах.

На летние каникулы я, не помню куда, уехал, а когда вернулся, то узнал, что Оля и вся ее семья переехали на юг. Связь наша оборвалась, но навсегда ли...

Помогая Оле, мы не чувствовали себя тимуровцами, никакой важности, значительности никогда никто не показывал, а по-моему, и не ощущал. Это даже не было шефством, а было потребностью души каждого. Поэтому и принимала нашу помощь Оля легко, естественно. Помогая Оле, мы сами незаметно становились лучше.

В студенческие годы мне пришлось навещать своего товарища в психиатрической лечебнице. У меня всегда был неизъяснимый ужас перед сумасшедшим домом, но то, что я увидел воочию, превзошло все мои ожидания. Высокие заборы, цепочкойдвигающиеся по дорожке территории, как тени, тихие безликие фигуры в сопровождении санитаров, искаженные лица буйных больных, глядящих сквозь забранные решеткой окна, страшный шум из палат, и среди этого ада свидание со своим товарищем — молчаливой, вздрагивающей, постоянно меняющейся в лице девушкой. Так я и не понял, признала она меня или нет. Но врач убеждала меня, что мои посещения благотворно повлияют на излечение, врач надеялась на это. Мне же казалось, что у меня не хватит духу вновь переступить порог этой обители.

Я все-таки переступил этот порог и увидел девушку поправившейся. Как она мне рассказала, она хорошо помнила мой первый приход и даже то, что санитарка, ее сопровождающая, отобрала передачу — большие красные яблоки. В этот раз обстановка уже не показалась столь страшной, а главное, было видно: наша однокурсница выздоравливала.

У здорового человека при встрече с серьезными физическими или умственными недостатками другого человека невольно, подсознательно возникают некоторый страх, отталкивание, иногда любопытство, но чаще брезгливость. Не только врачи и медицинский персонал решительно избавляются от подобных чувств, все нормальные люди могут преодолеть их в себе, понять инвалида и прийти ему на помощь.

Огромное количество людей так и поступает. И среди них в первую очередь дети, подростки и молодежь. Я читал и храню заметки о ленинградских и новосибирских школьниках, считающих своей первой обязанностью помочь инвалидам и престарелым, слабым людям. Но больше всего в помощи и дружбе нуждаются их сверстники, пораженные недугами. Как бы ни заботились о них взрослые, душевное тепло дети-инвалиды могут получить от своих здоровых товарищей.

Общение, доброта, большие и малые радости совместных игр и даже состязаний лучше всех лекарств лечат душу, а, следовательно, в определенной мере и тело больного ребенка.

Среди моих нынешних товарищей немало тяжело болеющих с детства. Многие из них широко образованные, яркие личности. Я долго не мог себе представить, как формируются такие замечательные люди в невероятно трудных условиях жизни с самого раннего детства. Конечно, все они волевые, цельные, с твердым характером, незаурядными способностями. Есть у них и еще одна отличительная черта — общительность. Мне представляется, что огромную роль в их становлении сыграли общение и помощь здоровых людей, их многочисленные друзья.

Но у одних друзья и помощники есть, а у других в силу ряда причин нет. Однако каждый хочет разорвать замкнутый круг одиночества. Сравнительно недавно я узнал о товариществе взаимопомощи «Прометей», образованном самими инвалидами, познакомился с председателем товарищества Тамарой Загвоздиной.

О самих прометеевцах, об их многочисленных добрых делах я прочел в рукописных самодельных журналах «Огонек», которые они мне прислали. Да, надо прочитать эти удивительные страницы, тогда станет понятна огромная польза и тяга инвалидов к объединению и общению.

В одном из ранних, первых «Огоньков» внимание мое привлек эпитафия, открывающий номер:

«...Считается ведь, что мы — вроде балласта у человеческого общества, а сколько трагедий в семье, потому что больные, искалеченные люди — в тягость. Так вот, старания прометеевцев должны быть направлены не только на помощь и взаимовыручку, но и к тому, чтобы отыскать в каждом то, чем он может быть полезен людям, развивать эти черты. Пусть не в тягость, а в помощь становятся наши товарищи по несчастью».

Какие верные и выстраданные слова! Кто же их написал? В конце цитаты было указано, что прислала ее Эмма Сазонова из Керчи. И еще приписано, что это выдержка из письма Ольги Чайкиной, которое она написала этой самой Эмме Сазоновой.

«Постой, постой, Ольга Чайкина? Что-то имя и фамилия знакомые... Но быть этого не может, уж я-то знаю, сколь быстротечна жизнь инвалидов, а прошло с той рубцовской поры тридцать лет», — с волнением думал я. И все-таки, а вдруг это наша Оля? Есть же у меня знакомые инвалиды Отечественной войны. Сколько лет они несут свой крест! Но ведь то мужчины, а Оля была слабенькая, как хилый росточек. Нет, наверное, не она, ее давно нет.

Сомнения, надежды одолевали, однако не в моих правилах упускать даже единственный шанс. Начался поиск. Полетело письмо в Воронеж, к прометеевке Хельви Хяккеля с просьбой узнать, жила ли Ольга Чайкина, упомянутая в «Огоньке», в начале пятидесятых годов на Алтае в Рубцовске?

Прошло несколько месяцев ожидания, я опять напомнил о своей просьбе, и из Воронежа ушло письмо на Урал, к Тамаре Загвоздиной, от нее — другое, в Керчь, к Эмме Сазоновой, а Эмма Сазонова написала своей подруге Ольге Чайкиной, проживающей в Евпатории. Люди утруждали себя, но считали, что это не «та» Оля и поиск мой бесполезен. Ольги Чайкиной в Евпатории не оказалось. Ее положили в клинику в Симферополе. Опять неизвестность, опять ожидание.

Всему бывает конец. Как гром среди ясного неба прозвучал для Ольги вопрос из полученного наконец-то письма: «Тебя разыскивает какой-то Борис Фертман, знаешь ли такого, он хочет узнать, жила ли ты на Алтае в городе Рубцовске?»

«Да, сомнения нет, это мой школьный шеф... Все помню четко, и ребята, лучше или такие, как они, больше не встречались, — сразу же ответила Ольга своей подруге. — Сообщение о Борисе очень взволновало меня и переключило мою глубоко травмированную душу на мажорный лад...»

Ольга просила дать ей мой адрес. Закрученная пружина поиска стала работать в обратном направлении. Эмма написала Тамаре на Урал, а Оле сообщили об очерке, опубликованном в журнале «Звезда». Оля его прочла и ответила Эмме:

«Я, конечно, и подумать не могла, что речь пойдет о несчастье с Борисом... Я читала, а сама все смотрела и смотрела на описки черных букв на белой бумаге, означающие его имя и фамилию. Говорят, у умирающего в одну секунду вся жизнь проходит перед глазами. Остро раненная память моя до мельчайших эпизодов вырвала оставленные в ней кадры той ленты, где есть он, Борис. Знаешь, когда очерк уже был прочитан, я ловила себя на том, что уже не читаю, а поглаживаю те буквы, где его фамилия. Но, видимо, это уже чисто женское — страдание унимать женской лаской».

Тамара Загвоздина сообщила мне о результатах поиска, послала мой адрес Оле, получил я письмо и от Эммы Сазоновой. Близился конец лабиринта, мы обменялись с Олей письмами.

«Сегодня пришло твое письмо, — писала Оля, — не помню уже, когда для меня день сиял так же ярко, как сегодня, ясно, что это было слишком давно».

Итак, мы отыскивали друг друга, заочная встреча состоялась. Но что заставило меня начать поиск, утруждать людей, волноваться самому (в самый последний момент я и сон потерял), так сильно волновать Олю? Подтолкнули ли письма из клуба «Корчагинец» и связанные с ними размышления? Или мне хотелось с Олей поделиться радостью общения со школьными друзьями? Я ведь знал цену общения, а Оля сможет теперь установить связь со многими своими рубцовскими шефами. Не только она всех помнит, но и ее запомнили крепко.

Мы встретились с Олей Чайкиной летом в Саках. Два человека на колясках, прошедшие еще не до конца свой трудный путь, сидели рядом, смотрели во все глаза друг на друга и вспоминали.

Вот такой нечаянный эпилог получился у моей книги...

1976-1981

ИЗ СТИХОВ БОРИСА ФЕРТМАНА

ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ

Печаль росла.
По ком-то днем и ночью
Колокола
Гудели медной мощью.
В дому беда
Нежданная — воочью,
И навсегда
Былое счастье — в клочья.
Мозг перебит,
Сломался позвоночник,
И жизни нить
Порвалась на кусочки,
И, сокрушив,
Судьба дала отсрочку,
Сраженный жив —
И рано ставить точку...
Сентябрь 1986 г.

* * *

Сережки тополей,
Трезубцев зелень клейкая
На клене. Средь ветвей
Пичуги нежно тенькают.

А неба синева,
В озерах отраженная,
Дрожит, как тетива,
Стрелой освобожденная.

И гуси косяком
Над озером проносятся,
И хочется рывком,
Ползком за ними броситься.
2 мая 1986 г.

СВЕТ ДАЛЕКОГО ОКНА

Свет далекого окна
И зовет и греет.
На дворе уже весна
В черном небе, как блесна,
Густо звезды сеет.
Свет далекого окна,
Призрачного духа,
Информации полна
Световая та волна
От родного друга.

Свет далекого окна!
Ты — отрада взора.
Лучше всякого вина
Свет далекого окна —

В жизни мне опора.
20 марта 1986 г.

РУБАИ

Для тела радость — двигаться с утра,
Мышц напряженье — лучшая игра,
И наслажденье, душ приняв холодный,
Идти, ведь впереди ждет дел гора.

Достойную работу дай уму!
Познание светом рассекает тьму!
Но если день прошел бесплодно, скучно,
То день пропал, возврата нет ему.

Беседе подари вечерний час,
Веселье, хмель и мысль царит у нас.
Счастливые часов не наблюдают.
За дружеской беседой день угас.

Любовным ласкам ночь принадлежит!
Не будь сурком, не спи, пока ты жив,
Держи любимую в объятьях крепче...
Потом глубокий сон заморозит.
Август 1982 г. Кемери

Лине

Без тебя мне давно бы каюк,
Точно мухе, попавшей в тенета,
Где ее уже песенка спета,
Вот он — шустрый мохнатый паук.
В полумраке маячит лицо
Той старухи босой и с косою,
Той, что тянет костлявой рукой,
Зазывает к себе с хрипотцой...

Но своею рукой отвела
Ты беду — старуху ту черную,
И душу мою непокорную,
Отогрев, ты любовью зажгла.

Без родных и умелых тех рук,
Так заботливых ночью и днем,
Я, как факел, сгорел бы огнем,
Без тебя мне давно бы каюк.
26 апреля 1987 г.

* * *

«Сначала морозы,
А следом метель» —
Такие прогнозы
Последних недель.
Космический холод —
Труба и пожар.
А в Грузии молот
Лавин. Будто шар
Сорвался с орбиты,
С осей и крейцкопф,
Рекорды побиты
Земных катастроф.
1 февраля 1987 г.

* * *

Бульдозером-то, сволочи,
Ох, и натворили,
Бульдозером-то, сволочи,
Липы повалили.
Стояли они, родные,
Двадцать лет подряд,
А сволочи природные
Их уложили в ряд.
1 февраля 1987 г.
ИГРА

Эх, начать бы сначала
И забить бы «козла»,
Если б молодость знала,
Не зашла бы с «аза».
А зашла бы с «шестерки»,
Погуляла бы всласть,
Не скатилась бы с горки,
Обошла бы напасть.
Но нельзя ни на йоту
В прошлом что-то менять,
Коли был идиотом,
Бесполезно пенять.
В жизни глупость — сначала,
Ну, а мудрость — в конце.
Если б молодость знала,
Век ходила б в венце.
11 августа 1988 г.

У БАЛКОНА

Желтые огни, огни зеленые,
Сизый сумрак тающего дня,
И в весенних лужах отраженные
Черные столбы и тополя.

Тишина здесь, митингов не слышно,
Забастовки где-то далеко,
Но покой обманчив, как под крышкой
Закипевшее на печке молоко.

Век наш сумасшедший и жестокий,
«у народных слуг» все та же страсть,
Борются за власть — и в том истоки
Наших бед, а слугам власти сласть.

Никому из них уже не верю,
У балкона коротаю дни
И гляжу в распахнутые двери
На зеленые и желтые огни.

20, 24 марта 1991 г.

ОЖИДАНИЕ

Нет лучше месяца в году,
Я жду тюльпанный май,
Пробьются крокусы в саду,
И разразится, как в бреду,
В полях грачиный грай.

И будет вишенья в цвету,
Открою свой сарай,
В своей коляске на ходу,
С природой вечною в ладу,
Вкачу в зеленый рай.

3 апреля 1988 г.

ПРИШЕЛЬЦЫ

Снежинки резвые,
как рой, — из рая ли?
С седьмого неба? —
летят в ладонь.
Посланцы нежные
в руке истаяли,
Как детство милое,
как дивный сон.
Воспоминания —
сугробы памяти,
Но лишь коснешься их —
внутри огонь!
Несет аллюром их
в метельной замети
Воображение —
мой верный конь.
18 марта 1988 г.

* * *

В пучине подсознания
Цветут воспоминания...

Бесценное наследство —
Весенний ландыш детства,
И юности фиеста
Вся в поисках невесты,
Да молодости рейды,
Где страсть — лихой фореитор.

Потом одна больница.
Но мне она не снится.
5 июля 1987 г.

ЗИМОЙ

Кусочек неба, стены и окно.
Промышленный пейзаж с железною дорогой.
Хрустальный клен,
Чьи ветви я не трогал, —
Иного не дано.
24 декабря 1988 г.

ПОЕЗД ДАЛЬНЕГО СЛЕДОВАНИЯ

Поезд дальнего следования,
Проплывая в ночи,
Вечно со мной беседуя,
Вместе с сердцем стучи.

И свет твоих окон ласков,
От тоски и от пут
Уносит мечтою сладкой
В дальний рельсовый путь...

Вспыхнет желтый огонь полустанка
И умрет навсегда,
Лишь до конечной стоянки
Все бегут провода.

Цветные зрачки семафоров
Не забудут сказать,
Кому лететь по просторам,
А кому подождать.

Провожать и встречать у вокзала
Не могу, не хочу,
Но как бы душа ни стенала —
За вагоном лечу.
И нет мне сна и покоя,
Вижу только перрон,
Возьми меня, дальний поезд,
Хоть в последний вагон.

...Отстучали по стыкам колеса,
И над рамой дверей
Алый свет и струится, и льется
Из глазниц фонарей.

Люблю тебя, ветер встречный,
И колес говорок,
Люблю простор бесконечный
Бесконечных дорог.
24, 25 августа, 25 ноября 1978 г.

ЗА ОКНОМ

Клен — зеленая рубашка,
Что, дурашка, лапу тянешь?
Шелестишь, зовешь, шаманишь —
И объятья нараспашку.

Старый друг и страж мой вечный,
Развлекаешь птичьим гамом,
Суею в оконной раме
Шустрых воробьев беспечных.

Как в туннель, въезжает поезд
В крону, в гушу листьев звездных.
Не за мной ли? Стой! Seriously,
Забери меня с собою.

Только как оставишь друга?
Мы с тобою неразлучны,
И зимою долгой, скучной
Окоем ты и округа.

А весною, мой проказник,
В будущих твоих листочках
И в набухших жизнью почках
Обещаешь новый праздник.
19 августа 1987 г.

ЭПИТАФИЯ ЗАБАЛКОННОМУ КЛЕНУ

Засох мой клен —
Ни почек, ни трезубцев,
Ни листьев краснопалых,
Ствол словно кол.

Прекрасен он
Бывал весной. Проснуться б,
Увидеть алый, шалый...
Но гол сокол.
31 октября 1991 г.